ISSN 0131-6044

РОМАН-ГАЗЕТА

3 (1273) · 1996

Сергей Высоцкий

ПО ЧУЖОМУ СЦЕНАРИЮ

ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ В ГОРОДЕ НА НЕВЕ

В одном из красивейших мест Санкт-Петербурга — на площади Искусств (бывшей Михайловской) — стоит этот прекрасный памятник великому поэту. И настолько он гармонично вписывается в архитектуру зданий вокруг нее, настолько соответствует общему облику града Петра, что кажется — сотворен никак не позже века 19-го. Однако автор монумента — наш современник, Михаил Константинович Аникушин, действительный член Академии художеств, заслуженный деятель искусств России.

Ведь это только представить: какую колоссальную ответственность должен взять на себя скульптор — создавать памятник в «Северной столице», да кому? Великому Пушкину! Не случайно путь Аникушина к цели был долог и многотруден.

...Конкурс проектов памятника Пушкину был объявлен в 1937 году, в год 100-летия со дня смерти поэта. Аникушин, тогда еще двадцатилетний студент Академии художеств, и не мечтал об участии в конкурсе. Свои проекты представили такие именитые скульпторы как И. Д. Шадр, В. В. Лишев, В. В. Козлов, Г. И. Мотовилов и многие другие.

Предметом долгого обсуждения был выбор места для установки памятника. Предлагались: Летний сад, правый берег Невы, Марсово поле. Выбор пал на стрелку Васильевского острова. Однако вскоре выяснилось, что новый компонент не вписывается в соседство с двумя вертикалями ростральных колонн и зданием Фондовой биржи.

Но всем этим планам не суждено было в тот момент осуществиться — началась Великая Отечественная война. Прошел ее с начала и до конца М. Аникушин. С еще большей энергией взялся он за любимое дело: завершил учебу в Академии, создал серию скульптур по военной тематике. В 1949 году, когда был продолжен конкурс на создание памятника Пушкину, М.Аникушин оказался среди 16 сильнейших соискателей. Его проект, еще не совсем схожий с окончательным, конкурировал с проектами Н. В. Томского, Г. И. Мотовилова, С. М. Орлова и других коллег. И он сразу же привлек внимание общественности своей неординарностью, простотой пластической формы, а, главное, в нем увидели Пушкина таким, каким все представляли: вдохновенным, раскованным, не академичным, а доступным и узнаваемым.

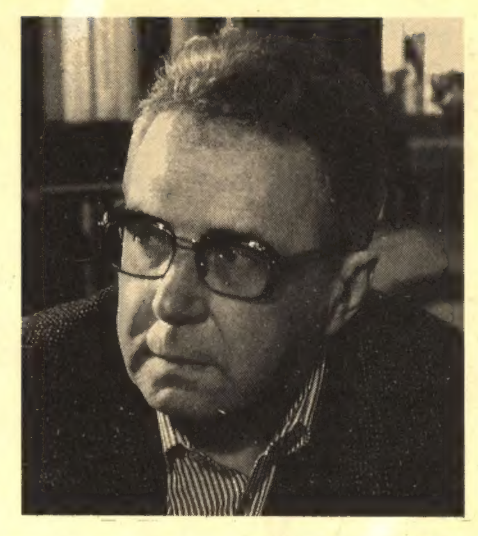
Но прошло еще долгих восемь лет, прежде чем именно «его» Пушкин занял место на постаменте архитектора В. А. Петрова в центре площади Искусств (именно это место было в конце концов избрано для установки памятника). Не раз вносились автором коррективы в облик поэта: его позу и одежду.

В этот же напряженный период он выполняет еще один заказ — сооружает памятник поэту на станции метро «Пушкинская» в Ленинграде. А через два года — 19 июня 1957 года, в дни празднования 250-летия города на Неве, памятник А. С. Пушкину, выполненный М. К. Аникушиным, был торжественно открыт на площади, где расположены Русский музей и филармония, Малый оперный театр и невдалеке театры Музыкальной комедии и имени В. Ф. Комиссаржевской. В центре ее — изящная, легкая фигура Александра Сергеевича Пушкина, вдохновенно декламирующего стихи.

С тех пор на этой площади органично сосуществуют музыка и изобразительное искусство, театр и поэзия.

Олег НИФОНТОВ

Сергей Александрович ВЫСОЦКИЙ родился в Ленинграде в 1931 году. Осенью 1942 года эвакуирован из осажденного города. Жил в детском доме в пермском селе Сива. После войны закончил Ленинградское Арктическое училище. Затем получил журналистское образование, работал главным редактором областной газеты «Смена».

В 1964 году переехал в Москву. Работал в центральных журналах и газетах: «Молодой гвардии», «Комсомольской правде», «Огоньке», был главным редактором журнала «Человек и закон».

В 1988 году в серии «Жизнь замечательных людей» увидела свет его книга о выдающемся русском юристе А. Ф. Кони. В 1994 году в издательстве «Сивма-Пресс» вышло полное собрание сочинений С. Высоцкого в семи томах.

По сценариям писателя снято шесть художественных фильмов: «Три ненастных дня», «Анонимный заказчик», «Среда обитания» и другие.

В 1993 г. в «Роман-газете» (№ 16) опубликована его повесть «Не загоняйте в угол прокурора».

Сергей Высоцкий

ПО ЧУЖОМУ СЦЕНАРИЮ

РОМАН

Все события и герои этого романа выдуманы.
Любые аналогии неправомерны.

ОПЕРАЦИЯ «ОРЕХ»

У начальника уголовного розыска Якушевского шло совещание, когда с противным скрипом открылась дверь и в кабинет заглянул молодой красивый парень с бритой головой. Якушевский, хмуро листавший странички очередного плана оперативно-розыскных мероприятий, даже не поднял головы. Наверное, даже не услышал привычного скрипа дверей. Молодому человеку пришлось покашлять, чтобы привлечь его внимание.

Когда подполковник оторвался от бумаг и их взгляды встретились, бритоголовый еле заметно сморгнул. Что, в общем-то, было неудивительно — табачный дым резал глаза и выбивал слезу. Но шеф УГРО хорошо знал своих подчиненных и, бросив присутствующим короткое: — Сейчас приду! — вышел из кабинета.

В коридоре негромко спросил у парня:

— Что у тебя, Евгений?

Молодой человек молча кивнул на входную дверь.

Через минуту они сидели в салоне потрепанных, пыльных «Жигулей».

— «Орех» объявился,— наконец-то разродился бритоголовый, и, судя по тому, как присвистнул Якушевский, новость эта оказалась для него очень важной.

— Есть адрес? — Даже здесь, в закрытой машине, подполковник произнес фразу чуть ли не шепотом. И для этого у него имелись все основания.

«Орех», Семен Филатов, беглый директор акционерного общества «Айсберг», надувший несколько десятков тысяч легковерных соотечественников, вложивших деньги в его предприятие, совершил еще с десяток разных преступлений. Трижды оперативники отдела выходили на след Филатова и каждый раз задержание срывалось. Кто-то заранее предупреждал одного из самых богатых бандитов столицы.

После отлета Филатова в Вену за полчаса до того, как сотрудники уголовного розыска при поддержке омоновцев ворвались в его конспиративную квартиру, надеясь взять «Ореха» тепленьким, в постели, Якушевский не верил никому: ни омоновцам, ни своим инспекторам, ни шефу, ни следователям прокуратуры, ни чиновникам префектуры и мэрии. Последним верил меньше всего. Только два-три офицера, проработавших с подполковником по нескольку лет, пока еще не попали под подозрение. И среди них парень с бритой головой — капитан Евгений Рамодин.

Однажды, истерзанный подозрениями, подполковник не удержался и пожаловался Рамодину:

— Женя, как жить дальше? Никому не верю.

— Застрелитесь.

Якушевский опешил. Такого жесткого ответа он не ожидал.

— Да-а!.. — протянул он озадаченно.— Другого выхода нет? А может быть, начать с отстрела предателей?

— Патронов не хватит.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— А что прикажете? Из-за каждого взяточника жизнь себе портить?

— А сам-то ты застрахованный? — Подполковник сказал фразу в запальчивости и внутренне похолодел. Испугался, что Рамодин обидится и вспылит. Но Евгений спокойно ответил:

— Застрахован. Брать взятки — себе дороже. Большие деньги заработать не проблема. Даже торговец в ларьке несколько миллионов в месяц выгоняет. Можно и на брокера подучиться. Была бы охота. А чтобы брать по пятьсот миллионов — должность надо занимать повыше. Номенклатурную. Старшему оперу столько не дадут.

— Но другие и по миллиону берут!

— Дураки. Мелочатся. Предел мечтаний — на «Жигуль» скопить. Так и живут: ни богатые, ни бедные.

Якушевский хотел спросить: «А если миллиард? Ты бы взял?» Но у него у самого сердце екнуло от такой цифры, и он, неожиданно для себя, буркнул:

— Свят, свят! Не скочи на шею!

Откуда, из каких глубин подсознания всплыла эта странная фраза, подполковник никогда объяснить бы не сумел. К религии он был равнодушен, а о том, что покойная бабушка ходила в церковь, никогда не вспоминал.

— Сведения верные?

— Вернее не бывает. Узнал десять минут назад. Один мой осведомитель проштрафился, теперь землю роет. Грехи замаливает. Сейчас «Орех» на квартире, на улице Коперника. Завтра опять улетает за границу.

— До завтра ждать нельзя. Однажды мы уже накололись.— Якушевский обвел взглядом площадку, на которой стояли автомобили управления. Прикинул, сколько машин можно будет взять. Рамодин перехватил его взгляд.

— Поедем на моей. И у Куприянова «Москвич». Так будет верней.

— Ты прав. И возьмем с собой всех, кто у меня в кабинете.— Он секунду помедлил. Пересчитал всех в уме.— Семеро. Да мы с тобой.

— И Горбунов там?

— И Горбунов! — с нажимом сказал подполковник.— У тебя есть возражения?

Рамодин не ответил. Только провел рукой по своей бритой голове. Словно хотел пригладить непокорные вихры. Горбунова он недолюбливал за невыдержанность. Майор любил пострелять. Даже тогда, когда обстоятельства этого не требовали.

— Никому не дам разойтись по кабинетам. Ни на минуту!

— Автоматы?!

— Пошлю за ними Соловьева.— Соловьев был заместителем Якушевского.— Чего мы время зря теряем? Поехали! Начальству доложу потом.

Капитан согласно кивнул. Он был не из болтливых.

Потрепанные «Жигули» Рамодина и «Москвич» майора Куприянова мягко притормозили у подъезда семиэтажного дома в тот момент, когда из него выходили четверо мужчин. «Орех» и три охранника. Наверное, им только что просигналили, что на улице чисто,— охранники были безмятежны и уверены в себе. Никто из них не успел вытащить оружие. Лишь у одного в руке был радиотелефон. Сам Филатов никогда не носил даже газовый пистолет.

Через минуту все были в наручниках. В том числе и водитель, дожидавшийся хозяина на противоположной стороне улицы в сверкающем хромом и лаком синем «БМВ». Увидев, какой оборот приняли события, шофер посчитал за благо не совершать резких движений и затаился в машине, как мышь в норе. Может быть, надеялся, что о нем забудут. Не забыли. Когда Рамодин надел на него наручники, водитель не проронил ни звука. Только хмурился и раздувал ноздри.

Арестованных усадили в разные машины и увезли в управление. Соловьев поехал на трофейном «БМВ».

Рамодин с одним из оперативников поднялся в квартиру, где стоял постоем «Орех»,— проверить, не осталось ли чего интересного после ухода бандитов, и вызвать подкрепление для засады.

Якушевский с Горбуновым остались у подъезда.

Начинало темнеть. Улица казалась пустынной. События у подъезда произошли так стремительно, что не успели собрать толпу зевак. Лишь несколько мальчишек, игравших на бульваре, побросав свои велосипеды, с интересом следили за милиционерами, ожидая, что же последует дальше. Но в это время кто-то из ребят крикнул звонким голосом:

— Слон! Слон!

И все, как по команде, вскочили на велосипеды и понеслись к цирку. Там служители вывели на прогулку слониху со слоненком.

Якушевский невольно отвел взгляд от подъезда — не каждый день увидишь разгуливающих по улице слонов,— и в это время дверь подъезда бесшумно приоткрылась. На улицу выскользнул невысокий плотный мужчина.

Скорее почувствовав, чем заметив движение, оба милиционера обернулись. Горбунов крикнул:

— Эй! Гражданин! Стоять!

Мужчина посмотрел на него испуганно. Спросил:

— Это вы мне? — Он несколько театрально приложил ладонь к груди.

— Вам, вам! — подтвердил Якушевский, внимательно его разглядывая. Мужчина выглядел респектабельно: серый костюм-тройка, неброский красивый галстук. Интеллигентное, усталое лицо чиновника, приближающегося к своему шестидесятилетию.

— Вы в какой квартире живете? — спросил подполковник и двинулся к нему, но ответа не дождался. Мужчина, чуть прихрамывая, стремительно рванулся наутек.

Это выглядело так нелепо и бессмысленно, что ни Якушевский, ни Горбунов в первое мгновение не сделали попытки его догнать.

«И далеко он собрался? — подумал подполковник.— Припустил как заяц!»

Горбунов вытащил из кармана свисток. Резкая милицейская трель прорезала вечерний воздух. Но «бегун» не обратил на свисток никакого внимания. Он уже приближался к углу здания.

— Горбунов! — подполковник покосился на сотрудника и протянул руку за автоматом, чтобы майору

было легче бежать. Но Горбунов то ли не заметил жеста начальника, то ли посчитал, что автомат может пригодиться, бросил коротко:

— Понял! — И кинулся вслед за беглецом.

А мужчина уже свернул за угол дома.

— Стой, дурак! Стрелять буду! — крикнул Горбунов, и Якушевский поморщился. Он, как и Рамодин, недолюбливал оперативника за грубость и неприкрытое стремление выслужиться. И уже пожалел, что послал вдогонку его, а не побежал сам.

У подполковника не мелькнуло ни малейшего подозрения, что убегавший мужчина связан с «Орехом». Но тогда почему он побежал? Не проверить, кто он, откуда шел, Якушевский не мог. Он был профессионалом.

«Как бы наш Павлик сгоряча не поставил этому дяде пару фингалов»,— встревожился подполковник и не спеша пошел к углу дома, за которым скрылись беглец и преследователь. И в это время хлопнул один выстрел, а через короткий промежуток — второй. Якушевский не выдержал, побежал.

СМЕРТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Беглец далеко не ушел. Он лежал метрах в тридцати от угла дома. Лицом вниз. Голова и руки свешивались с поребрика на проезжую часть дороги. Оперативник стоял рядом, задрав голову и подняв автомат. Он внимательно осматривал окна.

— Майор! — окликнул Якушевский.— В чем дело?

Горбунов обернулся. Лицо его было растерянным. Он только пожал плечами и ничего не ответил.

— Кто стрелял?

— Куда?

— Ты что, очумел?

— Я стрелял вверх!

— А в этого? — подполковник показал на распростертое тело и, не дождавшись ответа, подошел к нему, наклонился.

— Не пойму, откуда стреляли... — Горбунов тоже подошел к телу.— Я ему кричу «стой!», а он жмет. Схватился за дверцу машины...

— Хватит болтать! — зло выпалил подполковник.— Давай повернем.

У него не было никаких сомнений, что Горбунов по своему обыкновению спорол горячку: сначала выстрелил, а потом подумал. И теперь пытается «навесить ему лапшу на уши».

Они осторожно перевернули тело. Даже не проверяя пульс, было видно, что мужчина мертв. Левый борт пиджака уже пропитался кровью. Пуля попала в сердце. «Сквозная рана»,— отметил Якушевский и подумал о том, что надо обязательно найти пулю.

Прибежал Рамодин. Он тоже услышал выстрелы.

— Евгений, вызывай оперативную группу с Петровки. И «скорую». Хотя, кажется, уже поздно.

Рамодин ушел.

— Не пойму, откуда стреляли? — повторил Горбунов.— Я оба выстрела вверх дал!

— Да что ты заладил одно и то же! За какую дверцу он схватился? Где машина?

— Тут стояла. Синий автомобиль. «БМВ». Как у «Ореха». Этот бегун драпал к ней на большой скорости. Схватился за дверцу, открыл. Я подумал — сейчас укатит. И шмальнул вверх. Ей-Богу! А он дернулся и упал.

— А машина?

Подполковник, превозмогая одолевавшее его в подобных случаях чувство брезгливости, стал осматривать карманы убитого.

— Я взглянул на окна. Хотел определить, откуда стреляли, а машина тю-тю... Рванула по бульвару.

Из бокового кармана убитого Якушевский вытащил большой лайковый бумажник. В нем лежали несколько новеньких пятидесятитысячных купюр и тонкая пачка стодолларовых ассигнаций. В одном из отделений портмоне за прозрачной пластиковой перегородкой была засунута цветная фотография: две красивые женщины на берегу моря. Одной лет шестнадцать, другой около сорока. В боковом кармане серого пиджака подполковник нашел изящную темносинюю книжицу. Раскрыл. С фотографии на Якушевского с вызовом смотрел владелец удостоверения. Председатель Российской независимой телерадиокомпании «Седьмой канал» Орест Михайлович Паршин.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ?

Уже стемнело. Бригада следователей прокуратуры и оперативники с Петровки, 38 работали при свете прожекторов двух служебных уазиков.

Горбунов сидел в машине дежурного по городу и прислушивался к тревожным переговорам начальства по радиотелефону. Милицейские радиоволны были насыщены раздражением и нервозностью. Майор остро чувствовал это и начинал волноваться за свою судьбу.

«Такую панику устроили! — сердито думал он, глядя, как не меньше дюжины сотрудников прощупывают и просеивают каждый сантиметр дорожной пыли в поисках злосчастной пули.— Попадешь под горячую руку — несдобровать».

Еще час назад он попытался вмешаться в поиски и начал объяснять следователю прокуратуры, где, по его мнению, лучше искать пулю. Но следователь послал майора куда подальше. Потом, спохватившись, спросил у дежурного по городу:

— А этот почему с автоматом разгуливает?

У Горбунова изъяли автомат, табельный пистолет и милицейское удостоверение.

Прошло еще полчаса. На место происшествия понаехали журналисты. От юпитеров телевизионщиков стало светло, как днем. Майор видел, как несколько журналистов попытались пробиться к машине, в которой он сидел, но их не пустили.

Неожиданно свет прожекторов погас. Поиски прекратились. Горбунов спросил у подполковника, подсевшего к нему в машину:

— Нашли пулю?

— Не знаю, чего они там нашли! — раздраженно бросил подполковник.— Каждый считает себя пупом земли! Никак не договорятся.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Да-а... Будет шороху с этим убийством.

А уже через двадцать минут Горбунов сидел в прохладном от работающего кондиционера, но унылом и безликом кабинете перед следователем прокуратуры Виленом Тимофеевичем Мишиным.

Следователь майору понравился. Деловой. С пониманием милицейских проблем. Никаких отвлеченных рассуждений и нотаций. Конкретные вопросы. Конкретные ответы.

Горбунов старался отвечать спокойно и обстоятель-

но. Но никак не мог избавиться от сосущего чувства тревоги, охватившего его после того, как у него отобрали оружие и документы.

Сначала Мишин расспрашивал майора о том, давно ли он служит в милиции, где учился. Поинтересовался семьей, родителями. Где работают? И мать, и отец у Горбунова были пенсионеры, но следователю захотелось узнать о том, чем они занимались до ухода на отдых. Павел посчитал все эти вопросы предварительной разминкой, желанием разговорить, придать допросу задушевный характер. Он и сам, проводя дознание, нередко прибегал к такому методу. Когда обстоятельства позволяли не торопиться или требовалось вытянуть из задержанного побольше сведений. Но главное— если этот задержанный производил впечатление простоватого и наивного человека. С рецидивистами, с серьезными уголовниками такой номер не проходил. Горбунов подивился тому, какой прием для допроса избрал следователь. Видит же — не салага перед ним. Как говорится, не первый год замужем!

— Значит, единственная фраза, которую произнес Паршин, были слова: «Это вы мне?»

— Точно! Он даже показал на себя. Ткнул в грудь ладонью.

— И в этот момент остановился?

— Нет. Чуть притормозил. И сразу деру.

— Но его лицо вы разглядели?

Горбунов задумался.

— Чего ж тут долго думать? Если вы увидели, как он ткнул себя ладонью в грудь, значит, видели и лицо. Паршин ведь обернулся на ваш окрик?

— Да. Он посмотрел на меня. Но не остановился.

— Лицо не показалось знакомым?

— Нет. Счет-то шел на секунды.

— А раньше вам никогда не приходилось его видеть?

— Я с ним незнаком.

— Ну, знаете, как бывает... Я вот с президентом тоже не знаком, а узнаю с первого взгляда.

— Президента и я узнаю.

— Да ведь Паршин частенько на телеэкране мелькал. То пресс-конференция, то беседа с кем-нибудь из начальства.

— Да какое телевидение! Домой поздно прихожу, наемся, как удав,— сразу в сон бросает.

— Что вы, что вы! — запротестовал следователь.— Видели вы его, конечно. Не могли забыть. Однажды Паршин вел по телеку беседу с председателем Совета Федерации, и вы им о-очень возмущались. Даже назвали дураком и взяточником. Не очень логично, но было, было! Не помните? Смотрели телевизор вечером на дежурстве...

Горбунов пожал плечами и в душе чертыхнулся. Заложил кто-то из сослуживцев? Но кто? Он даже не мог сейчас вспомнить, когда это было. И еще подумал о том, что следователь проявил завидную оперативность. За пару часов сумел раздобыть такой компромат.

— Ладно, может, потом и вспомните. Но главное— вы с Паршиным лично были знакомы?

— Нет. Откуда же?

— О том, что предстоит задержание Филатова, вы узнали перед самым выездом? Минут за пятнадцать?

— Через две минуты после выезда! У начальника УГРО шло совещание, и в это время сообщили, что «Орех» в Москве. Наш оперативник заглянул в кабинет, где мы заседали, вызвал шефа. А через пять минут команда — по машинам. И на задержание. Узнали, что едем брать Филатова, только в дороге.

— Значит, Якушевский не просветил вас заранее. А почему?

— Это вопрос к шефу.

Мишин помедлил с очередным вопросом, словно взвешивал, стоит ли ему углублять затронутую и, судя по реакции майора, «больную» тему о доверии. Решил, что не стоит.

— Когда Паршин попытался сесть в автомобиль, почему вы стреляли в него, а не в машину? Не по скатам, не по мотору?

— Я уже докладывал — в того человека я не стрелял! Только два выстрела вверх.

— Свидетели утверждают, что выстрелов и было только два.

— Какие свидетели! На бульваре было пусто.

— В домах же люди живут. Услышали выстрелы, выглянули.

— Вот именно — услышали пальбу, повысовывались. Лежит покойник, рядом мужик с автоматом. Кто же стрелял, если не он!

— Мы опросили лишь часть свидетелей. Завтра продолжим работу. Наверняка найдутся люди...

— Не найдутся! Не стрелял я...— Горбунов хотел назвать Мишина «господин следователь», но почему-то постеснялся. А назвать товарищем язык не повернулся.

— Павел Федорович, не могу понять, почему вы нервничаете?

— Как я успел заметить, все на взводе, не один я. Психуют.

— Да. События неординарные. В этом году убит уже второй известный телевизионный деятель. Вы, наверное, помните, в марте Президент пообещал навести порядок? Сказал, что убийца не уйдет от наказания. Прошло больше полугода, а он не найден. Но вам-то беспокоиться нечего. Сегодня случай особый. Вы действовали строго по закону. Первый выстрел вверх, второй — на поражение.

Горбунов устало вздохнул. «Что они все, тупые?» Ему уже надоело твердить: не стрелял! Не стрелял! Как попугай.

— Я обещаю вам — служебное расследование закончится за два дня, и послезавтра...— Мишин взглянул на часы.— И послезавтра вам вернут оружие и удостоверение личности.

— Пулю нашли? — мрачно спросил майор.

— Нет, не нашли. Эксперты говорят, что рана вполне могла быть нанесена пулей от автомата Калашникова. Но вы понимаете, что без пули...— Вилен Тимофеевич развел руками.— Следствие, безусловно, постарается ее отыскать. И новых свидетелей тоже. Но в этом случае расследование продлится долго.

Несколько минут оба молчали.

В здании стояла тишина. Только с улицы доносились приглушенные звуки — даже ночью не прекращался поток машин. Время от времени начинала истошно завывать потревоженная чем-то сигнализация поставленного на ночевку автомобиля.

— Не обижайтесь,— наконец прервал паузу Мишин.— Мы с вами должны прояснить все детали. Все! Чтобы потом это не сделали за нас журналисты. Вы со мной согласны? И учтите, в прокуратуре сомнений нет. Вы действовали в пределах своего служебного долга. Кстати, у вас, майор, не возникло ощущения,

что Паршин побежал потому, что принял вас за бандитов? Испугался.

— Он не испугался. Удивился. «Это вы мне?» — майор повторил слова Паршина и даже его жест — прижал к груди руку.

— Ну, а за бандитов-то мог он вас принять? Вы же были в цивильном. И Якушевский, наверное, не при параде. В руках автоматы.

— Автомат у меня. У шефа пистолет. Впрочем, не знаю. Он оружие не вытаскивал.

Зазвонил телефон. Следователь поднял трубку, сказал отрывисто:

— Генеральная прокуратура.— Потом некоторое время слушал внимательно, не проронив ни слова. И только напоследок бросил: — Да.— И положил трубку.

«Поговорили,— с ехидцей подумал майор.— Наверное, начальник отчитывал. Или жена».

— Будем считать, что мы с вами разобрались.— Мишин демонстративно отодвинул от себя стопку исписанной бумаги. Для наглядности. Горбунов так и не понял, были ли это данные судмедэкспертизы или еще какие документы.

— Выводы в вашу пользу. Да иначе и быть не могло. А теперь поговорим о другом. Филатов по кличке «Орех» среди московских гангстеров — фигура заметная. Давно в бегах. Почему ваш шеф, Якушевский, отправляясь на задержание, не поставил в известность начальника управления?

— Это вопрос к подполковнику.

— Но у вас есть свое мнение?

— У меня вот есть свое мнение по поводу того, что я не стрелял, так вы меня и слушать не хотите! — Теперь следователь уже не казался майору таким приятным, как в начале разговора.— Там, на месте происшествия, ваши следователи замордовали: почему стрелял? Сколько раз? Куда целил? А когда говорю — в небо целил, не слушают. И никто почему-то не поинтересовался, куда его портфель затерялся.

— Какой портфель? — Мишин, собравшийся было отчитать майора за внезапную вспышку протеста, насторожился.

— Мужик этот, телевизионный, из подъезда вышел с портфелем. С желтым портфелем. А когда упал на асфальт, портфеля уже не было.

— Уронил?

— Уронил бы, я бы об него споткнулся.

— Куда же он подевался?

— Вот и я спрашиваю — куда? А может быть, в этом портфеле деньги, полученные от «Ореха», были, оружие, наркотики? Да мало ли! Нашелся бы портфель — стало бы сразу ясно: неспроста этот господин так прытко побежал от нас. Даром что хромой.

— Гадание — дело неблагодарное.

— Вот я и говорю — не гадать надо, а искать! — с напором сказал Горбунов.— И прежде всего пулю.— Разозлившись, майор осмелел, и его грубоватая настырность проявилась сполна. А следователь не любил людей настырных, шумных, говорящих слишком громко. И успел пожалеть, что обошелся со «стрелком», как мысленно называл милицейского опера, слишком мягко.

— Хорошо. Уже поздно. Вам надо прийти в себя, обдумать все, что я сказал. Есть два варианта развития событий...— Заметив, что майор собирается возразить, Мишин остановил его жестом руки. Говорил он очень тихо, доброжелательно.— Повторяю. Есть два варианта. Попробуйте их просчитать. Через день-два я вас вызову. Принесите объяснительную записку... Теперь о том, как себя вести. Шуму на телевидении, в газетах будет много. Много домыслов. Мы никаких официальных комментариев давать не собираемся. Тайна следствия и так далее... Но и вы рта не раскрывайте. Никаких контактов с прессой. Сидите дома, отсыпайтесь. Это приказ. Понятно? Не навредите себе.

— Понятно,— буркнул Горбунов.

Прощаясь, Вилен Тимофеевич напомнил:

— Не ошибитесь в расчетах, майор.

ВДОВА

— Это частный детектив Фризе́? — Голос звонившей женщины — мягкий, спокойный — понравился Владимиру, и он не стал поправлять ее. Но абонентка и сама почувствовала ошибку: — Я, наверное, неправильно сделала ударение? Надо Фри́зе?

— Фри́зе.

— Простите, Владимир Петрович. В газетном объявлении ударение не поставлено. Меня зовут Полина Викторовна Паршина. И я бы хотела...— Она секунду помедлила.— «Нанять» — такое неприятное слово. Я хотела бы сделать вам предложение о работе.

— Сделайте.

— Я могу приехать к вам сейчас?

— Приезжайте.

Фризе продиктовал адрес. Положив трубку, прошелся по квартире. Везде был полный порядок, а в кабинете, где он собирался принять гостью, на ковре перед диваном не валялось ни одной книжки. Только вчера Владимир устроил здесь тщательную уборку.

Фамилия женщины показалась знакомой.

«Паршина... Паршина?» — повторил он несколько раз вслух. И вспомнил. Два дня назад, при странных обстоятельствах, во время задержания крупного гангстера Филатова по кличке «Орех» убили Председателя телерадиокомпании «Седьмой канал» Ореста Паршина. Это был уже второй случай, когда жертвой преступления становился работник телевидения. Весной погиб известный тележурналист, и убийц до сих пор не нашли.

Прокуратура и милиция на этот раз повели себя крайне сдержанно: наотрез отказались давать комментарии. Ссылаясь на тайну следствия, чиновники прессбюро этих ведомств словно воды в рот набрали. Для журналистов такое их поведение было непривычно и только подогревало любопытство. Но пробить стену молчания они не смогли. Лишь городская молодежная газета опубликовала свою версию трагедии. По мнению комментатора газеты, Паршин пришел на деловую встречу с «Орехом» и был случайно застрелен сотрудниками уголовного розыска.

На Петровке, 38 комментировать эту версию отказались.

«Неужели звонившая — вдова убитого? — думал Владимир.— Прошло так мало времени со дня смерти! Наверное, Паршин еще не похоронен?»

От размышлений Фризе отвлек звонок в дверь. Вдова времени даром не теряла.

Голос по телефону ввел Фризе в заблуждение. Он предполагал, что увидит невысокую, в теле, респектабельную московскую дамочку лет тридцати пяти, а на пороге стояла стройная, на метр семьдесят пять, темноволосая женщина лет пятидесяти. Владимир в пер-

вый момент даже не разглядел, как она одета. Его внимание привлекли красивые темные глаза гостьи и неожиданно тяжелый, пристальный взгляд. Даже когда Паршина отвела глаза, Фризе еще некоторое время ощущал этот взгляд на себе. Теплый и чуточку щиплющий, как ему почудилось.

Усадив Полину Викторовну в кресло, Владимир спросил:

— Кофе? Чай? Может быть, что-то спиртное?

Гостья улыбнулась одними губами.

— Я бы выпила капельку джина с тоником.

И джин, и тоник в этом доме имелись.

Когда Владимир принес поднос с напитками, гостья с интересом разглядывала кабинет: шкафы с книгами, картины.

Заметив, что он взялся за бутылку, Паршина протестующе подняла ладонь.

— Я сама.

Налила в стакан много тоника и чуточку джина. С удовольствием отпила и опять посмотрела на картины.

Молчание затягивалось. Но Фризе не торопил. Ему показалось, что у гостьи были свои представления о том, каким должен быть частный детектив. И в соответствии с этим образом она приготовилась излагать свои проблемы. Но выдуманный, а, может быть сложившийся под влиянием литературы образ не совпал с оригиналом, разрушился. И разрушился задуманный план разговора.

— Дайте слово не удивляться моей просьбе.

«Наконец-то! — внутренне усмехнулся Фризе.— Начали».

— Даю!

— Спасибо.— Она смотрела на Фризе немигающими темными глазами.

«Уж не гипнотизерка ли?» — с опаской подумал Владимир, но глаз не отвел.

Наверное, Полина Викторовна никогда не была особенно красивой, даже в молодости. Но уж пикантной ее непременно называли до сих пор. Большие глаза, красивый излом бровей, высокий лоб. Нос с едва заметной горбинкой, чистая, гладкая кожа. И роскошные шелковистые волосы. Такие женщины до глубокой старости остаются привлекательными. Теперь Фризе по достоинству оценил ее туалет. Одета гостья была с большим вкусом — пиджак в мелкую клетку с широкими черными отворотами, темно-фиолетовая, почти черного цвета юбка и фиалковая кофточка.

— На-днях убили моего мужа. Ореста Михайловича Паршина. Вы, конечно, слышали об этом?

— Да. Читал. В газетах много домыслов, но отсутствуют официальные комментарии.

— И это ужасно. Печатают всякую чушь. Договорились до того, что муж встречался с каким-то бандитом.

— По кличке «Орех».

— Да. По кличке... Председатель телерадиокомпании и мафиози «Орех»!

— Вы не спросили следователей, почему они не обнародуют свою версию?

— Конечно, спросила! И не раз. Они меня успокаивают: «Не обращайте внимания на домыслы». Клянутся, что вот-вот опубликуют подробный отчет и назовут убийцу. Но слухи распространяются, как обвал. Попробуй потом доказать.

— Хотите, чтобы я внес ясность?

— Да. Хочу знать, что делал Орест в том доме по улице Коперника. Из наших общих знакомых там никто не живет. На его службе никому этот адрес неизвестен.

— Милиция опрашивала жильцов?

— Они меня не информируют. У меня сложилось такое впечатление, что следователи уже знают убийцу. И никакие подробности их больше не интересуют.

— Что же вы хотите узнать?

— Я прошу выяснить, откуда в тот вечер шел мой муж. Что он делал в этом доме? Размер гонорара меня не остановит.— И тут же добавила не слишком логично: — У вас ведь есть определенная такса? — Она взяла стакан и сделала несколько маленьких глотков.

Выполнить обещание «не удивляться» показалось теперь Фризе делом непростым.

— А если я обнаружу нежелательные для вас факты?

— Я уверена, что муж не был связан с этим мафиози! И хочу, чтобы все это знали! — Паршина снова взяла стакан с джином, на этот раз выпила до дна. Сказала со вздохом: — Теперь вы знаете, что я хочу выяснить. У вас, наверное, будет много вопросов. Поступим так — если вы беретесь за дело, я отвечу на них. Нет — продолжать разговор не имеет смысла.

«Нелегко приходилось покойному с этой женщиной,— подумал Фризе.— Волевая, самоуверенная. И этот взгляд! Наверное, Орест Михайлович ощущал его даже в темноте».

— Я берусь,— сказал он.— Мы подпишем соглашение. Не возражаете?

— Очень хорошо.— В ее голосе чувствовалось облегчение.— И, может быть, завтра вы придете ко мне? Пораньше. В три часа похороны. Я не могу надолго отлучаться из дома. Столько звонков, соболезнований.

— Когда я говорил о нежелательных для вас открытиях, я имел в виду не только связь с «Орехом».

— Что же? Найдете любовницу? Это не будет для меня сюрпризом.

— Вы подозреваете, что у мужа была любовница?

— Была. Только живет она совсем в другом месте. Кстати, запишите адрес. Может понадобиться. Бережковская набережная, три. Квартира сорок. Елена Сергеевна.— Паршина старалась говорить спокойно. Даже бесстрастно. Но не смогла удержаться на этой ноте и добавила совсем тихо: — Стерва.

— А на улице Коперника никто из друзей и знакомых Ореста Михайловича не живет?

— Мне о них неизвестно.

Гостья ушла, оставив в кабинете стойкий пряный запах неизвестных Фризе дорогих духов.

Но раздражали не только запахи. От разговора с вдовой у него осталось ощущение незавершенности и недомолвок. Ему почему-то казалось, что Паршина заботится не о добром имени покойного супруга, а хочет просто удовлетворить свое любопытство. Выяснить, не жила ли в доме на улице Коперника его любовница. Фризе понимал, что подозревать только что овдовевшую женщину в таком суетном стремлении кощунственно. Да и кто станет платить за это большие деньги? Но от сомнений отделаться не мог.

Ну что ж! Он выяснит, у кого гостил ее покойный супруг. Сделать это будет не так уж и сложно. Обойти квартиры, поговорить с каждым, кто живет в этом доме, выяснить, кто часто приходит в гости. С его-то следовательским опытом он быстро добьется успеха. Да и милиционеры не лыком шиты. Они, небось, уже

все пороги в доме обили. Может быть, поделятся информацией?

Вдова сказала, что хочет уберечь доброе имя мужа. У Фризе тоже имелось предчувствие, что Паршин не связан с «Орехом». Не потому, что это выглядело бы чудовищно. Нынче даже некоторые министры погрязли в уголовщине. Предчувствие не объяснишь. Оно или есть, или его нет. Оно — вне законов логики. Не сегодня-завтра прокуратура докопается до истины и выскажет свое мнение. Все встанет на свои места. А ему останется лишь выяснить, к кому приходил Паршин.

Значит, остается поиск соперницы?

Способна ли на это убитая горем женщина? На этот вопрос Владимир ответил отрицательно. Никчемное это занятие — идти по остывшим следам, ворошить прошлое. Оставалось одно — клиентка боится, что выводы прокуратуры, когда их обнародуют, будут не в пользу ее убитого мужа. Вполне возможно, что у нее есть предположения — а может быть, и твердая уверенность,— что не все, чем занимался Паршин, укладывается в жесткие рамки закона.

«Неужели она надеется, что я, вместо того, чтобы рыть, начну закапывать? — подумал Фризе.— По-моему, такую породу собак еще не вывели!»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ "ЗЕБРЫ"

Только Фризе загрузил кофеварку ароматными зернами, как в дверь позвонили. Он взглянул на часы: еще нет и одиннадцати, а к нему уже второй гость. На этот раз — нежданный.

«Ладно, кто рано встает, тому Бог подает»,— пробормотал Владимир со вздохом и отправился открывать дверь. В смотровой глазок посетителя видно не было и Фризе, оставив дверь на цепочке, поинтересовался:

— Вам кого?

— Я могу видеть господина Фризе? — Мужской голос был мягкий, чуть заискивающий, с легким южным акцентом. В открывшуюся щель лица мужчины не было видно, только живот. Фризе показалось, что живот занимает всю лестничную площадку.

— По какому вопросу?

Посетитель нерешительно покашлял. Потом произнес с укоризной:

— Дорогой, я хотел бы рассказать об этом самому господину Фризе, а не всем жильцам дома.

— Логично,— согласился Владимир и снял с двери цепочку. Перед ним стоял крупный — и толстый, как японский борец,— молодой мужчина. При взгляде на таких людей у Фризе всегда возникала одна и та же мысль: а сколько метров материи ушло на его костюм? «На этот потребовалось не меньше шести,— подумал Владимир.— И шерсть самая лучшая!»

Он посторонился, пропуская гостя. А сам непроизвольно скосил взгляд на большой газовый баллончик, припрятанный на столике среди шляп и перчаток. Баллончик напомнил ему о Берте. «К тебе теперь клиент валом повалит,— сказала она.— Может и шпана наведаться. Береженого Бог бережет». Как давно это было! Ему показалось, что целая вечность прошла. А всего-то несколько дней, как они расстались.

— Вы и есть Фризе? — обрадовался гость и шагнул в прихожую, предварительно убедившись, что ни справа, ни слева от двери его никто не подстерегает с дубинкой.— Мне так и сказали: высокий, красивый.

Не часто Владимиру говорили прямо в лицо, что он красивый. От такой беспардонной лести он разозлился и, показывая гостю на раскрытую дверь кабинета, сказал не слишком приветливо:

— Проходите. Там и поговорим.

Процедура повторилась: прежде чем войти, гость вытянул шею и бросил мимолетный взгляд направо, потом налево и только тогда шагнул в кабинет.

— Боитесь?

Мужчина неопределенно покрутил головой, одновременно оглядывая стены, увешанные картинами. Сказал извиняющимся тоном:

— А вы не боитесь?

Вопрос прозвучал так наивно-доверчиво, что Владимир рассмеялся.

— Вот дожили! Скоро будем пугаться собственной тени. Присаживайтесь. И, может быть, по секрету скажете, как вас зовут?

Гость сел в кресло. Пружины, застонав, опустили его чуть ли не до пола.

— Артем Александрович Клян.— Он протянул Фризе визитную карточку. Золотое тиснение извещало о том, что ее обладатель является председателем акционерного общества закрытого типа «Зебра».

— Вы частный сыщик?

— Да.

— Очень хорошо. Вот вы-то мне и нужны. Попадание прямо в десятку!

— Вам кто-то меня рекомендовал? — спросил Владимир. Еще ни один клиент не приходил к нему без предварительного звонка. В рекламных газетных объявлениях он указывал только телефон. Заявление Артема Александровича заинтриговало Фризе.

— Рекомендовал, рекомендовал! — Клян сделал большой волосатой ладонью успокаивающий жест. Как будто Фризе беспокоился о том, насколько хороши эти рекомендации.

— Кто, если не секрет?

— Секрет. Я серьезный бизнесмен, умею хранить секреты,— улыбнулся гость. А сам очень внимательно разглядывал картины. «Малые голландцы», похоже, его не заинтересовали. А вот от фантасмагорической картины Беклина Артем Александрович не мог отвести глаз. И от пейзажа Клевера.

— Ах, какая картина! Какая мощь! Так и вижу у себя в офисе на белой стене. Заходит клиент — трепещет. И сад...

— Артем Александрович! — Фризе понял, что узнать о том, кто прислал к нему этого крупного во всех отношениях клиента не удастся, и решил поскорее выяснить, что ему надо.

— Да, да! Сейчас я вам...— ему явно не хватало запаса слов,— все сформулирую,— отозвался Клян.— Но какие работы! Я их у вас покупаю.

— Здесь не магазин!

Гость посмотрел на Фризе исподлобья, набычившись.

— Я серьезный бизнесмен. Все понимаю и платить буду не по прейскуранту.

— Вам требуются услуги частного детектива?

— Детектива? — Клян посмотрел на Фризе с недоумением. Похоже, Беклин вывел его из равновесия.— А! Да, да. Частного сыщика. Детектива. Шерлока Холмса!

— Тогда об этом и поговорим.

— Вы сказали: «скоро будем бояться собственной тени». И ошиблись. Уже боимся. Я серьезный бизнесмен!— Эти слова звучали как рефрен. Фризе подумал о том, что ловкий музыкант мог бы создать на ее основе модный шлягер. Нынче большинство песен состоит всего из одной фразы.— С мафией не хочу иметь никаких дел! А она меня хочет...— он схватился своей большой волосатой рукой за горло.— Доить хочет.— Клян вынул из внутреннего кармана широченного пиджака несколько конвертов. Положил на журнальный столик.

Все письма были очень короткие и составлены из вырезанных из книг букв. Одно написано от руки на чужом языке.

— Армянский?

— Армянский. Самое первое... Самый первый сигнал прислали на армянском, а я языка не знаю. Родился и жил в России. Мне письмо, конечно, перевели. Но потом стали приходить письма на русском.

Во всех письмах Кляну предлагали как можно скорее собрать сто тысяч долларов и держать под рукой. В нужный момент ему сообщат, кому и где их вручить. Ослушается — будет убит сам, ребенок и жена.

Фризе разложил перед собой конверты, как карты в пасьянсе. Штемпели на всех, в том числе и на конверте от письма, написанного на армянском, были московские.

Чистенькие, почти не помятые, с одинаковой маркой. На марке портрет: грустный, со шкиперской бородкой мужчина. Великий русский юрист Анатолий Кони. Наверное, тот, кто покупал конверты, не выбирал их преднамеренно. Может быть, даже не обратил на марку внимания. А получилась злая ирония.

Строгий ревнитель законности смотрел на Фризе осуждающе. Владимиру даже показалось, что выражение лица у Кони на всех марках разное. На одной — презрительное, на другой — лукавое, на третьей — предостерегающее.

Этому «предостерегающему» обер-прокурору Фризе мысленно сказал: «Сам вижу, что дело нечистое, Анатолий Федорович. А за сигнал спасибо».

Ни чистенькие и гладенькие конверты, ни письма, сработанные по эталонам устаревших уголовных романов, ни сам «шантажируемый», забывший о цели своего прихода при виде Беклина и Клевера, не вызвали доверия у Владимира. Он медлил с ответом, тянул время, делая вид, что внимательно изучает письма. А сам приглядывался к Кляну. Гость вел себя неспокойно, ерзал в кресле, крутил большой головой, стараясь разглядеть картины, шкафы с книгами. Фризе даже показалось, что он в нетерпении сучит ногами — так ему хочется подобраться к ним поближе.

Нет, не мог опытный бизнесмен, как заявил о себе Клян, поддаться на такой примитивный шантаж. Нынче мафия, уверенная в безнаказанности, действует совсем по-другому. Более открыто, более нагло. В офис или домой приезжают крепкие, способные навести на «клиента» ужас ребята. Подлавливают на улице. Не тратят время на вырезание буковок из газет или книг. У Фризе мелькнула догадка: все эти подметные письма состряпал сам Артем Александрович. А вот зачем?

— Сто тысяч долларов большая сумма.

— Большая. Очень большая,— согласно кивнул гость.— Для любого бизнесмена большая.

— А раньше вас не пытались...— Фризе сделал такой же жест, как Клян,— взять за горло? «Пробивки» не делали?

— «Пробивки»? — Толстяк сделал удивленное лицо. Слишком удивленное, чтобы в это можно было поверить.

— Мафиози к вам не заглядывали потолковать о жизни? Не предлагали защиту? Не «наезжали»?

— Не-ет, господин Фризе. Я не какой-нибудь новичок! Не первый год в бизнесе. У меня оборот! — Клян поднял руку над головой и тут же поморщился. Наверное, у него уже началось отложение солей в плечевом суставе.— Такой оборот! И на охрану средств хватает. Я раньше, до перестройки, был цеховиком. Обувь шил. Теперь никому она не нужна. Теперь большую прибыль только купля-продажа дает. Этим я и занимаюсь. Банк есть. Деньги есть. Я на днях хорошую квартиру в Москве взял. Семь комнат. И дом на Сретенке. Хочу участок взять.

— Своим охранникам письма не показывали?

— Ну! Стыдно же! Такому человеку смеют угрожать! — Он о себе мог говорить даже в третьем лице.— Нет! Стыдно признаться.

Простодушие и хитрость прекрасно уживались в этом человеке. На вопрос о том, «наезжала» ли на него мафия, Артем Александрович так и не ответил. Да и скажи он впрямую «нет», Фризе бы не поверил.

— Вы, Владимир Петрович, беретесь отыскать шантажистов?

— Я их отыщу и мы вместе передадим все сведения в уголовный розыск? Или в отдел по борьбе с организованной преступностью?

— Вы их найдете и сообщите мне. Все остальное касается только меня. Плачу вам долларами. Пять тысяч. Годится?

Фризе не покидало ощущение, что разговор вертится вокруг несуществующего дела. Затеян ради чего-то совсем не относящегося к шантажу. А к чему же тогда?

— И ваши «солдаты» начнут их отстреливать?

— Пф-ф-ф! О чем вы говорите?

— Если серьезно, Артем Александрович, я не думаю, что вам угрожают опытные мафиози.— Клян хотел возразить, но Владимир сделал протестующий жест.— Эти письма сфабриковал или ребенок, или дилетант. Какой-нибудь отчаявшийся от нужды пенсионер. Сосед по даче. А может быть, подшутил кто-то из друзей?

— Мои друзья так не шутят! — Клян снова издал «Пф-ф-ф». Но уже возмущенное. Возмущение у него получалось очень натуральное.

— Не сердитесь. Я тоже шучу.

— Ха-ар-рошая шутка! Моей семье грозят,— он выпустил воздух из своих, наверное, таких же необъятных, как и его костюм, легких и добавил совсем уж нелогично: — Так вы продадите мне картины? Ну, хотя бы одну. С нечистой силой! Владимир Петрович, уважаемый!

Фризе начал не на шутку сердиться. И гость почувствовал это. Сказал виновато:

— Хорошо, хорошо! Вы пошутили, мы пошутили. Поговорим о цели моего прихода. Я хочу, чтобы вы немедленно взялись за дело. И не отвлекались ни на какие другие расследования. Аванс я плачу немедленно. Ровно половину.

Клян достал из кармана пачку сотенных долларовых ассигнаций, перехваченную красной резинкой.

— Я не смогу заняться розыском шантажистов,—

ответил Фризе. Взявшись за расследование, он только потратил бы время и никого не нашел. А у него уже есть обязательство перед Паршиной.

Он сложил письма и передал гостю.

— Не сердитесь. Если вы всерьез решили выловить шантажистов — идите в милицию. У них это иногда получается. А я несколько дней буду очень занят. Только что подписал соглашение с новым клиентом.

— Владимир Петрович, расторгните соглашение! Я готов заплатить сколько вы скажете!

— Исключено. Не люблю нарушать данное слово.— Фризе встал.

— Очень жаль, очень жаль.— Клян выглядел подавленным. Похоже, не ожидал такого фиаско. Рассовав по карманам доллары и письма, он тоже поднялся.

— Интересное дело?

— Обыкновенное.

— Убийство?

— Почему вы так решили? Убийствами занимается прокуратура.

— Если вы отказались от моих баксов, значит, заняты более серьезным делом, — убежденно сказал гость. — Правду говорю? — Он так и впился глазами в лицо Фризе. Но ничего не сумел на нем прочесть.

ЮЛИЯ

В квартире Паршиных ничего не напоминало о том, что через несколько часов состоятся похороны главы семейства. Не было видно цветов, не чувствовалось приготовлений к поминкам. Фризе решил, что все печальные хлопоты взяли на себя коллеги убитого. А заупокойная чарка будет поднята в каком-нибудь ресторане.

Они беседовали с вдовой в большой, прекрасно обставленной комнате уже полчаса, а Фризе никак не мог добиться прямого и честного ответа: в чем же цель расследования, которое поручила ему Полина Викторовна? Он так и не поверил в ее искренность.

— Полина Викторовна, зачем вы наняли меня? За что готовы выложить большие деньги? Пройдет день-два, прокуратура опубликует результаты следствия и бредовым измышлениям о связи вашего покойного супруга с бандой «Ореха» будет положен конец! Без моего участия.

— Я хочу, чтобы вы тоже занялись этим.

— А может быть, у вас другая цель? Узнать еще об одной возлюбленной Паршина?

— Почему бы и нет? Я хочу знать о нем все! Все! Понимаете?

Фризе чуть не спросил: «Ради чего? Только чтобы удовлетворить свое любопытство? Добавить на раны соли? А ведь «мертвые сраму не имут».

Он сдержался и попытался найти хоть какой-то смысл затеи с расследованием. Но не смог. Если бы перед ним сидела глупая ревнивая баба, можно, пожалуй, было и поверить ей. Но его клиентка в число глупых явно не входила. В конце концов, знала же она о существовании «стервы» Елены Сергеевны! И что изменится, если она узнает, что у покойного была не одна любовница, а две? Или три.

— Полина Викторовна, мне будет трудно, если вы не расскажете откровенно о цели расследования.

— Откровенность не входит в условия соглашения, которое мы вчера с вами подписали.— Паршина вымученно улыбнулась.— Неужели я не очень понятно выражаюсь? Двусмысленно? Расплывчато?

Ее логике Фризе не мог противопоставить ничего, кроме своих туманных ощущений. Но он привык к ним прислушиваться.

— У вас все еще есть сомнения? — Не дав ему ответить, Паршина встала. — Я приготовлю кофе. Не могу предложить вам коньяк, муж не употреблял крепких напитков, но есть прекрасное вино. Выпьете?

— Нет. Я за рулем.

— Тогда иду варить кофе. А вы пока разберитесь в своих сомнениях.

Фризе посмотрел ей вслед. Фигура у вдовы была стройная, а походке позавидовала бы любая манекенщица.

Хозяйка скрылась за одной дверью, а из другой двери в гостиную, слегка пошатываясь и зевая, забрело еще одно создание женского пола. Необычайно лохматое, темноволосое, не до конца проснувшееся и почти голое. Куцая — и почему-то на одной лямке — рубашка совсем не прикрывала прелести молодой девицы. Она, как сомнамбула, прошлепала голыми ступнями через всю комнату и нажала на какую-то клавишу музыкального центра. Фризе показалось, что девица проделала эту манипуляцию с закрытыми глазами. Впрочем, наверное, так и было на самом деле.

Гостиную заполнили трагические звуки «Реквиема» Моцарта.

Когда лохматое создание отправилось в обратный путь, Владимир покашлял. Но девушка не услышала его деликатного предупреждения. А может быть, не захотела показать, что услышала. Во всяком случае, дверь за собой она прикрыла плотно.

Эта маленькая пантомима отвлекла Фризе от мысли о том, стоит ли ему вести расследование без надежды на откровенность клиентки. И когда Полина Викторовна вошла в гостиную с подносом, на котором стояли чашки с кофе, сахарница и вазочка с печеньем, он так ни на что и не решился.

Паршина поставила поднос на кофейный столик. Выключила музыку:

— Не могу! Сердце разрывается. А Юля все время устраивает мне эту пытку. Вы познакомились с дочкой?

— Она меня даже не заметила.

Полина Викторовна недовольно поджала тонкие губы. Наверное, представила себе туалет, в котором дочь могла появиться перед гостем.

— С того самого дня дочь в депрессии. Забросила дела. Боже, ведь последний курс! — В глазах у нее стояли слезы.

— Перемываете мои бедные косточки? — Юля возникла внезапно и, встав за спиной у матери, бесцеремонно отобрала у нее чашку с кофе. На этот раз она была уже причесана и одета в модный, белый с синим ситцевый костюмчик. И даже на тонком, с правильными чертами, лице, уже совсем не заспанном, можно было заметить легкий налет макияжа. Все эти метаморфозы произошли с девушкой за минуту, ну от силы за две. Фризе даже усомнился, ее ли он только что видел шлепающей по сверкающему полу. Но девушка, встретившись с ним взглядом, показала Владимиру язык. И были в этом озорном жесте и смущение, и вызов, и предложение не придавать инциденту внимания. И, самое главное, он никак не согласовывался с желанием слушать реквием.

— Мама, наш гость — господин Фризе?

— Да, дочь. Познакомься.

Владимир привстал и поклонился, а девушка наконец-то вышла из-за спины матери и протянула Фризе руку. Ладошка у нее была узкая и жесткая, как будто Юля усиленно занималась физическим трудом.

— Вы очень понравились маме,— сказала она, придвигая к столику огромное кожаное кресло и усаживаясь в него.— Запишите в свой актив. А я терпеть не могу ментов.

— Юлия! Что ты несешь спросонья?! Учти, Владимир Петрович не милиционер.

— Мама! Кто тебе посоветовал...— она, наверное, хотела сказать «нанять» и вовремя спохватилась:— пригласить частного детектива? — Юля посмотрела на Фризе.— Я, Владимир Петрович. Мама уже говорила с одним сыщиком. Но он оказался таким тупягой-мертвягой. А вы беретесь за дело?

Фризе посмотрел на мать. Она сидела с непроницаемым лицом. «Нет, от нее откровенности не дождешься,— подумал Владимир.— Жаль, но придется играть отбой».

— Мы как раз обсуждали последние детали.

— Финансовые?

— Нет, дочь, я же тебе показывала соглашение. Все финансовые вопросы в нем оговорены. Было бы чудно, если бы ты оставила нас и приготовила себе завтрак.

— Удаляюсь.— Девушка поднялась с кресла, и у Фризе екнуло сердце — так она была хороша. У дверей девушка оглянулась:

— Мама рассказывала, что у вас офигенная коллекция картин. Вот бы посмотреть.

— Я чувствую, вы засомневались? — сказала Паршина, когда дочка удалилась.

— Повторяю — мне нужна ваша полная откровенность.

— Ни больше, ни меньше! — усмехнулась Полина Викторовна.— Зачем? Я поручаю вам конкретное дело... Настолько конкретное, что мы смогли бы изложить его в соглашении двумя фразами. Впрочем... Нет, так нет.

Она встала, подошла к серванту, резким движением открыла дверцу. Достала лист бумаги, сложенный пополам. Фризе догадался, что это их соглашение. Полина Викторовна протянула было соглашение Владимиру, но передумала.

— Это уже нам не пригодится!

Паршина разорвала документ на мелкие кусочки. На лице у нее промелькнуло выражение крайней досады. Справиться со своими эмоциями Полине Викторовне удавалось не всегда.

— Вы уничтожите свой экземпляр?

— Хорошо. Я виноват перед вами...— Фризе испытывал неловкость за свой отказ и сочувствовал этой умной, сдержанной женщине, только что потерявшей мужа.

Задача, которую ставила перед ним вдова, казалась несерьезной. За что же собиралась платить ему эта умная сдержанная женщина?

Нет, Фризе не хотел работать вслепую.

— Что же теперь поделаешь? — Полина Викторовна отвела взгляд.— Мне казалось, что все так просто и ясно. Жаль. Я потеряла два дня.

Попрощалась с Фризе она любезно. Даже улыбнулась, после того как он поцеловал ей руку. Улыбка у нее оказалась неожиданно мягкой.

С Юлей ему проститься не пришлось. Наверное, девушка не услышала, когда он уходил. А он-то приготовился в ответ на высказанное Паршиной-младшей желание взглянуть на «малых голландцев» пригласить ее в гости.

Юля пришла к нему на следующий день.

Когда раздался звонок в дверь, часы показывали одиннадцать.

— Что вы хотели? — вежливо поинтересовался Фризе, приоткрыв дверь на цепочку. Посетитель мог оказаться потенциальным клиентом. А после того, как договор с Паршиной был аннулирован, Владимир оказался без дела.

— Экскурсия, Владимир Петрович,— отозвался приятный женский голос. Голос показался Фризе знакомым, и он распахнул дверь.

На пороге стояла Юля.

— Не ожидали? — Девушка сделала шаг через порог, и Владимиру пришлось посторониться.

— У меня отменили вторую пару лекций. Я и решила сделать себе подарок — вместо того, чтобы пить кофе для бедных в университетском буфете и слушать, кто с кем и сколько раз, побывать в гостях у сыщика. Посмотреть его «малых голландцев».— Она докладывала все это и одновременно уверенно распоряжалась в прихожей: включила верхний свет, потом бра рядом с огромным трюмо. Положила на подзеркальную полку сумку, достала гребенку, провела по темным блестящим волосам.

Фризе, слегка растерявшийся от такого напора, прислонился к стене и, стараясь не выдать восхищения, разглядывал неожиданную гостью.

Юля была хороша. Так нелюбимые Владимиром на женщинах джинсы совсем не портили ее фигуру. Длинные ноги, затянутая широким ремнем тонкая талия. Никакого намека на лифчик под белой полотняной блузкой. Фризе вспомнил, как Юлия прошествовала перед ним полураздетая у себя дома, и улыбнулся. Это было тут же замечено.

— Вашу улыбку я расцениваю как радушное приглашение и радость по случаю моего прибытия. Правда, Владимир Петрович?

— Сущая правда.

— Ну, слава Богу! А то я подумала, что пришла не вовремя.— Юля взяла Владимира под руку.— Вдруг у вас в гостях другая девушка.

За словом в карман Паршина-младшая не лезла.

— Начнем экскурсию? — Юля заглянула ему в глаза и ласково провела пальцами по его груди. Так, словно они были уже давно знакомы.

— Может быть, начнем с кофе? С кофе для богатых?

— Мне не терпится взглянуть на ваши картины. Эти лекции, с которых я сбежала...— Она слегка шлепнула ладонью по губам.— Ой, проговорилась! Лекции по эстетике Средневековья. Их читает такой зануда! Вот я и подумала... Догадываетесь, о чем?

Фризе не догадывался. Он привел Юлю в гостиную, зажег подсветку.

— Осваивайся. А я пока приготовлю кофе. Есть хочешь?

— Хочу.— Она скорчила грустную гримасу.— Но...

— Понятно.— Владимир откровенно оценивающим взглядом скользнул по фигуре гостьи. Если выразить ее параметры в цифрах, они соответствовали абсолютному стандарту.

Минут пятнадцать он не беспокоил девушку, предоставив ей возможность знакомиться с коллекцией в одиночестве. А сам готовил тосты, варил кофе и думал

о том, что только вчера Юля хоронила отца. Надо быть внимательным и деликатным. Надо помочь ей забыться.

Он взял большой жостовский поднос, достал из шкафа свой любимый — зеленый с золотом — кофейный сервиз. Налил в молочник сливки, перелил кофе из кофеварки в кофейник и торжественно вошел в гостиную. Юли там не было.

— Эй, студентка! — крикнул Фризе, ставя поднос на резной кофейный столик.

Девушка не откликнулась.

— Юля! Ты куда запропастилась?

Фризе заглянул в кабинет. Пусто. Открыл дверь в спальню — Юля лежала на кровати, тихая и задумчивая. Внимательно смотрела на картину неизвестного мастера «Мучения святого Себастьяна».

— Кофе подан, мадемуазель.

— Владимир Петрович, а зачем вы наклеили на лицо мученика свою фотографию? Да еще раскрасили?

— Думаете, это моя фотография? — Фризе подошел к девушке, взял за руку, поднял.— А если мы просто очень похожи?

— Для мученика в вас недостает скорби. Не скажете, зачем устроили маскарад?

Они прошли в гостиную и сели в кресла перед кофейным столиком.

— Если тебе интересно, я могу рассказать про святого Себастьяна.

— Ой! Я и сама догадалась! Наверное, это ваша любовница сделала. Когда уезжала.— Юля вдруг отчаянно покраснела.

— Я расследовал одно серьезное преступление,— продолжал Владимир, стараясь ничем не выдать, что Юлины слова задели его. И удивляясь, откуда она знает про любовницу.— И меня хотели предупредить, чтобы не проявлял прыти.

— Таким оригинальным образом? Эстеты!

— Да. Можно назвать их и так. Они свое похоронное бюро назвали «Фирма «Харон». Тебе знакомо это имя?

— Сейчас студенты не такие тупые, как вы думаете,— сердито ответила Юля.— А почему вы не сдерете фото?

— Сдеру, когда выясню, каким образом бандиты залезли в квартиру. Ни один замок не был тронут! Квартира стояла на милицейской охране.

— Это было недавно?

— Полтора года назад.

Юля невесело усмехнулась. Владимиру показалось, что настроение девушки резко изменилось. Пришла такая веселая, задорная... А теперь сидит пасмурная, немногословная.

И еще Фризе задело то, что Юля ни слова не сказала о картинах. В его холостяцкой квартире побывало немало женщин. Берта, например, жила иногда месяцами. «Стояла постоем», как она любила говорить. Некоторые гостьи, эрудитки— такие тоже заглядывали к нему «на огонек»,— восхищались. Удивлялись тому, что эти шедевры находятся в частных руках, а не в музее. Другие только охали и расточали банальные эпитеты: «великолепно», «какая красота», «очень мило». И только одна случайная посетительница воскликнула: «Как много картинок! Но все темноватые. Когда разбогатею — закажу художнику виды Санта-Барбары. Пиршество красок!»

А Юля не обмолвилась о картинах ни словом.

— Я нагнал на тебя скуку?

— Нет, Владимир Петрович. Это я виновата. Пошла бродить по квартире и в кабинете увидела портрет вашего отца. Я не ошиблась?

— Не ошиблась.

— У него такой внимательный, пытливый взгляд. И я вдруг впервые ощутила, что папы нет. И никогда, никогда не будет. Что я осталась одна...

Фризе подумал: «Как же одна? А мать?»

— И еще я подумала: портрет вашего папы — чудный! К нему можно прийти, как к живому человеку. Рассказать о своих огорчениях. Посмотреть в глаза и почувствовать, что они отвечают. Правда? Вы с ним разговариваете?

Владимир кивнул.

— Я так и подумала. А у нас есть несколько папиных портретов, но я их спрячу подальше. Один, правда, сделан мастерски. Знаменитым художником. Но он просто посмеялся над папой. Это карикатура. А кто писал портрет вашего отца?

— Иван Сущенко.

— Не слышала. Но работа блестящая! Подлинная живопись, как все ваши картины. Я какая-то дурная — на меня красивые вещи действуют угнетающе.

— Что-то новое! Не могу себе представить, что такое возможно.

— Вот! Видите, какая я дура? Стоит увидеть что-то настоящее, красивое, сразу вспоминаю, какая мерзость вокруг. И хочется все хорошее — лапками, лапками!— Юля быстро, как мышка, взмахнула ладонями, словно подгребла к себе что-то.— Собрать в гнездышко и забыть о том, что снаружи.

— Да ты эгоистка!

— Быть эгоисткой теперь не зазорно. Есть даже магазины под названием «Эгоист».— Она поднялась с кресла.— Давно не пила такого ароматного кофе. Владимир Петрович, можно я пойду в спальню? Взгляну еще раз на «Мучения святого Владимира»?

— Юля, чувствуй себя как дома. Ходи где хочешь. Смотри, можешь даже трогать.

— Ну хорошо, Владимир Петрович! — игриво сказала Юля. И Фризе обрадовался, что к ней возвращается хорошее настроение.

Он погасил в гостиной подсветку, унес поднос с посудой. Юля все не возвращалась. «Чего она нашла в той картине? — подумал Фризе.— И ради чего она вообще ко мне пришла? Неужели только из любопытства? Или есть какое-то дело?»

— Владимир Петрович!

Фризе заглянул в спальню. Юля опять лежала на кровати. Только на этот раз кровать была расстелена, а Юля раздета. Джинсы, полотняная блуза, крошечные кружевные трусики с вышитым на них желтым утенком валялись на полу.

— Владимир Петрович, я вас жду.— Девушка смотрела на Фризе без всякого смущения.

— Юля, это неудачная шутка.

— Это не шутка.— Она легко спрыгнула с постели и подошла к Владимиру.

— Оденься. И поищи себе развлечений в другом месте.

Лицо девушки исказилось жалкой гримасой. И тут же глаза яростно блеснули.

— Дубина! — крикнула она и попыталась влепить Фризе пощечину. Владимир молниеносно отступил на шаг, и девушка, не сумев преодолеть инерцию, чуть не упала. Фризе подхватил ее. Крепко прижавшись к нему, Юля залилась слезами.

— Дубина, дубина! — твердила она, всхлипывая.— Обидел меня на всю жизнь. Дубина!

Фризе почувствовал, что его рубашка намокает от слез.

— Юля, будь умницей,— прошептал он и ласково провел ладонью по ее шелковистым волосам.— К следующей паре лекций тебе надо быть во всеоружии.

Девушка продолжала всхлипывать. Фризе удивился, что совсем не чувствует ни запаха духов, ни аромата кремов и помады. Только легкий, едва ощутимый аромат чистого теплого тела. Так пахнет от маленького ребенка. Фризе еле удержался от того, чтобы не прикоснуться к ее шее губами.

«Это что же за пытка!» — сердито подумал он и почувствовал, как в нем растет желание крепко обнять эту сумасбродку и целовать, целовать...

— Юля, будь умницей,— повторил он.— Оденься.

Наверное и гостья почувствовала происходящие в нем борения. Она прижалась к нему еще крепче, а всхлипывания постепенно прекратились.

Фризе поднял девушку на руки. Пока он нес ее к кровати, Юля обхватила его за шею и шептала в ухо:

— Дубина, дубина.— Но теперь это слово звучало совсем ласково.

С трудом расцепив ее руки, Владимир уложил Юлю и прикрыл одеялом.

Она попыталась сбросить одеяло, но он не позволил.

— Жарко! — наконец взмолилась девушка и, когда он убрал руки, сдернула, прикрыв только бедра.

Фризе сел в кресло.

— Одеваться будешь?

— Не буду!

— Не сердись, экскурсантка. Ты сама не знаешь, что делаешь.

— Не вздумайте меня учить!

Фраза прозвучала зло. Но заплаканные глаза улыбались.

— Я думал, мне придется кадрить тебя год.

— Прежде чем уложите в постель? Да вам не хватит на это всей вашей жизни! Не хватит! На будущий год закончу университет — только меня и видели! Да у меня уже два года свое дело — цветочный магазин «Юлия». Года через два стану миллионершей!

— Миллиардершей,— поправил он и почувствовал необъяснимую щемящую грусть. А может быть и объяснимую. Только ему сейчас не хотелось думать о ее причине. Ему просто стало скучно.

— Миллионершей! — упрямо повторила она.— На моем счету будут лежать баксы.

— Или гульдены.

В чуткости Юле отказать было нельзя. Несколько секунд она всматривалась в лицо Владимира и вдруг улыбнулась все понимающей, все прощающей улыбкой. Женщины, пожалуй, уже с двух-трехлетнего возраста наделены особым даром уловить, когда мужчина нуждается в сочувствии.

— Владимир Петрович, вам будет грустно без меня?

— Для грусти у меня бывают совсем другие поводы.

— Неправда. И обо мне вы будете грустить! Вот увидите,— упрямо сказала она. И, как показалось Фризе, без всякой связи с предыдущим разговором, добавила сварливым голосом: — А у матери каждый год новый любовник. Глаза бы не смотрели. Вы у нее на очереди.

— Юля! Нельзя так говорить о матери. Чужому человеку.

— Вы не чужой. Сядьте рядом.

— Я же тебе сказал.

— Мне уже девятнадцать — раз! Ваша клиентка не я, а мать — два! Вы будете у меня не первый — три. И не сопротивляйтесь. Ваши глаза мне говорят: да! Это — четыре! Продолжать?

И когда Владимир покачал головой, шепнула:

— Просто посидите со мной, хорошо?

«А что это я разыгрываю из себя пуританина?» — подумал Фризе и улыбнулся. Юля тотчас потянула к нему руки. Владимир сел рядом, наклонился и легко прикоснулся губами к ее лбу.

«Она неспроста ко мне заявилась. Картины — только предлог. Что-то ей от меня нужно. Что? Скоро я об этом узнаю!»

— Довожу до вашего сведения, прекрасная Юлия: твоя мама не стала моей клиенткой. Наше соглашение не состоялось. И она никогда не будет моей любовницей.

— Не зарекайтесь.

— Думаю, что тебе не девятнадцать, а двадцать один.

— Нахал! Я не вру!

— А что касается моих глаз — они неспособны сказать «нет» красивой женщине.

Владимир чуть не задохнулся от обрушившихся на него поцелуев.

Когда Юля отпустила его, Фризе спросил, задыхаясь:

— Ты пришла ко мне по делу?

Он ожидал бури, но девушка лишь сказала с упреком:

— Отложим деловые разговоры?

— Прости. Мне иногда не хватает здравого смысла.— Опустившись на колени, Фризе принялся целовать ее лицо, шею, грудь.

— Мы никогда не обманываем? — Владимир с нежностью глядел в ее большие темные глаза. Он оказался у Юли первым. Нежность переполняла его. Лирик Фризе готов был раствориться в своей новой подруге. Готов был поклясться самому себе, Юле, всему свету, что всю оставшуюся жизнь посвятит только ей. Одной ей.

А Фризе-скептик смотрел как бы со стороны и, усмехаясь, нашептывал: «Послушаем, что ты скажешь через час-другой». Но вот странно — усмешка у скептика была снисходительная.

— Обманываем.— Юля вздохнула.— Лживая женщина. Лживая и влюбленная.

— Ну, ну, ну! Не разбрасывайся словами. У тебя не было времени влюбиться.

— Вы думаете?

— Нет, не думаю. Знаю.

Юля прижалась к нему и затихла.

— А как же последняя пара лекций? — спросил Фризе, но в ответ послышался только легкий вздох.

Владимир проснулся через два часа. Юля сидела, закутавшись в одеяло, и смотрела на него внимательным, даже пристальным взглядом. Словно хотела выяснить: а кто это тут такой? И как она оказалась в его постели?

Увидела, что Фризе проснулся, улыбнулась.

— Любовник-то у меня соня! Хорошо, что не храпит.

Слово «любовник» было явно для нее непривычным. Фризе понимал, что среди своих подруг на факультете Юля была скорее исключением. Он не-

множко знал жизнь нынешних студенток и не питал никаких иллюзий по поводу их жизненных принципов. Наверное, подруги подшучивали над Юлей и она казалась им не от мира сего. Если только не придумывала себе в оправдание страстных любовников.

— У меня будет ребенок?

Этот вопрос сказал Владимиру больше, чем если бы он услышал от Юли длинную исповедь на тему о ее жизни и любовных похождениях. Но это «у меня», а не «у нас» задело Фризе.

— У тебя не будет ребенка. А если он и родится, то не у тебя, а у нас.

— У меня! — упрямо повторила она. И тут же, словно проведя разграничительную черту, добавила:— Поговорим теперь о деле?

— Юля!

— Володенька! — девушка ласково провела ладонью по его щеке.— Какой бы деловой я вам ни показалась, поверьте...

— Уже поверил! Володенькой меня еще никто не называл. Да еще сразу после Владимира Петровича.

— Вы поняли, что я хочу сказать? — Юля смотрела на него умоляюще.— Вы же чуткий.

— И умный. И поэтому предлагаю обсудить деловые вопросы за обедом.— И не допускающим возражений тоном добавил: — Принимается единогласно. Марш в душ! А я продемонстрирую тебе свои гастрономические таланты.

За обедом оба накинулись на еду, как будто голодали неделю. Салат и свинина на ребрышках получились отменными. Девушка только восхищенно качала головой и смотрела на Владимира влюбленными глазами. Пока они насыщались, о делах не говорили. И только после того, как Фризе налил кофе, Юля сказала:

— Владимир Петрович, я вас очень прошу! Умоляю! Помогите нам. То, о чем просила вас мама... Для вас ведь это семечки. Ничего сложного. И не вздумайте отказаться. Вы просто должны!

— Юля, я не могу вести дело, не зная подробностей.

— Узнаете. Любой сыщик начинает с малого. И постепенно добирается до сути.— Она сказала это с такой убежденностью, словно всю жизнь общалась с сыщиками.

— Юля! Это же смешно — выяснять, у кого в гостях был Орест Михайлович.

— Не смешно. За последние годы папа заработал много денег. По-моему, он не вкладывал их в банки, не покупал недвижимость. Превращал в баксы. И не хранил дома.— Она вздохнула, и лицо у нее стало ожесточенным.— Последний год родители ссорились. По-крупному. И папа боялся...

— За деньги?

— Да, за деньги. Он часто ездил за границу, а у мамы... Я вам уже говорила! Мало приятного сознавать, что в твое отсутствие в доме пасутся чужие мужчины.

— А почему папа не положил деньги в какой-нибудь заграничный банк?

— Не знаю. Может быть, он не был со мной откровенен?

Это «не знаю» прозвучало не слишком убедительно, и Фризе решил, что полного доверия он еще не заслужил.

— Я говорила, что у меня есть дело — цветочный магазин. Уже несколько месяцев папа вел переговоры о покупке еще одного. Подвернулся шикарный случай. Очень выгодный. В тот день папа поехал за деньгами.

Фризе не мог удержаться от грустной улыбки. Эта хрупкая девчонка, которую вполне можно принять за десятиклассницу, уже владея магазином, собиралась прикупить еще один! Прикупить, как взятку в преферансе! Так просто. Вот только папу застрелили.

— Красавица! Зачем тебе магазин?

— Сама не знаю.— Девушка откинулась на спинку стула, шелковистые темные волосы рассыпались по плечам. Фризе подумал: какое счастье, когда на твоем пути встречается такое молодое и красивое создание.

— Да нет. Почему не знаю? — тут же опровергла она себя.— Знаю! Очень хорошо знаю! Хочу быть независимой и богатой. Что в этом плохого?

— Миллионершей?

— Миллионершей. Папа мечтал, чтобы я была независимой. И богатой. Он был прав. Папы нет, и кому мы с мамой теперь нужны? Как прикажете жить? Продавать возле рынка хрустальные вазочки из буфета? Не замечали, какие интеллигентные дамы выстраиваются по вечерам у торговых центров со своим старьем? Днем они просто стесняются.

Фризе вспомнил надоевший рекламный ролик: «Я обязательно буду миллионером!»

— Тебе нужен умный ласковый муж, а не магазин.

— Вы же на мне не женитесь? — почему-то с обидой сказала Юля. И, словно испугавшись, что он подтвердит это ее предположение, быстро и нервно заговорила о другом. — Знаете, Владимир Петрович, все наши знакомые заводят какое-нибудь дело. Цветочный магазин, казино, посредническую контору. Кто-то строит по три-четыре дачи. Папа говорил — нынче в государстве нет ничего прочного. Уснешь председателем, проснешься безработным.— Она выпалила это и перевела дыхание.

А потом спросила:

— Возьметесь?

— Возьмусь.

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Подполковник Леонид Якушевский был молод и хорош собой. Светлые прямые волосы зачесаны назад, высокий лоб с тремя едва наметившимися морщинками, правильные черты удлиненного лица. И голубые холодные глаза. Когда он вышел из-за стола и протянул Фризе руку, Владимир увидел, что и рост у подполковника подходящий — всего сантиметров на пять поменьше, чем у него самого.

— Владимир Петрович? — спросил подполковник.

— Так точно,— по-военному ответил Фризе, что было ему вовсе не свойственно. И друзья, и прежние начальники в прокуратуре считали, что Фризе и дисциплина — понятия несовместимые.

Они сели. Подполковник на жесткий стул, а Фризе в удобное кресло у маленького столика. Якушевский молчал, разглядывая гостя, спокойно ожидая, когда он заговорит. Просил о встрече — говори, зачем пришел.

«Трудно мне будет выжать из него хоть каплю информации»,— подумал Владимир. И не ошибся.

— Я выполняю поручение вдовы Паршина,— сказал Фризе. Он никак не мог произнести слова «меня наняла вдова», хотя это больше соответствовало действительности. Но язык не поворачивался выговорить. А выходило по всему — надо привыкать.

— Госпожа Паршина перестала нам доверять?

— Не перестала,— возразил Владимир и подумал

о том, что этому милиционеру придется сказать, что за поручение он получил от вдовы.— Мне необходимо выяснить, кого посетил ее покойный супруг в том доме на улице Коперника.

Якушевский молчал.

— Я понимаю, задание у меня странное, но такие странные расследования и поручают частным сыщикам.— Фризе улыбнулся и развел руками.— У милиции дела посерьезнее.

— Удалось уже что-то выяснить?

— Нет. Только вчера я согласился взяться за дело.

— И решили, что самый короткий путь — использовать милицию? Но нас не интересует, откуда и куда шел покойный. А дело об убийстве расследует прокуратура. А уж найдет ли она в действиях старшего оперуполномоченного Горбунова состав преступления или не найдет, мне неизвестно.

Фризе слушал подполковника и думал о том, что ни в коем случае нельзя позволить себе сорваться, надерзить. Дело, которым ему предстояло заниматься, и впрямь могло вызвать недоумение у любого серьезного милиционера или следователя прокуратуры.

— Я привык рассчитывать только на свои силы, подполковник, и мешать вашему расследованию не буду.

— А какое расследование?! Только служебное — не превысил ли наш оперативник своих полномочий.

— Пусть так. Но есть целый ряд вопросов, на которые вам все равно предстоит ответить. И, может быть, вы уже знаете ответы на них.

— Какие вопросы?

— Паршин в этом доме встречался с Филатовым?

— Понятия не имею.

— В ходе следствия не всплыл факт их знакомства?

— Следствие только началось.

— Я хотел бы побывать в квартире Филатова. И познакомиться с его записной книжкой.

— Исключено,— отрезал Якушевский. И тут же добавил: — Дело у следователя. К нему и обратитесь. Но я уверен — потеряете время. Да и смешно это! Вы же не новичок — такие люди, как «Орех», в записных книжках только телефоны своих любовниц записывают. И те — зашифрованные.

— Значит, не хотите поделиться информацией?

— С удовольствием, Владимир Петрович. Спрашивайте. Как говорится, чем могу... Но и вы меня поймите — служебные рамки всегда в плечах жмут. Сами знаете, столько лет проработали следователем! И не в каком-нибудь захудалом отделении милиции, вроде нашего, а в прокуратуре.— Голос подполковника звучал ровно, почти доброжелательно. Свой сарказм он подавал в нейтральной упаковке, не сдобрив его ни усмешкой, ни интонацией. Фризе даже позавидовал собеседнику. Ему самому никогда не удавалось сказать человеку гадость, оставаясь бесстрастным.

— Леонид Васильевич, а вы не пытались выяснить— убийца и жертва не были знакомы?

— Этот вопрос и генеральную прокуратуру заинтересовал. А уж они ребята дотошные. Лучше меня знаете! Ответ однозначный — нет. Я вам могу подтвердить как очевидец — не были знакомы они друг с другом. Чего бы Паршину бежать от знакомого? А он как заяц припустил!

— Горбунов — хороший стрелок?

— В моем подразделении все хорошо стреляют.

Впервые за весь разговор голос у подполковника помягчал и в нем уже не чувствовалось скрытой недоброжелательности.

— Газета «Новая» сообщила, будто бы располагает информацией: майору Горбунову заплатили за убийство сто тысяч долларов.

— А «Очень новая газета» не сообщила ничего сенсационного? — впадая в ярость, рявкнул начальник угро.— О том, например, что и подполковнику Якушевскому кое-что перепало?!

Зазвонил телефон. Подполковник сорвал трубку и отрывисто бросил:

— Якушевский.

Наверное, абонент, почувствовав, что подполковник разгневан, поинтересовался почему.

— Завопишь, когда тебя донимают... пустыми вопросами. Хорошо, хорошо, перезвони через минуту.— Якушевский положил трубку. Посмотрел на Фризе:— Еще вопросы?

— Вопросы есть. Но от ваших ответов у меня начинается изжога.— Фризе поднялся. Встал со стула и Якушевский. Развел руками и неожиданно улыбнулся. Улыбка показалась Владимиру наглой.

— Спасибо, что выкроили для меня время,— буркнул он и пошел к двери, даже не попрощавшись. С трудом подавив желание высказать подполковнику свое мнение о нем и ему подобных.

Надежда на получение информации от добрых дядей не оправдалась.

ЛИМОНЫ

Одним из тех, чьи фамилии назвала Паршина, был помощник ее покойного мужа — Анатолий Петрович Грустилин.

— Они были знакомы с давних пор,— сказала вдова.— И некоторые стороны жизни мужа ему, наверное, известны даже лучше, чем мне.

О том, какие это стороны, оставалось только догадываться.

С Грустилина Владимир и начал. Позвонил ему по телефону.

— Вас слушают,— отозвался мужской голос, который иначе как бархатным назвать было нельзя. Так мягко и обволакивающе он звучал. А Фризе всегда считал: телефон придает любому голосу механический акцент.

— Анатолий Петрович?

— К вашим услугам.

Фризе объяснил, кто он и с какой целью звонит.

— Я не уверен, что буду вам полезен,— засомневался помощник.— Как мне сообщили в прокуратуре, случай ясный, как дважды два.

— Полина Викторовна сказала, что вы мне поможете.

— Это меняет дело. Если она попросила, готов встретиться с вами хоть сейчас.

— Прекрасно. Выпишете пропуск?

— Обязательно.

Через пятнадцать минут Владимир уже стоял у окошечка бюро пропусков.

— Фризе? К Грустилину? — Пожилая женщина с усталым лицом перебрала заявки на пропуска.— На вас пропуск еще не заказали.

В этот момент зазвонил телефон. Женщина взяла трубку и, пока слушала, быстро записывала что-то на листке бумаги. Владимир не разглядел что, но по тому,

как она кивнула ему, догадался, что речь идет о его пропуске.

Он шел по длинному светлому коридору, читая таблички с фамилиями на дверях. Некоторые из них были ему хорошо знакомы. Их обладатели вели популярные передачи — чаще всего какие-нибудь конкурсы или викторины. Обязательно с крупными призами. С глуповатой рекламой и шумными неискренними восторгами участников.

Впереди открылась дверь одного из кабинетов, и в коридор вышел очень крупный темноволосый мужчина. Фризе он показался знакомым. Наверное, и мужчина его узнал. Но реакция у черноволосого оказалась непредсказуемой: он круто развернулся спиной и быстро зашагал вглубь коридора.

Это был Артем Александрович Клян, председатель акционерного общества «Зебра», пытавшийся нанять Владимира для расследования шантажа.

Когда Фризе поравнялся с кабинетом, из которого вышел Клян, то увидел на двери табличку: «Грустилин А. П.».

«Надо будет ненароком поинтересоваться, что тут забыл председатель «Зебры»,— подумал Фризе и постучал.

Хозяин кабинета в первый момент показался Владимиру глубоким старцем. Наверное, из-за темной, хорошо подстриженной бороды. Сильно поредевшие на голове волосы не могли уже скрыть розовую плешку. Но глаза у бывшего помощника Паршина поблескивали молодо и задорно. Встретил он гостя радушно. Усадил в кресло. Спросил, не выпьет ли Фризе кофе или чаю.

Владимир отказался.

— Тогда спрашивайте,— улыбнулся Грустилин.— С такой рекомендацией вы имеете право задать любые вопросы. Любые!

— Вдова сказала, что вы были с Орестом Михайловичем очень близки. Работали вместе в комсомоле.

— Верно. Что было, то было. Р а б о т а л и вместе.

От Фризе не ускользнула интонация, с которой собеседник произнес фразу. С нажимом на слово «работали». «Сигнал принят»,— внутренне усмехнувшись, подумал он.

— Паршин был богатый человек.

Владимир постарался, чтобы фраза прозвучала как можно более нейтрально. Словно выставил ее на аукцион. «Паршин был богатый человек. Кто за? Кто против?»

Грустилин засмеялся.

— Пришли обсудить со мной эту тему?

«Ему палец в рот не клади,— подумал Фризе.— Недаром глазки, как буравчики. Они у Анатолия Петровича не только задорные, но и умные. Что, если пойти с ним в открытую? Юля же предупредила — этому человеку можно довериться. Вот только можно ли довериться ей?»

Короткую паузу собеседник расценил по-своему.

— Не стесняйтесь, выкладывайте свои сомнения. Покойник был дрянной мужичонка.

— Вот как! А мудрость древних? De mortuis aut bene...*

— ...aut nihil,** — подхватил Грустилин. — Этого изречения я от вас и ожидал. И свою порядочность показали, и общую эрудицию.

— Отбросим условности? Напрямик?

— Разумеется. Сэкономим массу времени. Вы в преферанс не играете?

— Нет.

— Жаль. Один мой приятель в Гонконг улетел. Пулька на сегодняшний вечер расстраивается... Итак? Был ли мой покойный шеф богатым?

— Да.

— На этот вопрос можно ответить одним словом. Очень. А можно пуститься во все тяжкие и рассказать историю «нового человека», homo novus.

Фризе так и подмывало сказать, что краткий ответ его вполне удовлетворил. Но любопытство пересилило. Ему захотелось узнать, на какие же деньги завела цветочное дело его юная любовница. Да и торопиться сейчас ему было некуда.

— Так вот, объясняю: взятки, взятки и взятки. Как видите, пустившись во все тяжкие, я израсходовал втрое больше слов. А, собственно, зачем вам все это?

— Вдова поручила мне выяснить, от кого шел Паршин, когда его застрелили. — А так как Анатолий Петрович явно ждал продолжения рассказа, Фризе добавил: — Позже мне стало известно, что в тот вечер он обещал дочери привезти деньги на покупку нового магазина.

— Наслышан. Неужели покупка сорвалась?

— Если деньги не найдутся в ближайшее время, то сорвется.

— Подождите, подождите! Рест хранил деньги в России?

— Вам лучше знать. Вы же были его лучшим другом.

— Да оставьте вы! Всю жизнь мы были соперниками. И врагами.

— Каждый ваш ответ вызывает новые вопросы.— Фризе подумал, что его собеседник чем-то очень раздражен. Очень. И его желчность — лишь слабое отражение той злости, которая его обуревает.

— Чем дальше в лес...

— Признание, что вы были врагами, настраивает на скептический лад.

Анатолий Петрович не обратил внимания на реплику Фризе.

— В молодости мы были комсомольскими вожаками. Секретарями обкома. Я — первым, Орест — третьим. Занимался сельской молодежью.— Он усмехнулся.— Старик был пробивным парнем. Всю жизнь был пробивным! А как на телевидение попал — и продувным. А в те далекие времена сумел из инструкторишки одним махом в секретарское кресло перескочить. С помощью торфоперегнойных горшочков. Помните такую кампанию?

— Нет! И о торфоперегнойных горшочках представления не имею.

Грустилин с удивлением посмотрел на Фризе и тут же махнул рукой.

— Да откуда же вам помнить?! Вас тогда и на свете, наверное, не было. Хрущев в ту пору выводил на мировой уровень наше сельское хозяйство. Кукуруза, гидропоника, торфоперегнойные горшочки! Инструктор обкома Паршин с такой энергией насаждал кукурузу и эти самые горшочки, что не выдвинуть его в секретари обкома было просто неприлично.

---

* De mortuis aut bene... *(лат.)* — О мертвых или хорошо...

** ...aut nihil... или ничего.

Фризе мало интересовало время торфяных горшочков, но он решил не перебивать собеседника, надеясь, что воспоминания о комсомольской юности лишь преамбула к серьезным телевизионным свершениям покойного.

— Потом я уехал в Москву, в ЦК. Со временем вытащил и Реста. Дела у него на родине шли неважно. На отчетной конференции делегаты набросали ему чуть ли не половину черных шаров, но московское начальство помнило, с какой энергией Паршин двигал в массы идеи первого секретаря Центрального Комитета, и решило, что не оплошает он и занимаясь пропагандой во всесоюзном масштабе. В Москву Орест ехал с радостью, но я знал: его корежит от мысли, что делается это с моей помощью.

— А вы-то! Зачем рекомендовали?

— Сначала я хотел вытащить одного скромного парня. Умного, интеллигентного... Но у нас замечают только тех, кто громче крикнет. И раньше, и сейчас. Паршин всегда кричал громко. В Москве было слышно! Скромного забодали. Чтобы не промахнуться во второй раз, я предложил Ореста. Этот прошел «на ура». Вам, наверное, скучно слушать? Вы сам-то в комсомоле состояли?

— Нет.

— Не баптист?

— Ну что вы! Православный. А в комсомол не лез— папа был репрессирован. Не хотелось объясняться на каком-нибудь бюро.

— Поэтому вы, Владимир Петрович, частный детектив, а не начальник юридической службы у Президента. Не судья Верховного Суда, не зам премьера. Сейчас, как и раньше, в гору идут бывшие секретари. Как мой покойный шеф, например. При любой власти держался на плаву. У него даже присловие такое было: не убеждения красят человека, а человек убеждения. Он был уверен, что украсит собой любую партию. Вы читали Умберто Эко? Роман «Имя розы»?

Фризе кивнул.

— Помните, Адсон спрашивает Вильгельма: «Что для вас страшнее всего в очищении?» И слышит в ответ: «Поспешность». Так вот — мой покойный шеф был всегда в первых рядах очищавшихся. А уж очистился или нет — рассудят на небесах.

— А сам-то вы, что же в помощниках? Тоже были секретарем. Первым!

— Когда-то проштрафился. Послали в профсоюзы, на рядовую работу. Паршин меня из профсоюзного рассола извлек. Чтобы потешить свое самолюбие. Шутка ли — полжизни у меня в подчинении на цырлах ходил. И вдруг такая метаморфоза — я у него в шестерках. Того-то вызвать, этого назначить, не забыть, предупредить, написать доклад, отвезти домой продовольственный заказ, встретить жену в аэропорту, помочь дочке с цветочками. Приятно. Бальзам для его души!

— Ему приятно. А вам?

— А я решил — самолюбие в наше время ненужная роскошь. Самолюбивый должен или ближнего затоптать, или от тоски и гордости повеситься, или с голоду сдохнуть. Помощник не самая последняя должность. Можно ведь стать и незаменимым помощником?

— Понятно. И правая, и левая рука. Вы, значит, про каждый чих своего шефа осведомлены?

— Не переоценивайте меня. Но о том, когда Орест Михайлович завел привычку лимоны у себя в кабинете выкладывать, осведомлен хорошо.

— Лимоны?

— Да. По глупости, по неопытности. Мы тогда только начинали свое дело. Люди шли на студию гурьбой. Устраиваться на работу, разместить рекламу, пробить свою передачу... Большими деньгами запахло. Кто посмелее и половчее, стал брать взятки. Шеф сразу схватил ситуацию. Пару самых жадных и наглых уволил. Завел порядок, чтобы без него ни один серьезный вопрос не решался. Приходит к нему на прием крупный спонсор, рекламодатель, шоумен — а у него в кабинете, на маленьком столике, рядом с палехским самоваром, хрустальная вазочка. В вазочке лимоны. Два, три, пять... Догадываетесь?

— Догадываюсь. А рекламодатели быстро догадались?

— Не сразу. Но когда вопрос неделями не решается, человек начинает рассуждать. Почему? Занимается анализом. И вспоминает про лимоны. Первый проситель, поверивший своей интуиции, хорошенько сосчитал лимоны и ответил адекватно. У него получилось. А дальше... Молва растет, распространяясь.

— Оригинал! — с восхищением воскликнул Фризе.

— Ну что вы! Дилетант. Это он по неопытности, да из-за пристрастия к внешним эффектам. Комсомольская привычка. Потом система упростилась. Да и «лимоны» помельчали. Не тот эквивалент. Пятнадцать — двадцать штук не выложишь для всеобщего обозрения. В моду другая денежная единица вошла.

— Сколько же он взял за эти годы?

— По-моему, больше миллиона баксов. Только я думаю, что хранил он деньги за границей.

— А точных сведений у вас нет? Не делился он с вами?

— Это мне ни к чему. Недолго и в соучастники попасть.

— Я надеялся, что вы знаете.— Фризе не скрывал разочарования.

— Вдова меня тоже спрашивала,— после некоторого раздумья ответил Анатолий Петрович.— Но левые доходы были запретной темой. Табу. Шеф даже про своих любовниц мне рассказывал. Вынужден был. Просил иногда завезти что-то вкусненькое — конфеты, фрукты. Цветы к празднику. Но о деньгах — молчок.

— На улице Коперника бывать не приходилось?

— Никогда. Сам ломал голову — с какой стати он там оказался?! Интересно, милиционера будут судить? Я слышал, у него двое детей. Но и палить без разбора — дикость.

— А вы не дадите мне адреса любовниц? — не ответив на вопрос, попросил Фризе.

— Не теряйте время. Вы у них ничего полезного не выудите. Разве какую-нибудь мерзость.

— Иногда, в счастливое мгновение, человек способен на откровенность.

— О чем вы говорите?! Если жена не знает, где он прятал деньги, то что говорить о любовницах!

У Фризе на этот счет была совсем другая точка зрения, но спорить он не стал. Да и Грустилин смягчился.

— Дам я вам пару адресов. Съездите, пообщайтесь. Может быть, на кого-то и глаз положите. Приятные дамы. Но с запросом! — Он вынул из-под пресса

листок фирменной бумаги и размашистым красивым почерком записал два имени и адреса. Пододвинул бумажку Владимиру.

— Желаю удачи.

Фризе положил бумагу в карман. Наверное, об одной из этих женщин ему говорила Паршина.

— А с кем из его друзей вы бы посоветовали поговорить?

— Не было у него настоящих друзей. Товарищи. Знакомые. Приближенные к дому. К служебному кабинету.

«Ох, нелегко тебе было ходить в помощниках! — подумал Фризе.— Сколько злобы и ненависти скопилось в душе. Неужели ни разу не пробуждался вулкан? Не доносились до бывшего шефа глухие раскаты?»

— Кстати говоря, в этот круг общения входил и самодержец,— помощник показал пальцем вверх и криво улыбнулся.— Но, сами понимаете, вряд ли они были настолько откровенны. А последнее время Орест старался держаться в стороне, потихоньку уйти в тень. Готовился к новому очищению.

— Именно Орест?

— Естественно. У него был нюх на перемены.

— Можно задать не относящийся к делу вопрос?

— Задавайте. У меня сейчас много свободного времени.

— Час назад от вас вышел мужчина...

Грустилин молчал, ожидая, что собеседник уточнит свой вопрос.

— Крупный, черноволосый. Кто это? Мне показалось знакомым его лицо.

— Я уж и не помню. У меня сегодня столько народу перебывало! И все по «ящику» мелькают, у всех лица знакомые. Нет, не помню, увольте.

Фризе поднялся.

— Спасибо за информацию.

Грустилин развел руками, словно хотел сказать: извините, чем богаты, тем и рады. Он отметил Владимиру пропуск. Сверившись с часами на руке, проставил время. Фризе успел заметить, что часы у помощника швейцарские, фирмы «Омега». Совсем недавно в магазине на Новом Арбате Владимир видел точно такие же часы. Стоили они двенадцать миллионов.

Уже взявшись за ручку двери, Владимир повернулся к хозяину кабинета и спросил:

— Анатолий Петрович, а с Паршиной у вас хорошие отношения?

Грустилин неожиданно покраснел и лицо у него стало жестким, а задорные искорки в глазах потухли.

— Вам, собственно, зачем это знать?

Фризе никак не ожидал такой болезненной реакции.

— Я просто хотел попросить, чтобы вы не сообщали ей о том, что меня интересовали финансы. Она ведь о деньгах не упоминала.

— Вы узнали от Юли? — Краска сошла со щек Анатолия Петровича, лицо разгладилось. Но глаза все еще смотрели настороженно.

— Да. И чтобы не вносить сумятицу в семейные отношения...

— Не беспокойтесь. Все будет хорошо.

Шагая по широкому редакционному коридору, Фризе думал о том, что же имел в виду Грустилин. Свое молчание? Или был уверен, что мать с дочкой действуют в полном согласии?

Среди табличек, прикрепленных к дубовым дверям кабинетов, одна — самая большая — привлекла внимание Фризе: «Приемная председателя Государственной телерадиокомпании «7 канал». Еще недавно под этой табличкой висела еще одна — об этом говорили прямоугольник невыцветшего дерева и два зияющих отверстия от шурупов. На табличке, которую поспешили снять, наверное, значилось: «Паршин О. М.».

Не раздумывая, Фризе толкнул дверь.

В просторной приемной, за огромным письменным столом, заставленным телефонными аппаратами и еще какой-то незнакомой Владимиру техникой, сидела седая женщина и печатала на машинке. Только повнимательнее взглянув на нее, Фризе понял, что женщина, несмотря на свою вызывающую, яркую седину, довольно молода. Лет сорока, не старше. Коротко подстриженные волосы широкой прядью, словно крыло чайки, падали на загорелое приятное лицо. Она допечатала фразу и подняла глаза. Наверное, гость ей понравился— женщина улыбнулась.

— Могу я украсть у вас пять минут?

— Можете. Если кража будет без взлома.— Она поднялась с кресла и потянулась. Фризе отметил, что и фигура у женщины прекрасная. Только ростом она подкачала — могла бы свободно пройти у него под мышкой.

Женщина достала из ящика стола сигареты, широким жестом показала Фризе на пухлые кожаные кресла возле журнального столика с мраморной столешницей. Они сели и Владимир протянул руку к нагрудному карману за удостоверением.

— Верю вам на слово! — остановила его женщина.

— Фризе Владимир Петрович, частный детектив,— представился он.

— Звучит красиво. Елена Сергеевна, секретарь приемной. Уж не работаете ли вы по поручению вдовы нашего покойного шефа?

В ее словах Фризе почудилась неприязнь.

«С чего бы это?» — подумал он. И тут же вспомнил. В разговоре с ним Паршина назвала любовницу мужа Еленой Сергеевной. И добавила в сердцах: «стерва». Ничего себе, приятная стервочка.

Фризе захотелось взглянуть на листок бумаги с именами и адресами любовниц покойного председателя, который не постеснялся ему вручить Грустилин. Но делать это при Елене Сергеевне было неудобно.

— Уже наслышаны? — От ее внимания не укрылось легкое замешательство гостя.

— Кто из нас сыщик?

— Что же сыщик хочет?

— Вы что-нибудь знаете о доме на улице Коперника?

На лицо собеседницы будто тучка набежала.

— Нет. Шеф никогда не упоминал об этой улице. О том, что бывал там. Может, случайное совпадение? Проходил мимо...

— Он вышел из подъезда.

— Да знаю я! — Елена Сергеевна вздохнула.— Следователь мне об этом говорил.

— Он был здесь?

— Осматривал документы в сейфе, в столе.

— Сейф вскрывали?

— Да. Уже звонила вдова. Спрашивала, не остались ли в нем личные вещи Ореста Михайловича. А какие могли быть личные вещи? Старый партбилет и учетная карточка, две бутылки французского коньяка, немного денег.

— Немного?

— Миллиона три. Да пятьсот долларов. Полина присылала дочку за ними. Вы встречались с Юлей? В отличие от матери, очень умная и трезвая девочка. Многого добьется в жизни.

— Дай Бог.

Елена Сергеевна затянулась сигаретой, пустила гулять по комнате колечки дыма и, будто разом стряхнув с себя грустные воспоминания, улыбнулась. Спросила:

— Еще что-нибудь?

— Сохранилась книжка, куда вы записывали номера телефонов и адреса людей, с которыми соединяли Паршина, вели по его поручению переговоры?

Секретарша вздохнула.

— Конфисковал следователь?

— Нет. Вы у Грустилина были?

— Был.

— Ну конечно же, он вам и пропуск заказывал. Книжечка-то у меня. Но из нее выдрали несколько страниц. На «Л» и «К». А я ее давала только следователю и нашему помощнику.

— Грустилину? — уточнил Фризе.

— Ага. Я у него спросила про вырванные страницы. Он сделал страшные глаза и руками замахал. А спрашивать у следователя я не решилась.

— А фамилию следователя помните?

— Чепелкин. Вася Чепелкин. Я его все время господином следователем величала, а он уговаривал не церемониться, называть просто Васей.

— Клеился?

— Клеился.— Глаза Елены Сергеевны озорно блеснули.— Сказал, что в День милиции пригласит меня на праздничный концерт. Вот уж обрадовал! Концерты эти мы для них и устраиваем! Книжку будете смотреть?

— Если не боитесь за остальные страницы.

— Буду следить.— Она встала с кресла, бросила сигарету в напольную пепельницу и, открыв небольшой светлый сейф, достала потрепанную телефонную книгу.

Фризе внимательно изучил ее, обращая внимание на номера телефонов того района, где они начинались с цифр 137 и 931, и на людей, живших на улице Коперника. Номеров с такими начальными цифрами было немало, но все они принадлежали известным учреждениям.

Никто из адресантов, внесенных в записную книжку председателя телерадиокомпании, на улице Коперника не проживал. О тех же, кто исчез вместе с выдранными страницами, Елена Сергеевна вспомнить не смогла.

Пока Фризе, с трудом разбирая почерк, изучал страницу за страницей, секретарша печатала. Заметив, что гость захлопнул книжку и откинулся на спинку кресла, спросила:

— Разобрались в моих каракулях?

— Да уж, почерк у вас трудный.

— Орест Михайлович любил меня не за почерк,— с вызовом сказала она.— Кофе выпьете?

— Спасибо, отложим на следующий раз.

— И правильно. Здесь у меня только растворимый. Если что-то еще захотите узнать, приходите домой. Там я вас угощу настоящим кофе. А здесь...— Она бросила взгляд на дверь, обитую красной кожей. Наверное, эта дверь вела в кабинет председателя.— Тоска зеленая. Да и не хочу, чтобы Грустилин нас вместе увидел.

— Елена Сергеевна, фамилия Клян вам знакома?

— Клян, Клян...— Она нахмурилась.— Что-то напоминает.

— Клян Артем Александрович, председатель чего-то акционерного под названием «Зебра».

— Артем! — секретарша рассмеялась.— Такой пупсик толстенький?

— Ага. Он самый.

— Он у нас теперь член совета директоров, принимал участие в акционировании.

— — И что это значит?

— Убейте меня, эту механику я еще не постигла. Ввели в правление новых людей. Крутых. Банкиров. Фирмачей. «Новых русских». А в остальном все как было. Трудимся старым способом.

— И давно Клян вошел в совет?

— Со вчерашнего дня. Радуется, как дитя. Ходит по кабинетам, раздает подарки. Но только женщинам.— Секретарша выдвинула один из ящиков письменного стола и Фризе увидел огромную коробку конфет — красные розы по темно-зеленому полю.

— Финские. Вишни в шоколаде.

Задвинув ящик, секретарша вздохнула и сказала грустно:

— Шеф его на порог не пускал. А умер — все тут же единогласно проголосовали. Говорят, он поможет компании выстоять. Экономически.

— Наверняка поможет,— пообещал Владимир.— Не даст умереть с голоду. По-моему, у него много лишних долларов.

Елена Сергеевна поставила на пропуске еще один штампик и записала новое время.

— У нас теперь строго. Милиционер на контроле может придраться. Чао!

Фризе поцеловал ей руку. Изящная ручка Елены Сергеевны пахла мускусом.

Спускаясь в лифте на первый этаж, он вынул из кармана листок, на котором Грустилин написал имена любовниц покойного председателя.

Первой значилась Елена Сергеевна Рыжова.

КОНСПИРАТОРЫ

На Рублевском шоссе, у поста ГАИ, инспектор поднял жезл и ленивым взмахом показал Фризе на площадку, где пылились несколько разбитых машин, милицейский «Мерседес» и потрепанные синие «Жигули».

«Чем ему не понравилась моя «тачка»? — подумал Владимир.— Только что помыта, ухожена. Еду я — медленнее не бывает».

Он заехал на площадку, заглушил мотор и, не вылезая из машины, следил за тем, как инспектор не спеша, по-хозяйски приближается к нему. Мундир сидел на милиционере в обтяжку, казалось, одно неосторожное движение — и пуговицы с треском отлетят.

— Инспектор Сычев,— козырнул он и протянул внушительную ладонь.— Ваши документы, водитель.

Фризе вручил ему водительское удостоверение и технический паспорт. Толстые инспекторские пальцы ловко перебрали странички.

— Фризе Владимир Петрович,— прочитал инспектор и, нагнувшись, чуть ли не всунув голову в окно,

сказал, понизив голос: — Владимир Петрович, загляните на минутку на наш КП.

— Какое же нарушение я допустил?

— Ни-ка-кого. С вами хотят перекинуться парой слов.

— Это что-то новое в работе ГАИ,— проворчал Фризе. Он нехотя вылез из машины.— Может быть, мне решили предложить чашечку кофе?

Он подозрительно взглянул на инспектора и на всякий случай поднял стекло и закрыл двери «Жигулей». Сычев невозмутимо наблюдал за его манипуляциями.

Когда Фризе вошел в помещение поста, с продавленного диванчика поднялся молодой человек в джинсовом костюме, с бритой наголо головой. Молодой человек шагнул навстречу Владимиру, протянул руку.

— Капитан Рамодин.— И добавил, улыбнувшись:— Евгений.

Наверное, ответное рукопожатие Фризе показалось ему не очень-то решительным и капитан достал из кармана удостоверение. Передал Владимиру.

С ксивой у этого парня было все в порядке. Старший оперуполномоченный уголовного розыска Рамодин Евгений Федорович на фотографии в удостоверении ничем не отличался от того, который стоял перед Фризе. Такой же открытый взгляд, бритая голова и тяжеловатый подбородок.

— Похож?

— Есть отдаленное сходство.— Фризе вернул документ.— Но только странный способ для встречи, не правда ли?

— В нашей жизни много странного.

Парень произнес фразу с такой многозначительностью, что Владимир улыбнулся: «Тоже мне, принц датский».

— Нельзя ли ближе к делу?

Капитан с нарочитой внимательностью обвел глазами комнату и предложил:

— Покатаемся?

— Покатаемся,— без особого энтузиазма согласился Фризе. Все это становилось интересным. И подозрительным.

Они вышли из помещения и Рамодин показал на синие «Жигули».

— На моей? Там радиотелефон. Могу начальству понадобиться.

— А может быть, на моей?

— Да не сомневайтесь вы ни в чем. У меня к вам весточка от подполковника Якушевского. Филатов, Паршин и другие. Врубаетесь? Так что никуда ваша «красотка» не денется.— Капитан посмотрел на франтоватый автомобиль Фризе.

— Тогда поехали.

— Олег, мы через полчасика вернемся! — крикнул Рамодин инспектору, который с меланхолическим видом слушал объяснения маленького бородатого водителя «Форда», остановленного за какие-то прегрешения.

— Ехайте спокойно! — отозвался старший лейтенант не оборачиваясь. Он в этот момент уперся своим жезлом в грудь бородатого и легонько отодвинул его от себя. Наверное ему не нравилось, что, войдя в раж, нарушитель отчаянно жестикулировал.

Они молча проехали около километра, и за Раздорами капитан свернул налево. Выбрав место подальше от фешенебельных дач, он поставил машину на обочину и предложил пройтись.

— Я хотел приехать к вам на дачу, но решил не светиться. Не надо, чтобы нас видели вместе.

— Мы под колпаком у Мюллера?

— Все под колпаком.

Фризе позабавила манера совсем молоденького парня изъясняться на философский лад.

— А еще мне рассказывали, что приезжать к вам в гости на дачу — дело небезопасное. Можно попасть под горячую руку.

Год назад на дачу Фризе напали мафиози, против которых он вел дело в прокуратуре. Одного из бандитов Владимир застрелил, остальные погибли в трехстах метрах от дачи, свалившись в машине в Москву-реку.

— Нас не трогай, мы не тронем. Приехали — были бы гостем. А то мы как мальчишки в шпионов играем.

Капитан ничего не ответил. Показал на два старых пня.

— Посидим.

Усевшись поудобнее, он наконец заговорил о деле.

— Вчера вы были у подполковника. Интересовались убийством Паршина.

— Да не интересует меня убийство! — перебил капитана Владимир. — Вдова поручила мне совсем ма-аа-лень-кое дельце. Объяснял я вашему Якушевскому.

— Знаю, знаю! Но все в жизни так взаимосвязано.

Фризе не выдержал, расхохотался.

Рамодин посмотрел на него с недоумением.

— Что-то не так?

— Все так, капитан. Давайте только не будем обобщать.

— И вы заметили? Привычка. Подполковник тоже меня одергивает.— Он наклонился, отломил от маленькой березки ветку и стеганул ею себя по ладони. Словно хотел наказать за излишнее пристрастие к философским обобщениям. Но тут же с брезгливой гримасой бросил ветку в сторону. На ладони у него извивались с десяток жирных зеленых гусениц.

— Бр-рр! Мерзость какая! Скоро слопают все живое. Ну так вот — вы задали шефу несколько вопросов...

— Задал. Но ответа на них не получил.

— Правильно. У нас такая обстановка в управлении, что подполковник — как пуганая ворона. Куста боится. Постоянная утечка информации. И наверх, и к мафии. Не мог Леонид Васильевич все, что знал, выложить вам у себя в кабинете. Просил меня извиниться.

— Вот как?

— Не удивляйтесь. Он у нас интеллигент. И еще просил меня удовлетворить ваше любопытство. Это его слова. Что я и делаю. Филатов молчит. Болтает-то много, да не по существу. Он среди авторитетов известный балагур. А по делу молчит. Его охранники и шофер — народ темный. Им бы только погулять да пострелять. В детали не посвящены. Паршина не опознали. Как видите, здесь — ни одной зацепки. Два эти дела в узел не вяжутся.

— А кто хозяин квартиры?

— Квартира недавно куплена на имя одного из охранников «Ореха». В ней и мебели почти нет: несколько стульев, стол да двуспальная кровать.

— А к кому приходил Паршин? Кто-нибудь из жильцов дома его опознал?

— Владимир Петрович, такого уговора не было!

Вы же просили подполковника ответить на пару вопросов.

— У нас вообще никакого уговора не было! Ваш подполковник просто-напросто отказался со мной разговаривать!

— Ну, хорошо. Не буду темнить. Но услуга за услугу. Вы тоже поделитесь с нами информацией.

— Да какая у меня информация! — рассердился Фризе.— Я только к расследованию приступил. Да и расследование у меня копеечное.

— Ну уж и копеечное! — не упустил возможности поддеть собеседника капитан.— Гонорар, наверное, в баксах берете?

Заметив, каким разъяренным взглядом одарил его Фризе, Рамодин сделал успокаивающий жест:

— Ладно, ладно! Не сердитесь. А информация у вас наверняка появится. Поделитесь?

— Если это не будет задевать мою клиентку, поделюсь.— «Почему не пообещать? — подумал Фризе.— А там видно будет».

— Нам проблемы вашей клиентки без надобности. У нас свои сложности. Вы спросили у шефа — хороший ли стрелок наш инспектор Горбунов? Почему?

— Интересно.— Фризе совсем не хотелось выкладывать милиционеру свои, ни на чем конкретном не основанные, подозрения. И к тому же на вопрос, опознали ли в доме Паршина, капитан так и не ответил.

— К вашим поискам это не имеет никакого отношения. Так почему вы об этом спросили?

— Да что вы привязались? Спросил и спросил. Не хотите рассказывать — не надо! Чего ради тогда эти турусы на колесах!

— Чего «на колесах»? — удивился капитан. Похоже, он никогда в жизни не слышал этого присловья.

— Зачем вас прислал подполковник? Чтобы извиниться и ответить на мои вопросы? Или вытянуть из меня кое-что интересное для вас?

— Тяжело с вами разговаривать,— вздохнул капитан.— Наш сотрудник Горбунов — стрелок никудышный и человек... своеобразный. Неуправляемый. Но он клянется, что в Паршина не стрелял. Произвел два предупредительных выстрела в воздух.

— Действовал по инструкции,— Фризе не смог скрыть иронии.

— Я ему верю.

— Разве вопрос в том, верите ли вы ему или нет? Есть труп, есть раневое отверстие, есть пули.

— Нет пуль. Одна рана навылет. Пулю не нашли. Рана может быть и от «АК» Горбунова, и от некоторых других типов оружия. Нет свидетелей, что Горбунов стрелял в Паршина. Но никто не видел, что он стрелял в воздух. Опросили несколько человек — у всех показания зыбкие, расплывчатые. «Кажется», «помоему»... Все говорят — выстрелил. А куда? Ничего определенного.

— Странно.

— Ничего странного. Прокуратура...— Рамодин внимательно посмотрел Фризе в глаза.— Кое-кто в высших сферах и журналисты готовы повесить убийство на уголовный розыск. На Горбунова. А мы с подполковником верим ему. И вдруг заявляется частный детектив Фризе и спрашивает: «Ваш опер Горбунов — хороший стрелок?» Плохой! Не мог он застрелить Паршина с первого выстрела, да еще чуть ли не на бегу. Чудес не бывает! Скажите, Владимир Петрович, почему вы об этом спросили?

— У меня мелькнула мысль о том, не был ли Горбунов знаком с Паршиным? Бывает, что и простого милиционера судьба сводит с крупным начальством. Может быть, Паршин был любовником его жены? Или дочки. И не воспользовался ли майор подвернувшимся случаем? Если я прав, Горбунов должен знать, у кого в этом доме побывал председатель телерадиокомпании. И я мог бы через него решить свою проблему.

— Насчет жены Горбунова это вы здорово загнули!— усмехнулся Рамодин.— Она, конечно, дама фигуристая. И лицом не подкачала. Но старовата для такого босса! За сорок. И деревенщина. А дочка еще в детсад ходит. Ляпнули, не подумав.

— Отсутствие информации. По вашей вине.

— Вы ведете свое расследование,— продолжал капитан.— Решаете ма-а-ленький вопрос. Но вы обязательно наткнетесь и на другие — бо-ольшие — вопросы. На наши вопросы. Если что-то узнаете — поделитесь. От вас не убудет.

— Хорошо. Но я один! Бесправный кустарь! А вы— сила. Такой аппарат, неограниченные полномочия.

— Да запретили нам совать свой нос в это дело! — с досадой выпалил капитан.— Запретили! И все наши неограниченные полномочия полетели псу под хвост. Для того, чтобы с вами встретиться, мне приходится в кошки-мышки играть. В лесу прятаться! Думаете, мало у нас в управлении стукачей?

Фризе хотел сказать — и поделом вам! Выбирайте себе сотрудников, которым можно доверять, но вспомнил районную прокуратуру, в которой работал несколько лет, и промолчал.

Он не стал спрашивать у капитана, почему им запретили заниматься убийством Паршина. Понимал, что скорее всего не получит ответа. На этот случай у него имелась своя версия.

В начале марта на пороге своего дома наемными убийцами был застрелен популярный тележурналист. Любимец публики. Убийц не нашли. Это вызвало раздражение и гнев в обществе. О неспособности высшей власти навести порядок в стране писали все газеты. Не проходило дня, чтобы с экранов телевизоров не раздавались филиппики в адрес сомкнувшихся с мафией министров. Дело дошло до того, что один из крупных специалистов по борьбе с мафией, уволенный в отставку за излишнюю служебную прыть, заявил в ходе телевизионного интервью, что многие министры федерального правительства имеют в уголовном мире воровские клички.

И вот — новое убийство крупного телевизионного босса. Но на этот раз подвернулся «счастливый» случай предъявить обществу конкретного убийцу. Ну и что же, что это милиционер? В семье не без урода. Но тема-то закрыта!

Фризе казалось, что он догадывается, почему Горбунов до сих пор не арестован. Мертвый убийца полезнее, чем живой подозреваемый. Интересно, понимают ли это сам Горбунов, подполковник Якушевский, бритый собеседник?

— Ну что, договорились?— напомнил о себе Рамодин.

— Do ut des!

— Ради всех святых, не показывайте свою ученость! Жил я без латыни, проживу и еще.

— «Даю тебе, чтобы и ты мне дал». От латыни, между прочим, некоторые девушки просто балдеют,— сообщил, улыбаясь, Фризе.

— Мои знакомые девушки балдеют совсем по

другой причине,— буркнул капитан.— Что же вы хотите взамен? Конкретную помощь или информацию?

— Информация для меня и есть конкретная помощь.

— Много будете знать, скоро состаритесь. Глядишь, и умрете раньше времени.

— Как, по-вашему, Паршин был связан с «Орехом»?

— Я же сказал, «Орех» молчит. Его бойцы тоже воды в рот набрали.

— Меня интересует ваше личное мнение.

У Владимира вдруг мелькнула мысль о том, что он задал никчемный вопрос. Паршин вышел из подъезда после того, как арестованных Филатова и охранников увезли в управление. Оперативники уже поднимались в бандитское логово. Квартира оказалась пуста. Значит, Паршин гостил не у Филатова. И гостил скорее всего в квартире, окна которой выходят во двор. Иначе задержание бандитов у подъезда не прошло бы для него незамеченным. В таких ситуациях оперативники любят подбодрить себя истошными воплями.

— По-моему, Паршин имел какой-то общий интерес с «Орехом».— В словах капитана не чувствовалось уверенности.

— Кто-нибудь из жильцов дома его опознал? — уже во второй раз спросил Владимир.

— Никто. Да и народу сейчас маловато. По дачам разъехались. Остальные боятся рот раскрыть.— Он поднял голову и с блаженной улыбкой подставил лицо под солнечные лучи. Сказал неожиданно: — Скорей бы на пенсию! Весь день сидел бы на солнышке. И телевизор не включал. Кстати, господин ученый, нас не очень-то и волновало, знают Паршина в доме или нет. И к кому он в гости ходил. Кроме «Ореха», естественно.

— Евгений Федорович, а что все это значит? — Фризе сделал жест рукой, словно очертил в воздухе магический круг.

— Что? — сделал наивные глаза Рамодин.

— Все. Желание свалить вину на вашего оперативника. Запрет продолжать расследование. Поведение вашего шефа. Это конспирация?

— Я человек маленький,— нахмурился капитан.— Когда маленький человек много знает — это плохо. Я и стараюсь поменьше знать. И особенно поменьше болтать.

— Значит, не скажете.— Фризе вздохнул и поднялся с пенька.— Вопросов больше нет, поехали.

— Режьте меня, жгите — сказать больше нечего. А догадки высказывать опасно.

— Послушайте, капитан, а вы хорошо проверили машину?

— Какую машину? — Слова прозвучали так фальшиво, что Фризе осуждающе покачал головой.

— Рамодин, не валяйте дурака!

— «БМВ» Паршина? Так бы и говорили. Угнали машину у нас из-под носа.

— В день убийства? С улицы Коперника?

— Да, да, да! С улицы Коперника! Пока Горбунов по сторонам глазел, выглядывал, кто еще стрельнул, машина рванула в голубую даль.

— А Горбунов на время ослеп?

— Зря вы так. Он хоть и бурбон, но мужик честный.

— Ну, хорошо. В конце концов, это меня не касается.

— Милиционеры тоже люди. Можете себе представить состояние опера? Он палит вверх, а мужик замертво валится на землю? А тут еще шеф прискакал. Орет: «Зачем стрелял на поражение?»

— Ладно, ладно! Разбирайтесь со своим опером сами. Меня больше волнует другое. Паршин свой портфель, наверное, успел в машину положить?

— Может быть, и успел. Мы портфель не обнаружили.

— Номер машины, модель?

Капитан назвал.

— Черный?

— Темно-синий.

Фризе помолчал. История с машиной Паршина вызывала у него лавину вопросов. И он с трудом удерживался от того, чтобы не обрушить их на голову собеседника. «Не залезай в чужую кухню! — сердито одернул он себя.— Опрокинешь на себя соус, не отмоешься». Но некоторые детали он не мог не уточнить. Они касались того дела, которым он занимался.

— В тот момент, когда Горбунов подбежал к машине, в ней никого не было?

— А кто его знает!? Паршин чаще всего ездил без водителя.

— Горбунов заглядывал в салон?

— Не успел.

— А свидетели?

— Да какие свидетели! — начал капитан, но Фризе остановил его.

— Ладно. Это меня тоже не касается.

Он подумал о том, что неизвестный, угнавший машину, мог прятаться на полу салона. Этот неизвестный и мог быть убийцей. И еще подумал о том, что слишком часто повторяет фразу: «Это меня не касается».

Уезжать из рощи не хотелось. Машина нагрелась на солнце, в салоне было душно. Капитан опустил стекла с обеих сторон и погнал «Жигули» с ветерком. Густой сосновый воздух моментально выдул застоялый бензиновый запах.

Фризе с тревогой подумал о том, не случилось ли чего с его автомобилем.

— А этот крепыш на посту ГАИ не нарушит вашу конспирацию? — спросил он капитана.

— Не нарушит. Олег — мой старый приятель. Мы вместе в милицейской школе учились.

Когда они подъехали на КП, Владимир с облегчением вздохнул. «Жигуль» стоял на месте целый и невредимый. Олег вразвалочку прогуливался по обочине, высматривая очередную жертву.

Капитан заглушил мотор и собрался вылезти из машины. Фризе остановил его, положив руку на плечо:

— Евгений Федорович, есть одна просьба...

— Выкладывайте.

— Мне хотелось бы на полчаса попасть в явочную квартиру «Ореха».

— Еще чего! Неужели вы не усекли — нам запретили продолжать это дело. Запретили! Да и квартира-то пустая! Я же говорил: голые стены и двуспальная кровать. Уж не с девицей ли вы туда намылились?

— Для девушек у меня имеется другое место. А в квартиру «Ореха» мы с вами могли бы прийти и ночью. Чтобы не дразнить гусей.

— Что вы там хотите найти?

— Не знаю.— И, подумав, добавил: — Вдруг Паршин все-таки заглядывал к «Ореху» в гости?

— Я посоветуюсь с шефом.

— Посоветуйтесь. Кстати, как мне с вами связаться? Приехать прямо в отдел?

— Ни ногой! — В голосе Рамодина сквозил испуг. Он даже не обратил внимания на иронию.— Я найду способ...

— Дайте домашний телефон.

Капитан поморщился.

— Отпадает. Могут прослушивать.

Фризе так и хотелось крикнуть: «Да кто? Кому ты нужен со всеми своими секретами?» Но, похоже, собеседнику было не до шуток.

— Я дам один номер,— наконец решился Рамодин и, вырвав из записной книжки листок, быстро набросал несколько цифр и имя.

— Если приспичит — передайте через нее, что нужно встретиться. О делах не говорите.— Заметив, что Фризе небрежно сунул листок в нагрудный кармашек рубашки, сказал: — А может, запомнишь? — В первый раз он обратился к Фризе на «ты».

— И бумажку съесть?

— Да хватит подшучивать! Смешного мало.

Они расстались недовольные друг другом. Капитану показалось, что этот высокий детектив, о котором в милицейской среде говорили как о крутом и умном парне, человек не очень серьезный, да к тому же еще и задавака. Рамодин жалел, что слишком приоткрылся, и уже не надеялся на то, что сумеет получить взамен важные сведения.

А Владимиром овладело смутное чувство тревоги. Он пытался отнести свое состояние на характер капитана, на его подозрительность — встречаются же люди, генерирующие флюиды беспокойства! Фризе нервировала даже бритая голова Рамодина, вызывая неприятные ассоциации. И еще он был недоволен тем, что к простому на первый взгляд делу, порученному ему клиенткой, примешиваются дела побочные. И он дал согласие разбираться с ними.

«Ну зачем мне это нужно?» — сердился Фризе и оправдывал себя только тем, что взамен может получить от милиционеров помощь. А может и не получить.

Он никак не хотел признаться себе в том, что его все больше и больше начинают интересовать обстоятельства убийства Паршина. И особенно вопрос о том, чья же это злая воля мешает раскрыть убийство уголовному розыску.

СКИТАНИЯ ПО ЭТАЖАМ

И встреча с Рамодиным ничего не прояснила. Перед Фризе по-прежнему стоял вопрос: у кого в гостях был Паршин?

Что может быть проще? Пройти по квартирам — их в подъезде тридцать шесть: «Здравствуйте. Я частный детектив Фризе Владимир Петрович. Расследую обстоятельства смерти господина Паршина. Вам знакомо это имя? Не от вас ли он возвращался в день смерти?»

Как же, как же! Вы тотчас получите исчерпывающий ответ и в придачу к нему — чашечку кофе. Владимир усмехнулся. Держи карман шире. Люди так напуганы предупреждениями газет и телевидения о поджидающих за каждым углом гангстерах, что самое большое, на что можно рассчитывать,— разговор через закрытую дверь. Скорее всего железную. Даже на цепочку ее не приоткроют.

У Фризе от одной только мысли об этих объяснениях перед закрытыми дверями начинало гореть лицо. Но ничего другого взамен хождения по этажам он придумать не мог. Номеров телефонов обитателей дома у Фризе не имелось, да и не в его правилах было выуживать нужные сведения из телефонного разговора. Он всегда старался встретиться с человеком лицом к лицу, почувствовать его состояние. Следить за выражением его глаз.

По всему выходило, что придется смирить гордость и слоняться от квартиры к квартире. Решившись, он сразу отбросил все сомнения и даже про свой уютный диван вспомнил без сожаления. Фризе умел собраться и мгновенно перейти из состояния сомнений и расслабленности к активным действиям. Без особого напряжения он мог совершать и обратный переход. Только тогда ему требовалось больше времени и рюмка коньяка. Или общество приятной женщины.

Он решил начать с последнего этажа. На удивление чистенький лифт — ни одной неприличной надписи — неторопливо доставил его наверх. За первой дверью, в которую он позвонил, не раздалось ни звука, ни шороха. Из-за следующей, даже не прикрытой на цепочку, донесся слабый старушечий тенорок:

— Кто там?

— Частный сыщик Фризе,— представился Владимир, ощущая себя полным идиотом.

— Кто там? — повторила старушка на той же ноте.

«Еще пару раз обменяемся любезностями и бабушка на мой вопрос: «Кто там?» — ответит: «Частный сыщик Фризе»,— подумал Владимир, вспомнив анекдот про попугая.

— Кто там? — опять донеслось из-за двери.

Вздохнув, Фризе позвонил в следующую квартиру. На этот раз загремели засовы, дверь приоткрылась на пару сантиметров и густой бас спросил:

— Что надо?

— Я детектив Фризе. Хочу задать вам несколько вопросов.

— Задавайте.

— А вы не могли бы мне открыть? Вот мои документы.— Владимир просунул в щель лицензию, запоздало подумав: «Сейчас он захлопнет дверь и больше я свои ксивы не увижу». Обладатель баса так и сделал — взял лицензию и захлопнул дверь. Подождав несколько минут, Фризе собрался нажать на звонок, но стальные засовы опять звякнули, дверь приоткрылась и ксивы появились в щели.

— Извините, но сейчас любое удостоверение купить можно,— пробасил хозяин.— И КГБ, и МВД. Даже гестапо. В любом подземном переходе. Вы назовите телефон начальства — я позвоню, наведу справки.

— У меня нет начальства. Не хотите пускать в квартиру — поговорим через дверь.

— Поговорим,— милостиво согласился бас.— Я же сразу предложил.— Укрывшись за добротной стальной защитой, он не прочь был изобразить радушного хозяина.

Выхода у Фризе не было. Он достал фото Паршина и протянул хозяину. Процедура повторилась. Защелкнулись замки, две минуты ожидания, и карточка высунулась в щель.

— Знакомое лицо. Видел по телеку.

Так как Фризе молчал, хозяин спросил:

— Геннадий Хазанов?

«Арнольд Шварценеггер» — хотел сказать Фризе, но сдержался. Спросил:

— Вы не встречали этого человека в вашем доме? На лестнице? У подъезда?

«Бас» задумался. У Владимира было такое ощущение, что сейчас щелкнет замок и думать хозяин будет тоже при закрытых дверях.

— Встречал. Но я решил, что это Хазанов. Клянусь, я видел его и по телеку.

— А в доме?

— И в доме тоже. Спустился однажды в лифте, а он внизу дожидается. Очень сурово выглядел.

— А на какой этаж он поехал?

— На пятый. Мне было интересно, к кому это Хазанов притопал.

— Может быть, Хазанов вам и встретился? Если подумать?

— А на фотке не Хазанов?

Если бы не стальная дверь, Фризе попробовал бы распахнуть ее. Чтобы посмотреть, не издевается ли над ним невидимый собеседник.

— Нет, это не Хазанов. Его фамилия Паршин. Он руководил телерадиокомпанией «7 канал».

— Точно,— обрадовался бас.— Я же его по телеку видел!

— А в доме?

— Его, его, не сомневайтесь. А сначала подумал — Хазанов.

— Давно видели?

— Первый раз — месяца два назад. Да и потом сталкивался нос к носу. То в подъезде, то на лестнице. Я еще у жены спрашивал: у кого это Геннадий гостюет? Она в нашем доме каждую собаку знает.

«Бесценный кадр,— обрадовался Фризе.— Надо с ней познакомиться».

— Что же вам жена ответила?

— Сказала, что Хазанов на гастролях в Израиле.

— А с вашей женой нельзя поговорить?

— Нельзя. Вчера улетела в Турцию. Позагорать. Вернется через две недели.

— Счастливая,— позавидовал Фризе.— А вы знакомы с жильцами пятого этажа?

— Нет. Там почти все новые. Полгода ремонт делали. Жена — та знает.

— Но она в Турции.

— Да,— сердито сказал бас. Наверное, почувствовал иронию.— Больше вопросов нет?

— Нет. Спасибо вам.

Дверь захлопнулась. Фризе подумал: надо повнимательнее прочесать пятый этаж. Вдруг его осторожный собеседник прав и Паршин действительно приходил в одну из квартир пятого этажа.

Он не вызывал лифт, стал спускаться по лестнице, надеясь встретить кого-нибудь из жильцов. Но на лестничных площадках было пустынно и тихо. Даже смотровые глазки, врезанные почти в каждую дверь, казались заснувшими. Молчал и лифт. И только тогда, когда Фризе вступил на площадку четвертого этажа, внизу гулко хлопнула дверь и лифт, ярко освещенный внутри, стал подниматься. Молодая красивая женщина, ехавшая в нем, красила губы помадой, внимательно вглядываясь в крошечное зеркальце.

— Подождите! — крикнул Фризе и бросился по лестнице вверх. Но лифт отщелкивал этажи довольно бодро и остановился только на последнем. И тут же тяжело ухнула могучая дверь одной из квартир.

Когда Фризе вернулся на исходную позицию, одна из квартир этажа была открыта. Прислонившись спиной к косяку, в дверях стоял невысокий полный мужчина и пристально смотрел на Владимира. На мужчине были надеты пижамные штаны и шерстяная кофта. Фризе показалось, что женская. Лицо у мужчины было странное: как будто Творец вылепил его нормальным, даже красивым, а потом, пока еще материал не затвердел, провел по лицу ладонью и смазал. Поэтому даже о возрасте мужчины судить было трудно.

— Легавый? — поинтересовался он.

Фризе так обрадовался, что хоть одна живая душа на этой глухой лестнице проявила к нему интерес, что не обратил внимания ни на лицо мужчины, ни на его красноречивое обращение.

— Я частный детектив. Владимир Петрович Фризе. Хотел бы задать несколько вопросов...

— Проходи,— пригласил мужчина и посторонился, пропуская Фризе в квартиру. В прихожей было темно и мужчина предупредил:

— Лампочка перегорела. Постой минутку. Сейчас закрою дверь и пройдем в комнату.

Судя по звуку, дверь в этой квартире запиралась как в старых домах — на огромный крюк.

— Ну вот и ладненько,— промурлыкал хозяин и взял Фризе под руку. Похоже, и в темноте он видел хорошо.— Сейчас мы с тобой поговорим про убиенного. Тебя ведь только он интересует?

Не дожидаясь ответа, мужчина уверенно повел Владимира по темному коридору, в котором господствовал ненавистный с детства запах рыбьего жира. От самого мужчины пахло потом и дешевым куревом. Через несколько шагов рука поводыря заставила Фризе остановиться. Скрипнула дверь. Волна спертого воздуха ударила Владимиру в лицо и, прежде чем он осознал, что происходит, мужчина резко толкнул его в спину и громыхнул засовом.

В ЗАПАДНЕ

Фризе лежал в абсолютной темноте, не зная, смеяться или плакать. От толчка он потерял равновесие, запнулся за ведро и рухнул. В спину упирались какие-то острые предметы, наводящие на мысль о ломаной мебели. Было душно. Похоже, что в эту темницу не проникал ни один луч света и не поступал воздух. А за дверью стояла тишина.

Владимир вспомнил смазанные черты лица своего тюремщика. «Да ведь это обыкновенный дебил! Лицо, словно вспухшее от водянки. Как я сразу не сообразил!» Но сожалеть было уже поздно. Да и догадайся он сразу о том, кто перед ним, все равно не удержался бы от искушения задать пару вопросов. Фраза «Сейчас мы с тобой поговорим про убиенного» звучала так многообещающе.

Лежать было неудобно, но Фризе решил перетерпеть. Этот псих наверняка стоит под дверью, прислушивается. И тишина в каморке может его озадачить. Да и барахтаться в кромешной тьме в этой куче барахла не имело смысла. Это создало бы только новые неудобства.

— Эй, сексот! Ты дышишь? — Голос звучал приглушенно. Наверное, дверь в каморку была сработана основательно.

«Эрудит,— усмехнулся Фризе.— Нынче такое словечко не каждый вор знает».

— Спит, что ли? — в голосе мужчины Владимиру почудилась тревога. «Вот сейчас откроет, чтобы проверить, не угрохал ли меня, и я...»

Но у мужчины были совсем другие планы. В камор-

ке зажегся свет — яркая лампочка под потолком. Помещение оказалось совсем маленьким — убогая комнатка без окон в четыре квадратных метра. Фризе скосил глаз — он и правда лежал на груде ломаной мебели. И в спину ему упирались ножки колченогого стула. «Ну вот, я угадал,— обрадовался Владимир.— Хоть здесь меня чутье не подвело». Даже недолгое пребывание в одиночном заключении настроило его на философский лад.

Когда глаза привыкли к яркому освещению, Фризе осмотрелся повнимательнее. И с трудом удержался от удивленного возгласа. Одна стена его узилища была сплошь заклеена большими и маленькими, цветными и черно-белыми фотографиями одной очаровательной подробности женского тела. Сотни женских грудей, как солдаты на параде, замерли перед Владимиром в ожидании команды.

Что-то в этой, на первый взгляд невинной сюрреалистической картине насторожило Владимира. Потрясенный таким количеством и, главное, разнообразием представленных экспонатов, он не сразу обратил внимание на способ, каким их извлекли из журналов и газет. А когда разглядел — поежился. Автор экспозиции аккуратно вырезал каждый бюст бритвой, «по живому». За всей этой забавой чувствовалась безжалостная рука маньяка. Фризе подумал о том, что при случае такой человек спокойно «пройдется» бритвой не только по бумаге.

— Сексот!

Надежды на то, что псих откроет дверь, не было, и Владимир решил откликнуться:

— Чего тебе?

— Почему мент хотел меня застрелить?

— Когда?

— Когда, когда! Будто не знаешь.

— Я тебе сказал — у меня контора другая. Я частный детектив.

Псих помолчал. Наверное, еще не представлял толком, что это означает.

— Невелика разница,— наконец сказал он осторожно.— Менты могли тебя предупредить.

— Не предупредили.

— Так я тебя предупреждаю. Хотели убить. Как свидетеля.

— Свидетеля чего?

— Того самого! — зло выкрикнул псих.— Как будто не понимаешь!

— Интересно,— сказал Фризе как можно спокойнее, даже равнодушно. А сам насторожился. Вдруг этот почитатель женских прелестей расскажет что-то, заслуживающее внимания.

— И мне интересно. Зачем в меня-то сразу палить? Ушанку подпортили.

«Какую ушанку?!— изумился Владимир.— Сейчас же ранняя осень!» Но тут же вспомнил пожилого олигофрена, живущего недалеко от его дачи. Тот всегда, даже в жаркие дни, ходил в шапке-ушанке со спущенными ушами.

— Раз уж тебе интересно — давай поговорим. Открывай дверь, сядем рядком да погутарим.

— Разбежался. Ты сначала добейся, чтобы власти мне диагноз изменили. Признали здоровым, как есть на самом деле. На работе восстановили. А потом поговорим про убийство. Понял?

«Интересно, кто еще живет в этой квартире? Не один же этот чудик. Только сейчас, наверное, все на работе. Неужели ждать до вечера?» Фризе посмотрел на «грудную» стену. Автору вернисажа нельзя было отказать во вкусе: из сотен бюстов только два-три показались Владимиру уродливыми. Да и то, при взгляде на них, возникала мысль, что помещены они здесь с намерением оттенить прелесть всех остальных.

— Чего замолк?

— Думаю.

— Долго будешь думать — подохнешь там,— пообещал псих.— Я тебе сейчас подсуну пару документов. Прочитаешь — увидишь сам, что никаких болезней у меня нет. Бумаги видишь? Тяни!

Фризе увидел, что из-под двери торчат несколько листков. Он наклонился и подобрал их. Все это были копии официальных документов.

«Министерство экономики. Центрнефтьмонтаж. Участок № 3

В поликлинику № 6

Направляется на медицинское освидетельствование Скворцов Зигмунд Васильевич.

Просим дать заключение о возможности его использования на работах в действующих установках высокого напряжения, на высоте и в *зоне строгого режима*».

Две витиеватые подписи, круглая печать.

«Карта освидетельствования».

Помятый, запачканный документ с заключениями врачей:

Терапевт — годен;

Хирург — годен;

Окулист...

Владимир не разобрал диагноз, что-то у Скворцова было с дном хрусталика, но тоже — годен.

Отоларинголог и дерматолог — годен.

И общий приговор: «Монтажником может работать в установках высокого напряжения, на высоте и в зоне строгого режима».

Не было только почему-то заключения психиатра. А Фризе не сомневался, что в случае с Зигмундом Васильевичем именно эта фигура ключевая.

Остальные документы представляли собой напечатанные почти без интервалов копии жалоб в самые разные инстанции. И даже два приговора суда. Но читать ничего больше Владимир не стал. Спросил:

— И что мне с этим досье делать?

— Чего, чего?

— С бумагами чего делать?

— Изучи. Добейся правды. От вас, от юристов, все и зависит. А то сразу стрелять!

Некоторое время борец за правду молчал. Наверное, собирался с мыслями.

— Чтобы у вас сложилось полное представление о том, как несправедливо со мной поступают, я расскажу все подробно. Всю свою жизнь.

Фраза прозвучала осмысленно и убедительно. Впору было усомниться — а псих ли на самом деле гражданин Скворцов? Но тут же, обеспокоенный молчанием узника, Зигмунд Васильевич выдал себя с головой.

— Ты что, спишь, сексот?

— Не сплю.

— Не-ет, так дело не пойдет! Я тебе буду исповедоваться, а ты закемаришь! Начинай-ка петь!

— А если спляшу?

— Сейчас и спляшешь! — мрачно пообещал Скворцов. Как видно, шуток он не терпел.

Фризе услышал, как псих быстро протопал по коридору. Хлопнула дверь. Не прошло и минуты, как он вернулся.

— Сейчас спляшешь! — повторил он, теперь уже с нотками удовлетворения, даже радости.

Фризе не услышал шипения газа, вырывавшегося из баллончика. Почувствовал лишь, как защипало глаза. Сначала слегка. Через секунду все сильнее и сильнее. Потекли слезы.

«А если это нервно-паралитический газ?! — со страхом подумал он.— Я же сейчас отключусь. В такой каморке можно и отбой сыграть!» И тут Владимир заметил за грудой ломаной мебели маленькую, с обитой эмалью раковину водопровода.

«Если из крана пойдет вода...»

Вода потекла тоненькой струйкой. Фризе намочил платок и прикрыл им лицо.

Минуты через три псих поинтересовался:

— Живой?

— Живой,— изо всех сил стараясь не выдать обуревавшей его злости, ответил Владимир. Желание острить у него пропало. Пришла пора налаживать с Зигмундом Васильевичем добрые отношения.

— Петь будешь?

— Могу и спеть.

— Вот и пой, чтобы я знал, что не спишь.

— Каков репертуар? — спросил Фризе. И чуть не ущипнул себя за то, что опять сорвался.— Чего петь-то? Частушки или романсы?

Псих надолго задумался и Владимир уже решил, что он опять подпускает ему под дверь газ. Но на этот раз пронесло.

— Пой романсы.

Фризе облегченно вздохнул. Из частушек он знал всего одну-две, да и те были неприличными. Хотя в данной ситуации это не имело существенного значения.

— Так вот, слушай. И мать, и отец у меня психически нормальные люди. Отец, правда, с нами не живет. Но можно послать запрос. В Красноярск. У тебя записная книжка есть?

— Есть.

— Помечай для памяти! И пой потихоньку.

Фризе запел:

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою...

И представил себе живописную картину со стороны: в крохотной каморке, сидя на ломаных стульях, частный детектив Владимир Фризе, утирая слезящиеся глаза, распевает популярные когда-то среди богемы романсы. Видели бы это знакомые! Вот уж посмеялись бы!

— Ты чего вопишь! — пресек его музыкальные упражнения голос из-за двери.— Просил же — пой потихоньку. Потихоньку! Чтобы мы друг друга слышали.

— Да я и пою вполголоса. Тут, наверное, акустика хорошая,— оправдался Владимир и плюнул от злости и безысходности. Пора было кончать этот спектакль. Искать какой-то выход. И тут ему пришла в голову идея.

— Послушай, Зигмунд!

— Зигмунд Васильевич,— поправил псих.

— Ты меня хорошо слышишь?

— Сейчас хорошо.

— Тогда наматывай на ус и не перебивай. Договорились?

Серьезный тон и напор возымели действие. Скворцов с тревогой спросил:

— А что? Что случилось?

— Сколько бы ты, Зигмунд Васильевич, ни писал начальству, ни обивал пороги больниц, никто тебе не поверит.

— Но, но! Ты у меня сейчас запоешь!

— Дослушай, не перебивай!

— Написали же, что здоров! — не унимался псих.

— Написали, чтоб отвязаться. А потом спецпочтой другой диагноз отправили. И будь ты трижды нормальным, словами их не убедишь.

Зигмунд молчал.

— Поверь моему опыту,— продолжал ободренный вниманием Фризе.— От тебя требуется серьезный, мудрый поступок. Конкретное дело. Понимаешь?

— Понимаю,— отозвался Скворцов. Но, судя по тону, до понимания было еще далеко.

— Таким серьезным делом могут быть твои показания о том, как оперативник в тебя стрелял.

— Да ведь я ходил к участковому.

— Не перебивай, Зигмунд!

— Зигмунд Васильевич!

— Я подробно запишу твои показания: шаг за шагом, как все происходило. Где ты стоял, откуда стрелял оперативник. Шапка у тебя сохранилась?

— Куда ей деться?!

— Очень хорошо. Приобщим шапку, пробитую пулей, как вещественное доказательство. Я тебе взамен куплю новую,— на всякий случай пообещал Фризе.— Расскажешь, кого ты видел с балкона. Что делал Паршин.

— Теледядька?

— Ну да! Потом ты вспомнишь, сколько раз видел этого... теледядьку в вашем доме. К кому он приходил. Может быть, ты встречал его с кем-то из жильцов дома. Понимаешь?

— Понимаю.— Теперь голос Скворцова звучал более уверенно.

— Я твои показания отпечатаю, ты их подпишешь. Это поможет разобраться в запутанном деле. Разумный поступок серьезного человека! Кто после этого сможет сказать...— у Владимира чуть не сорвалось с языка: «Что у тебя не все дома»,— но он вовремя спохватился,— ...что у тебя не здравый взгляд на вещи?! Один серьезный поступок — и все сомнения рассеются.

Фризе бодро втолковывал всю эту полуправду затаившемуся за дверью психу, стараясь интонацией или неосторожным словом не выдать легковесность своих аргументов. И Скворцов поверил.

ВЕРСИЯ ЗИГМУНДА

Громыхнул засов, дверь отворилась. Зигмунд Васильевич с надеждой смотрел на Фризе. В одной руке у него была картонная папка с развязанными тесемочками. В ней он хранил обширную переписку с врачами и чиновниками. В другой — газовый баллончик. Он тут же сунул баллончик в карман пижамных штанов.

— Прямо сейчас и начнем?

— Конечно. Зачем откладывать? Где у тебя простреленная шапка?

«Шапка — самый серьезный аргумент,— подумал Фризе.— А если Зигмунд придумал историю с шапкой, задам ему для вида пару вопросов и постараюсь смотаться подобру-поздорову. Теперь уж он не застанет меня врасплох, не засадит в свою каталажку».

Скворцов обитал в просторной чистенькой комнате. На круглом столе, покрытом белоснежной крахмальной скатертью, в глиняном кувшине стоял большой букет астр, на полу — толстый ковер с непритязательным рисунком. Деревянная кровать аккуратно застелена белоснежным покрывалом. Все в комнате сияло чистотой, и Фризе невольно подумал о том, что без женщины здесь не обошлось.

— Сейчас я тебе покажу, как все это было,— волнуясь, сказал Зигмунд и стал открывать дверь на балкон, но Фризе остановил его:

— Сначала шапку!

— Шапку? — Скворцов замер в нерешительности.— Ша-а-пку! Послушай, сыщик, подожди за дверью.

Это означало, что местонахождение шапки Зигмунд держал в секрете. Вот только почему?

Фризе вышел в коридор и, встав у двери, прислушался. Из комнаты не доносилось ни единого звука. Или петли у шкафа были хорошо смазаны, или Зигмунд прятал свою шапку совсем в другом месте. Через минуту он крикнул:

— Можно!

Раскрыть тайну не представляло большого труда. Покрывало в изголовье кровати теперь слегка топорщилось. Зигмунд стоял посреди комнаты и улыбался. Огромная кроличья шапка красовалась у него на голове и «уши» развесились в разные стороны, делая его похожим на гигантскую летучую мышь.

— Вот, гляди! — Скворцов снял шапку и протянул Фризе.— Еще пару сантиметров — и Зигмунду Васильевичу каюк. И можно дело закрыть.

— Какое дело? — поинтересовался Владимир, внимательно рассматривая шапку. Круглая дырка в «ухе» и правда напоминала пулевое отверстие.

— Что значит «какое»?! — рассердился Скворцов.— Ты же читал документы! Дело о разоблачении государственных чиновников и врачей, признавших душевно больным Скворцова Зигмунда Васильевича, то есть меня! В целях помешать ему продолжать разоблачение царящих в государстве коррупции и беззакония.

— Подходит,— согласился Фризе.— Думаешь, они за тобой охотились?

— Чего тут думать! Сам видишь!

— Кто же тогда Паршина застрелил?

— Ха! Кто?! Зигмунда Васильевича спроси.

— Я у тебя, Зигмунд Васильевич, и спрашиваю. И надеюсь получить серьезный ответ.

— Из дома напротив стреляли. С чердака. Пошли на балкон.

— Шапку мне не отдашь?

— Ты что! Это большая ценность.

Фризе вернул шапку.

— Тогда прячь получше. А то держишь под матрасом...

Зигмунд на секунду растерялся и беспомощно обвел глазами комнату. Словно искал место понадежнее. Потом, что-то придумав, улыбнулся.

— Вас понял.— Он напялил шапку на голову и открыл балконную дверь.

Фризе подумал о том, что проводи он официальное расследование, шапку пришлось бы изымать, и тогда не миновать скандала. А все показания душевно больного человека для суда ломаного гроша не стоят. Но он, Фризе, частный сыщик, человек свободный. Ему никого не надо тянуть в суд, арестовывать. Да и вообще все эти сведения о том, кто в кого и откуда стрелял, мало чего дают для его расследования. Новые факты громоздятся один на другой, но никак не приближают к ответу на вопрос: у кого из жильцов дома был в гостях господин Паршин? И что он там делал?

Они вышли на балкон. Внизу, на тенистом бульваре, играли в песочнице дети. На скамейке несколько молоденьких женщин горячо обсуждали свои насущные проблемы. Рядом выстроились пять колясок с малышами. Один из них громко и жалобно плакал. Но никто не обращал на это внимания. Молодые мамы были слишком увлечены разговором. Остальные малыши крепко спали. По тротуару, ближе к домам, шли по своим делам прохожие. Владельцы собак, получившие у живущих впроголодь пенсионеров кличку «собачники», выгуливали своих братьев меньших.

«Интересно, а в тот день, когда застрелили Паршина, на бульваре было так же многолюдно?» — подумал Фризе. Он попытался вспомнить, в какое время это произошло, но не вспомнил. Спросил Скворцова:

— Ты помнишь, когда стреляли?

— Под вечер. Я уже поужинал. Вышел на балкон воздухом подышать.— Зигмунд показал на старый, побелевший от дождей и ветров, но все еще крепкий венский стул.

— И что же произошло?

Скворцов сел на стул. Как будто хотел воссоздать события того вечера в мельчайших подробностях. Фризе это понравилось.

— Сижу, думаю... о том, о сем. И вдруг — милицейский свисток за углом.

Владимир посмотрел в том направлении, куда махнул собеседник. Балкон был расположен совсем рядом с углом дома. Дом стоял фасадом на улицу Коперника, на сквер, за которым проходил широкий и шумный проспект Вернадского. В сквере, чуть наискосок от дома, виднелось огромное серое здание цирка.

— Я со стула вскочил, облокотился на перила,— продолжил Скворцов.— Смотрю, из-за угла мужик когти рвет. Думаю: куда это он намылился? А он к машине.— Зигмунд показал рукой на проезжую часть бульвара, левее балкона. Рука у него была очень загорелая и очень волосатая. Владимир только сейчас обратил внимание на то, что и лицо у Скворцова очень загорело. Похоже, что все свое свободное время он проводил на солнцепеке, посиживая на старом стуле.

— И тут же мент с автоматом выскочил. Меня увидел, про бегуна забыл. Поднял автомат — как шарахнет, сволочь!

— А потом?

— На волосок от смерти я был! Понимаешь? — Зигмунд взялся за простреленное ухо шапки.— Значит, сильно им насолил. Ни перед чем теперь не остановятся.

— Ну, а после этого что произошло?

Псих посмотрел на Владимира пристально, с осуждением. Глаза у него сейчас были темные, бездонные.

— Что произошло? Да лег я на балконе, подальше от края, и молиться стал, чтобы пронесло.

— А сколько было выстрелов?

— По мне? Два.

— А еще?

— По бегуну один раз шарахнули. Оттуда,— он показал на дом, что стоял напротив, через бульвар.— Из слухового окна. Видишь? Там, где стекла нет.

В раме одного из полукруглых окошек и правда не было стекла.

— Зигмунд Васильевич, я слышал, что Паршин, этот мужик с телевидения, бежал с портфелем. Ты портфель заметил?

— Точно. Пузатый по́ртфель. Мешал ему сильно. Без него он бы далеко убежал, даром что хромой. Не догнали бы его менты.

«Догнали-то его не менты, а пуля»,— подумал Фризе. И еще подумал о том, что Зигмунд Васильевич излагает события очень разумно и доходчиво. А делает неправильное ударение в слове «портфель» только для того, чтобы посмотреть, как будет реагировать на это гость.

— Куда же делся потом портфель? — спросил Фризе, внимательно разглядывая бульвар, проезжую часть дороги. Словно через несколько дней после событий портфель все еще мог валяться где-то среди кустов. Зигмунд тоже оглядел территорию рассеянным взглядом.

— Может, менты прихватили? Или стрелок. Тот, кто из слухового окна стрелял.— Помолчав, добавил:— Я за портфелем не уследил. Лежал на полу, сомлев от страха.

Фризе почему-то вспомнил, как Зигмунд безжалостно травил его газом в чулане. Вспомнил необычную галерею на стене. И не удержался от вопроса:

— Ты там, в каморке, откуда столько женских прелестей настриг?

— Титек-то? — Скворцов покрутил головой.— Это не я. Залипкин. Пенсионер-подселенец из нашей квартиры. Полпенсии на журналы тратит. Я когда первый раз увидел — сказал ему: раз уж у тебя такое хобби, вырезай титьки вместе с дамой. Чтобы глазу было приятно. Не захотел. Пристрелить меня грозился. А так — неинтересно. Пейзаж, как в Кордильерах.

Скворцов сказал про Кордильеры запросто, словно не раз видел их из иллюминатора самолета. И Фризе подивился точности образа. И еще подумал о том, кто из них двоих психопат — Зигмунд или коллекционер Залипкин, настригший небывалый натюрморт? Он, наверное, и ружье имеет. Или винтовку. Не случайно же пообещал пристрелить Зигмунда. Не убить, а пристрелить.

— Залипкин чулан закрывает, считает своим. Сейчас на лето в деревню уехал, а ключик-то я давно подобрал! — Зигмунд засмеялся мелким неприятным смешком. Внезапно оборвал его и спросил:

— Еще чего хочешь узнать? Или составим бумагу? Показания мои?

— Расскажи мне подробнее о Паршине. О теледядьке, как ты его величаешь.

ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА ЗИГМУНДА

— Это моя мама его так прозвала. Как в первый раз в подъезде встретила и признала.

Скворцов откинулся на спинку стула, поднял глаза к потолку. С минуту он гримасничал, как будто делал одному ему известные упражнения для лицевых мышц. Наблюдать за тем, как он растягивает в механической улыбке пухлые губы и морщит нос, было неприятно.

Фризе взглянул в окно. Дом, с чердака которого стреляли в Паршина, показался ему сейчас довольно удаленным. «Убить оттуда с одного выстрела дело непростое. Это мог сделать только очень хороший стрелок»,— подумал он. На слуховом окне сидела крупная ворона и, прижимая одной лапой пакет из-под молока, пыталась раздолбить его клювом.

«А что же специалисты по баллистике? Не смогли определить, откуда прилетела пуля?» Вопросов возникало много.

— Ты слушать будешь? — недовольно спросил Зигмунд. Он уже закончил гримасничать и требовал полного внимания.

— Я для этого и пришел.

— А чего рассказывать? — неожиданно закапризничал Скворцов.— Чего рассказывать?

— О том, когда впервые встретил Паршина. К кому он приходил. Ты же обещал.

— Обещал. А Алле Ивановне это повредит?

«Ну вот, кажется, мы на пороге великих открытий»,— обрадовался Фризе и, стараясь ничем не выдать волнения, ответил:

— Конечно, не повредит. Не она же Паршина застрелила!

Владимир изумился внезапной перемене, которая произошла с его собеседником. Лицо Зигмунда сделалось злым, в темных глазах заметались язычки пламени. Но самое главное — с этого лица исчезла печать болезни. Перед Фризе сидел здоровый, но очень рассерженный мужчина.

— Ты что, бредишь?! Выкинь из головы! Чего придумал. Да Алла Ивановна...— Он глубоко вздохнул.— Да уж, конечно, не она стреляла. Эх, если бы не моя болезнь, давно женился бы на ней.— Зигмунд горько вздохнул, огоньки в его глазах погасли.— Она и добрая, и красивая. Ты мне вопросы задавай, Владимир Петрович Фризе, а я постараюсь ответить.

Впервые псих произнес имя и фамилию, и Фризе подивился его памяти: он ведь представился Скворцову в первую минуту знакомства. Встретив у дверей квартиры.

— Когда ты впервые увидел Паршина?

— В прошлом году, в Женский день.

— Как это произошло?

Скворцов опять нахмурился, взглянул на Владимира с раздражением. И покраснел, как маков цвет.

— Вечером гулял около дома. Хотел Алле Ивановне ветку мимозы подарить. Ждал, когда с работы пойдет. Замерз. Зашел в парадную погреться, а через пять минут и она входит. С целой охапкой этой мимозы.

— И ты решил свою ветку не дарить?

— Почему же?! Подарил. Алла Ивановна сказала, что моя ветка самая лучшая. В этот момент и появился ваш Паршин.

— Что сказал?

— А что он мог сказать? «Здравствуйте, милая Алла Ивановна! Какие прекрасные у вас цветы! Я тоже забежал поздравить вас с праздником!» Козел!

— И пошел к ней?

— Не ко мне же! — Похоже, вспоминать об этой встрече Зигмунду было очень неприятно.

— В какой квартире живет Алла Ивановна?

— В сорок шестой.

— А ее фамилия?

— Кушелева.

— Где работает?

— Не знаю. Мама говорила, в каком-то министерстве.

— Часто приходил к ней Паршин?

— Я за ним не слежу! Не торчу на лестнице.

— Не обижайся! — постарался успокоить его

Фризе и подумал о том, что Зигмунд и на лестнице торчит, и следит за Кушелевой с балкона.— Я просто хочу знать, часто ли ты встречал его.

— Встречал. А часто ли, нет... Иногда по два воскресенья подряд. Иногда мама рассказывала: «Опять встретила теледядьку!» Он ей почему-то очень нравился. Потом я еще раза два столкнулся с ним в лифте.— Скворцов улыбнулся.— Он меня боялся: всегда шарахался, как от черта. У меня была идейка: хотел его в чулан засадить да подержать недельку.

— Не вышло?

— Насильно же не затащишь. Надо оглушить. А он меня близко не подпускал. Когда я пригласил его в квартиру, поговорить про телевидение, он рванул наверх по лестнице. Я его и на лифте не догнал. Он, кстати, на лифте на этаж выше ездил. Чтобы не догадались, что к Алле Ивановне идет.

— А вместе с Филатовым ты никогда не видел теледядьку? Или Аллу Ивановну?

— А кто такой Филатов? — Вопрос прозвучал у Зигмунда неискренне. И взгляд, которым он одарил Владимира, иначе как лживым назвать было нельзя. Фризе понял, что допустил ошибку, спросив одновременно и про «Ореха», и про Кушелеву.

— Филатов, по кличке «Орех», был арестован в день убийства Паршина. Бывал в квартире на седьмом этаже. Припоминаешь?

— Не припоминаю. Фото у тебя нет?

— Нет.

— Вот видишь! — Скворцов облегченно вздохнул.— И фотографии нет. Как же я-то могу вспомнить? В доме жильцов много. Разве упомнишь всех по фамилии?

Он задумался, черты его лица разгладились и глаза уже не были лживыми, скорее грустными. Сейчас в нем опять не осталось ничего от шизика. Выражение лица менялось у Зигмунда чуть ли не ежеминутно.

— Как жаль, что достоинство денег иногда принимают за достоинство человека,— сказал он с сожалением. Вряд ли он додумался до этой банальной сентенции сам. Скорее вычитал в книжке. Но даже и намек на то, что его собеседник читает, удивил Фризе.

«Может, он не такой уж псих, каким старается выглядеть? Безнадежно влюблен в Аллу Ивановну «добрую и красивую». А тут появляется Паршин, пожилой, почти старик. Некрасивый, но, наверное, богатый. Известный на всю страну. Кто сказал, что шизик неспособен на сильное чувство? Да, может быть только он один и способен в наше время пойти на все ради любви! Даже на убийство».

Эта мысль захватила Фризе, но он тут же, по привычке, остановил себя. Во-первых, оружие. Где взять винтовку, да еще с глушителем, психу? И умудриться уложить человека с первого выстрела. Но почему с первого? Кто сказал, что был один выстрел? Кто сказал, что стреляли из слухового окна дома напротив? Только сам Зигмунд. Да ведь он мог стрелять и со своего балкона! Вопросы роились в голове Владимира, опережая один другого и не получали удовлетворительных ответов.

— А Паршин всегда оставлял свою машину за углом дома? Со стороны бульвара? — Фризе впился взглядом в лицо Зигмунда в попытке уловить любую, даже самую слабую реакцию собеседника на вопрос.

Неожиданно дверь комнаты отворилась. На пороге стояла довольно молодая стройная женщина. Одета она была в строгий серый костюм, который очень шел ей. «Модный и дорогущий»,— подумал Фризе. Подумал так потому, что однажды они с Бертой обошли чуть ли не пол-Москвы в поисках похожего костюма. Но, увы, на его бывшую приятельницу подобрать костюм оказалось невозможно.

У женщины были гладко зачесанные, черные как смоль волосы, круглое лицо. Открытый взгляд темных внимательных глаз скользнул по Фризе.

— У тебя, миленький, гости? — спросила женщина.

«Неужели у психа такая жена?» — обомлел от удивления Владимир. И еще больше удивился, когда его новый знакомый небрежно, и в то же время с некоторой важностью, отозвался:

— Да, мама. Легавый заглянул. Обещает помочь.

— Георгий, ты опять за старое!— строго сказала женщина. Она положила красивую сумочку на подзеркальную полку, подошла к Фризе, поднявшемуся со стула.

— Вы из милиции?

— Нет. Я частный сыщик. Владимир Петрович Фризе. Показать документы?

— Не надо, Владимир Петрович.— Женщина смотрела на него без раздражения, но и благожелательности в ее глазах не было.

— Я шел по лестнице, а ваш сын стоял в дверях. Пригласил зайти.— Владимир развел руками.— Вот так я попал в гости.

— Вы же знаете, что при допросе,— она слегка скосила свои красивые глаза в сторону сына,— надо соблюдать особую процедуру.

— Все получилось случайно. И нет никаких допросов.

Женщина кивнула не очень уверенно. Протянула руку:

— Светлана Павловна. Да вы присаживайтесь. Сейчас я угощу вас чаем. Так хочется пить. Гоша, вскипяти воду.

Скворцов с легким укором взглянул на мать и вышел из комнаты.

— Наверное, он представился Зигмундом? — спросила Светлана Павловна.

Фризе кивнул.

— Его любимое имя. Добился даже записать его в паспорт.

Вполголоса она процитировала:

Но поднял Зигмунд руку, и развели бойцов.
Ах, сколько там валялось изрубленных щитов,
И сколько с их застежек попадало камней!
Они траву усеяли, как жар, сверкая в ней.

— Я в детстве читала ему «Песнь о Нибелунгах».

— Странно. Почему же он не остановился на Зигфриде?

— Да потому, что дальше второй авентюры* мы не продвинулись. Гоша заболел.

— Вы историк?

— Читаю лекции в университете.

Фризе хотел спросить, неужели же, проживая в университетском доме, они с сыном — больным сыном! — не заслужили отдельной квартиры, но в это время вернулся Гоша-Зигмунд. Он был настроен миролюбиво. Присутствие матери влияло на него благотворно.

---

* Авентюра — название глав в «Песне о Нибелунгах».

Они пили чай как ни в чем не бывало. Как будто у Фризе и не было сидения в чулане, подступающей дурноты от подпущенного в щель газа.

Гоша-Зигмунд вдруг спросил:

— А вы когда-нибудь держали в руках Библию?

— Держал.

— С иллюстрациями Доре? — Глаза у Зигмунда хитро блеснули. Вполне нормальные глаза здорового человека, задумавшего устроить незваному гостю маленькое испытание.

— Да.

Фризе отвечал односложно, потому что хотел завести разговор о Паршине. Мать не могла не знать о тайной симпатии сына к Алле Кушелевой. И о простреленной шапке. Если только все это не было выдумкой. Но он никак не мог выбрать момент, чтобы ненавязчиво повернуть беседу от библии к разыгравшейся несколько дней назад трагедии. Резко обрывать разговор Владимир боялся. Поведение душевнобольного непредсказуемо.

Зигмунда односложные ответы Фризе не устраивали. Наверное, ему казалось, что этот «сексот» просто пытается скрыть свою дремучую серость.

— Мне больше всего нравится рисунок «Обращение Артаксеркса к народу». Захватывает! Тучи людей затаили дыхание...— он, словно завороженный открывшейся ему картиной, уставился невидящим взглядом на Фризе. А через секунду, возвратившись на землю, поинтересовался ехидно: — А что нашли там для себя вы?

— Портрет Христа с крестом.

Такой ответ не удовлетворил Зигмунда. Показался ему хитрой уловкой. Он недовольно нахмурил брови:

— Каждому ясно, что в иллюстрированной Библии есть портрет Христа.

В присутствии матери Зигмунд вел себя совсем по-другому. Всячески старался показать, что много знает, умеет вести умные разговоры.

Светлана Павловна, до сих пор внимательно, с мягкой улыбкой наблюдавшая за сыном, решила вмешаться:

— Дорогой, не докучай Владимиру Петровичу. Ты же хозяин, будь гостеприимным.

— Да, мама. Ты права,— согласился Зигмунд и тут же обратился к Фризе с новым вопросом: — Верите в переселение душ?

— Нет, не верю.

— Но это же элементарно! — Зигмунд был разочарован.— В жизни есть столько необъяснимых вещей.

— Да. А мне вот без вашей помощи не разобраться в истории с Паршиным.

— Чего тут разбираться? Я же рассказал, откуда в него стреляли...

— Гоша, не надо об этом! — заволновалась мать.

— Да почему не надо? Я все видел. А тот мент с улицы как жахнет! Я все напишу. Сегодня же напишу. И Владимир Петрович даст делу законный ход. И поможет на работе восстановиться.

— Я попробую помочь,— подтвердил Фризе и повернулся к хозяйке: — Вы не знакомы с Кушелевой?

— С Кушелевой? — Эта фамилия, похоже, была ей незнакома.

— Алла Ивановна, из сорок шестой квартиры,— уточнил Фризе.— Ваш сын, по-моему, ее хорошо знает.

И тут мирное чаепитие взорвалось. Зигмунд резко вскочил из-за стола. Чашка, стоявшая перед Фризе опрокинулась и на белоснежной скатерти расплылось огромное ржавое пятно. Словно порыв ледяного ветра прошелся по комнате. Лицо Скворцова застыло, разгладились мелкие морщинки в уголках глаз, и глаза опять стали темные и бездонные. И голос зазвенел.

— Все! Все! Лавка закрывается! И смотри, легавый, если обманешь — всю оставшуюся жизнь проплачешь. У меня на всех вас управа найдется! — Он сделал паузу. Перехватило дыхание. Но губы продолжали двигаться. Было такое впечатление, как будто только звук пропал. И двигались ладони по столу: то сближались, то разбегались в стороны. Потом ладони сжались в кулаки. Фризе напрягся, ожидая, что Скворцов кинется в драку. Но он спрятал кулаки в карманы, высоко поднял голову и, откинувшись на спинку стула, изрек:

— Учти, президент меня в обиду не даст! Ты и знать не знаешь про наши ночные разговоры.

Светлана Павловна выразительно посмотрела на Фризе и легонько кивнула головой в сторону двери, предупреждая, что сейчас лучше уйти. Сын заметил это.

— Мама, перестань подавать сигналы. Пусть он знает о наших отношениях!

— Гоша, о чем ты говоришь? Какие сигналы?

— И не зови меня Гошей! Сколько можно говорить? Я Зигмунд, Зигмунд, Зигмунд! И президент зовет меня Зигмундом. Как только мы с ним встретимся, полетят головы! Много голов! Чиновничьих. Враче...— Он запнулся на секунду, вытащил кулаки из карманов и стукнул по столу так, что подпрыгнули чашки. И снова сказал: — Враче...

— Головы медиков,— подсказал Владимир и был удостоен испепеляющего взгляда.

— Докторские и милицейские! — выкрикнул Зигмунд.— Менты охотятся за мной, боятся нашей встречи с президентом. А она состоится!

Прокричав все это, он вдруг успокоился. Опустил голову, уставился в стол и добавил еле слышно:

— Днями состоится.

Светлана Павловна ласково провела ладонью по его жестким волосам. И снова сделала Фризе знак, что пора уходить. Владимир тихонько поднялся и на цыпочках пошел к двери.

В коридоре было темно и он, в нерешительности, остановился. Но дверь комнаты тут же открылась. Светлана Павловна вышла вслед за ним. Щелкнул выключатель. Захламленный старой мебелью и пыльными коробками коридор теперь предстал перед Владимиром во всей красе.

— Извините, Владимир Петрович. На Гошу накатывает так внезапно. Всегда трудно угадать.— Скворцова пошла к выходу, предупреждая об очередных препятствиях: — Осторожнее, осторожнее, не заденьте за велосипед...

Она подняла крюк, на который была заперта входная дверь. Посторонилась, выпуская Фризе.

— Если что-то еще захотите узнать, в квартиру не звоните. Гоша очень волнуется при посторонних. Найдите меня в скверике. После шести я выхожу погулять, посидеть на скамеечке. Хорошо?

— Спасибо, Светлана Павловна. Обязательно разыщу вас,— пообещал Владимир.— Кстати, когда возвращается ваш сосед?

— Какой сосед?

— Залипкин. Пенсионер-подселенец.

— О чем вы говорите! Мы с Гошей живем одни. Это наша квартира.

Фризе хотел спросить про «вернисаж» в чулане, но постеснялся. Все было и без того ясно.

Дверь тихо прикрылась. Еле слышно звякнул тяжелый крюк, накинутый на кованое кольцо.

«Вот тяжкий крест для матери,— подумал Фризе.— Крест на всю жизнь».

На душе у него было тоскливо.

ПУСТЫНЯ

Владимир поднялся по лестнице на один этаж и позвонил в сорок шестую квартиру. За дверью раздался мелодичный перезвон, но открывать не торопились. Он снова нажал на кнопку звонка и долго не отнимал палец, вслушиваясь в мелодию. И снова безрезультатно.

«Может быть, Алла Ивановна уехала в отпуск? В Анталию или на Сейшелы? Красивая жизнь нынче в моде. А если имеешь любовника, то средства на поездку — не проблема». Но тут же подумал о том, что мужики не очень-то любят отпускать своих любовниц отдыхать в одиночку.

Он вызвал лифт и спустился вниз. На улице заметно прибавилось народу. Особенно женщин с детишками. Веселые, нарядно одетые, они шли в сторону цирка. Фризе посмотрел на часы — семь. Наверное, представление начиналось в семь тридцать.

Фризе посидел на скамейке в сквере, рассеянно послушал разговоры «собачников» о том, как важно соблюдать сроки вязки, какими капризными и обидчивыми становятся суки весной. Неожиданно ему на колени прыгнул здоровенный кот. Посмотрел, не мигая, прямо в глаза и, мурлыкнув, удобно улегся. Кот был тяжелый, теплый. Никакими достоинствами экстерьера кот не отличался — короткие большие лапы, темно-серые полосы по бокам и темная полоса по спине. Хозяевам явно не пришлось выкладывать за него миллионы. Фризе попытался почесать кота за ухом, но он предупреждающе зашипел.

— Ну, ты и нахал. Разлегся, как дома, и еще шипишь!

Кот опять посмотрел на Владимира и мурлыкнул, а потом потянулся к его ладони. И два раза провел шершавым языком.

— Васенька! — раздался вдруг женский голос рядом.— Ты чего это к чужому человеку на руки забрался?! Он же тебя унесет!

— На Птичий рынок,— подсказал Фризе, разглядывая молодую женщину, остановившуюся перед ним.

— Вот! Слышал, Васенька? — Женщина села рядом и кот, опять мурлыкнув, легко перескочил на колени к хозяйке.

Женщина была симпатичная, но неухоженная. Неряшливая.

«Наверное, живет одна. Пришла сейчас с работы, переоделась и тут же двинулась выгуливать усатого любимца. Сейчас, небось, скажет: «И почему он к вам на колени уселся? На чужих всегда шипит. Наверное, человек вы хороший. Котов любите?»

Тут же она все это и выпалила. Почти слово в слово.

«Знаю я вас, кошатниц!» — самодовольно подумал Владимир и улыбнулся.

— Я угадала?

— Что я человек хороший? Конечно, угадали.

Женщина зарделась, что маков цвет.

— Я имела в виду, что вы котов любите.

— И кошек тоже люблю. Но главное, человек хороший! — подтвердил Фризе.— А вы не из пятого дома? — Он кивнул на дом, в котором провел сегодня почти целый день.

— Вы так всегда знакомитесь? Сначала с котом, потом с хозяйкой.

— Вы, наверное, логику в институте не изучали? Ведь это ваш котик меня выбрал, а не я его. И комплиментами вы меня порадовали, а не наоборот.

— Пойдем, Вася, домой,— сказала женщина сердито. И попыталась взять кота на руки, но он зашипел.

— Ты что, Базиль? Сердишься? Тебе этот дядя тоже не нравится?

Нет, с этой дамой соскучиться было невозможно.

— Я вас почему про дом спросил? — Фризе решил объясниться. И говорил миролюбиво, почти ласково.— Я приходил в сорок шестую квартиру. А там никто не отзывается. Одна дама мне сообщила, что хозяйку давно не видела. Может, она в отпуск уехала?

— Кушелева? Свое отгуляла. В июне. Ей с работы путевку на Кипр дали. Счастливая.

— Хорошая у нее работа.

Фризе надеялся, что собеседница разовьет тему о работе, но ошибся. Женщина подхватила на руки отчаянно сопротивлявшегося кота и поднялась со скамейки. Вскочил и Фризе.

— И еще я хотел бы у вас поинтересоваться,— говорил он, шагая рядом.— Раз уж вы хорошо знакомы с Аллой Ивановной, то, наверное, знали Паршина, ее приятеля.

Кот, забравшись на плечо хозяйки, не мигая смотрел на Владимира. Как показалось ему, с надеждой. Наверное, коту хотелось общения с людьми, с мужчинами.

— Вы не могли бы припомнить, когда он приходил к Алле Ивановне в последний раз?

Женщина упорно молчала, но и Фризе не собирался сдаваться.

— Паршин — это тот человек, которого на днях застрелили рядом с вашим домом. Председатель телерадиокомпании. Да вы не бойтесь меня, я покажу документы.— Владимир полез в карман за своим удостоверением, но дама неожиданно резко повернулась к нему и разъяренно выпалила:

— Мотай отсюда, длинный! Я уличных знакомств не завожу!

Кот издал душераздирающий вопль, вырвался из объятий хозяйки и, соскочив на землю, рванул в кусты.

Прежде чем окончательно покинуть поле битвы, Фризе еще раз зашел в дом. Долго звонил в сорок шестую квартиру. Алла Кушелева не откликалась.

Можно было попытаться выяснить у хозяйки строптивого кота место ее работы, но от общения с этой женщиной у Владимира разболелась голова. Он решил отыскать РЭО — учреждение, аббревиатуру которого Фризе никак не мог расшифровать,— и там порасспросить о таинственной Алле Ивановне, оставившей такой глубокий след в сердце Гоши-Зигмунда.

Поблуждав по тихим зеленым улочкам, широко и вольно расположившимся между Университетским и Ломоносовским проспектами, он, не без труда, отыскал контору. Но оказалось, что приемные часы в жилищном учреждении давно закончились. Железная дверь подъезда выглядела неприступной.

Фризе записал часы приема, решив наведаться сюда завтра утром. А когда на несколько секунд задержался у подъезда, пряча в карман записную книжку и привычным взглядом оглядывая бульвар, то заметил молодого поджарого парня, который, выйдя из соседней парад-

ной, прикуривал сигарету. За последний час этот светловолосый парень попался Владимиру на глаза трижды. Первый раз Фризе обратил на него внимание, когда стоял вместе с Зигмундом на балконе, разглядывая слуховое окно дома напротив. Окно, из которого, по уверению психа, стреляли в Паршина. Потом он сидел в сквере неподалеку от скамейки, на которой Фризе провел содержательную беседу с хозяйкой симпатичного кота. Владимир, может быть, и не обратил бы внимания на парня, если бы не одна деталь — на парне были надеты синие вельветовые джинсы и салатного цвета рубашка. От такого сочетания цветов сводило челюсти, как при взгляде на раздавленную клюкву. И вот теперь пестрый, как райская птичка, молодой человек снова попал в поле зрения Фризе.

Не торопясь и не оглядываясь, Владимир пошагал к тому месту, где оставил машину. На улицу Коперника.

«Пускай себе следит,— подумал он.— Планов у меня на сегодняшний вечер нет. Поеду домой, поужинаю как следует и баиньки. Надеюсь, мой адрес он знает хорошо?»

Но вот кто мог послать за ним «хвост», Фризе не приходило в голову.

О ЧЕМ ОНИ ДУМАЮТ?

Вечером, вместо того чтобы поудобнее устроиться на диване с книжкой, Фризе принялся шагать по комнатам. Растрепанные, сбивчивые мысли перескакивали с одного предмета на другой, оставляя в душе чувство неудовлетворенности и дискомфорта.

Прежде всего, эта дурацкая слежка! Такое уже случалось. Но в прошлом он догадывался о причинах. Знал, с кем имеет дело. С мафиози. С сотрудниками государственных служб. А сейчас? Кому он перебежал дорогу? Ведет рядовое расследование. По сути дела, почти закончил его. Ведь в соглашении с Паршиной записано: выяснить, к кому и с какой целью пришел в дом на улице Коперника ее супруг О. М. Паршин в тот день, когда был убит.

К кому приходил Орест Михайлович, Фризе уже выяснил. Теперь оставалось повидаться с Аллой Кушелевой и узнать, с какой целью они встречались. Да разве нельзя было догадаться и без этой встречи?

«А он был не промах, этот телебосс! — с одобрением подумал Фризе.— Ходок». И тут же остановил себя. Он старался никогда не делать преждевременных выводов.

«Что ж, вернемся к нашим баранам». В роли «баранов» в данный момент выступал блондин, лишенный элементарного представления о хорошем вкусе. Наверное, тех, на кого он работал, это не волновало. И напрасно. Экипировка парня с головой выдавала отсутствие профессиональных навыков. И у него, и у работодателей.

Фризе это позабавило. Но не сильно. Кто бы ни организовал слежку, завтра, когда он поедет в жилищное управление, выяснять, куда запропастилась Алла Кушелева, за кормой должно быть чисто. Вот только как это сделать?

Владимир стал перебирать в памяти возможные варианты и вспомнил про своего приятеля, художника, у которого была мастерская в Угловом переулке. Восьмой этаж прекрасного кооперативного дома строители отвели под мастерские. Небольшие, но светлые и уютные, они располагались по обе стороны длинного — через весь дом — коридора. В этот коридор можно было попасть через любой из шести подъездов.

Что если приехать в Угловой на машине и, оставив ее у первого подъезда, выйти через последний? И попытаться улизнуть пешком. Пока «хвост» обнаружит, что его провели, пройдет немало времени.

Он уже взялся за телефон, чтобы предупредить художника, но тут же положил трубку. Если за ним следят, то где гарантия, что не прослушивают и телефонные разговоры?

Спускаться вниз и идти к уличному автомату Владимиру не хотелось. Да и зачем привлекать внимание? Он вышел на лестничную площадку, захлопнул дверь и позвонил в соседнюю квартиру. Здесь жил Михаил Николаев, пожилой, неулыбчивый режиссер с Мосфильма.

Они не были близко знакомы, но всегда раскланивались, столкнувшись у подъезда или в лифте. Иногда даже обменивались короткими репликами о своих автомобилях. Как правило, это были сетования на то, что «не тянет» аккумулятор, «барахлит» зажигание, а масло подтекает, несмотря на постоянные ремонты. Раз или два Николаев заходил к Фризе и они выпивали по бутылке пива. А если день выдавался жаркий, то и по две.

Режиссер оказался дома. В яркой голубой куртке и расшитой бисером татарской тимолайке он смахивал на опереточного статиста.

— Володя? Сел аккумулятор?

Автомобильный уклон в их нечастых разговорах давал о себе знать. Николаев понял это и улыбнулся, отчего лицо у него, как ни странно, сделалось еще более хмурым. Теперь он стал похож на Батыя, решавшего: переправляться ему через Дунай или нет?

— Проходите, милый друг. Погутарим.

«А он, наверное, татарин? — подумал Фризе.— Хотя надень на меня эти причиндалы, и я сойду за татарина. Или за китайца».

— Очень хорошо, что вы ко мне заглянули.— Режиссер раскрыл перед Владимиром дверь в кабинет.— Я остался один, не с кем даже рюмку выпить.

«Остался один», по-видимому, означало, что жена режиссера, Виктория, артистка музыкального театра, уехала на гастроли.

— Я на минутку,— сообщил Фризе соседу, наблюдая, как стремительно тот достает из бара графин с водкой и рюмки.— Позвонить. Мой телефон барахлит.

— Звоните, звоните.— Николаев поставил перед Владимиром старенький черный аппарат.— А я сейчас принесу закуски. Чего бог послал.— От дверей он обернулся: — Может быть, щей подогреть?

Едва сдерживая набежавшую при упоминании о щах слюну, Владимир отказался. И пожалел — тарелку щей он съел бы сейчас с огромным удовольствием.

— Ну что вы! Какие щи?! Я же на минутку!— Он набрал нужный номер.

— Это ты, прокурор? — обрадовался художник, узнав голос Фризе.— Давненько не звонил. Все занят? Небось уже генеральным прокурором стал?

Звали приятеля Миша Неволин.

«Сколько же мы с ним не виделись? — подумал Фризе.— Он даже не знает, что я уволился из прокуратуры!»

— Ты так говоришь, как будто сам звонишь мне через день!

Миша только крякнул виновато.

— Завтра будешь в мастерской? Заеду на десять минут.

— Если на десять, не пущу. Лучше еще полгода подожди.

— Старик, очень надо.

— Да жду, жду! — засмеялся приятель.— Хоть на пять минут приезжай. Дай на тебя взглянуть.

Фризе положил трубку. А Николаев в это время внес в кабинет большой поднос, на котором стояло блюдо с сыром и колбасой. И большая тарелка дымящихся щей.

Владимир расплылся в улыбке и восхищенно покачал головой.

— Знаю я эти интеллигентские привычки,— усмехнулся режиссер, ставя поднос перед Фризе. Он был доволен реакцией гостя и даже застарелая хмурость сошла с его лица.

Они выпили по рюмке водки, настоянной на апельсиновых корочках, и Фризе приступил к щам. Щи были отменные, а так как хозяйка отсутствовала, их, скорее всего, приготовил сам режиссер.

После третьей рюмки режиссер разогрелся, скинул свою шикарную куртку, тимолайку. Легкая белоснежная футболка топорщилась на груди от густых черных волос. И на мускулистых руках у него была поросль — гуще некуда. А вот абсолютно лысая голова поблескивала капельками пота.

— Володя! — неожиданно сказал он плачущим голосом.— Куда мы идем? О чем они думают?

Фризе вздохнул и украдкой посмотрел на часы. Стрелки приближались к двенадцати. Он поднялся.

— Завтра рано вставать. Отправляюсь восвояси. За прием спасибо.

— «Про политику ни слова?» Давно усвоил ваш девиз,— обиженно пробормотал режиссер.— Да куда от нее уйдешь, от этой политики?

Владимир вдруг вспомнил свой разговор на телестудии с бородатым помощником Паршина.

— Михаил Сергеевич, на телевидении взятки берут?

— Вы что, газет не читаете? — удивился режиссер.— Сколько об этом писали! Даже таксу приводили.

— Это я слышал. А вот вы, вы лично, давали?

Режиссер посмотрел на Фризе подозрительно, потом, приложив палец к губам, сказал:

— Володя, не для печати. Помните, я рассказывал с месяц назад, что снял короткометражку? Игровой фильмец, неплохо, кстати, получился. С помощью спонсора, естественно. Куда же сейчас без спонсора? Пришли мы с ним на студию. На какую — не скажу, хоть зарежьте. Не берут. Спонсор возьми да и спроси, сколько? Один, такой лысенький, частенько на экране мелькает, ответствует: «Четыре». Спонсор проверил свою наличность: «Три с половиной имеется. Сейчас съезжу за остальными». Они-с говорят: «Миль пардон, погодите чуток, посоветуюсь». Через пять минут возвращается, забирает три с половиной.

— Зелененьких?

Режиссер взглянул на Владимира с укоризной.

— Там других не признают. Через три дня картину прокрутили. Я ответил на вопрос?

— Исчерпывающе.— Фризе засмеялся.— Что же вы меня не предупредили? Я бы фильм посмотрел.

— Посмотрим! — обрадовался режиссер.— Он у меня на кассете записан. Сейчас еще примем на грудь и посмотрим.

Но Фризе уже направлялся к двери.

"ХВОСТ"

«Хвост» Фризе обнаружил в тот момент, когда ставил машину на стоянку. Дом, в котором жил его приятель-художник, был длинный, с шестью подъездами. И перед каждым из них — крохотный асфальтовый пятачок для четырех-пяти автомобилей. Владимиру повезло — он нашел свободное место у первого подъезда. Мастерская Миши Неволина находилась здесь.

«Работал» тот же парень, что и вчера. Только оделся он сегодня не так вызывающе: в белую рубашку с вишневым пуловером. Шпик медленно проехал мимо Фризе на своем «Москвиче», даже не взглянув в его сторону.

Владимир не стал дожидаться, пока он припаркуется. Закрыл машину и вошел в подъезд. А потом осторожно выглянул в окно. Серый «Москвич» остановился у последнего подъезда, через который Фризе собирался скрыться! Наблюдая оттуда за первым подъездом, парень держал под прицелом и все остальные. Задуманный вариант отрыва лопнул.

Поднявшись на десятый этаж, Фризе еще раз выглянул в окно. Похоже, что блондин приготовился к длительной осаде. У «Москвича» был открыт багажник, а сам водитель с деловым видом прохаживался вдоль машины. Сизое облако табачного дыма растекалось над его головой. Отсюда, с высоты десятого этажа, парень показался Фризе даже симпатичным: стройный, импозантный блондин, поджидающий свою «пчелку».

«Навязался на мою голову, козел!» — выругался Владимир и с остервенением нажал на кнопку звонка.

— Иду, иду! — раздался голос из-за двери.— Не иначе как прокурор с похмелья! — Улыбающийся Миша Неволин распахнул дверь и обнял Владимира.— Пропащая душа! Совсем отбился от рук. Ну, проходи, проходи! Сейчас поправим твою голову.

В мастерской и правда был накрыт стол. Бутылка водки, сыр, пицца... К его приходу серьезно подготовились.

— Да ведь утро еще! — освобождаясь от объятий, сказал Фризе.— А у тебя водка на столе.

— Шампанское в холодильнике. А в ожиданиях тебя к обеду или к ужину можно состариться!

— Я-то всегда готов! Даже утром. А ты сорвешь себе работу.— Фризе кивнул на занавешенный мольберт, стоящий е огромного, во всю стену, окна. Рядом с мольбертом на манекене сверкал орденами и позументами старинный мундир. Значит, Михаил работал над портретом какого-нибудь знаменитого полководца или вельможи. А может быть, и ученого. За последние годы американцы заказали ему несколько серий портретов выдающихся ученых, художников, писателей для своих крупных библиотек.

— Ну что, доставать шампанское?

— Ты же знаешь, я предпочитаю крепкие напитки,— сдался Фризе.

Минут через пятнадцать он решительно завинтил бутылку и отставил в сторону.

— На днях загляну и докончим. А сейчас посоветуй, как выйти из дома незаметно. Внизу меня сторожат.

— Чего проще? — Неволин даже не удивился вопросу. Как будто каждый день помогал своим приятелям избавляться от слежки.— Сейчас возьму ключи и проведу тебя через шестой подъезд.

— Там-то меня и ждут.

— Спускайся здесь,— сказал Миша, но тут же

спохватился: — Ах, да! Оттуда он и следит за моим подъездом?

— Да, братец!

— Что же придумать? — Художник наморщил лоб. Показал на манекен.— Надень мундир. Ни один шпик не узнает.

Фризе посмотрел на приятеля с укором.

Миша вскочил с кресла, подошел к огромному, окованному бронзовыми украшениями сундуку. Открыл его, достал моток капроновой веревки.— Здесь пятьдесят метров, сейчас привяжем к батарее...

— Кончай веселиться,— взмолился Фризе.— У меня серьезные дела. Тороплюсь!

— А если твоего шпика минут на десять задержать, тебе хватит времени, чтобы смыться?

— Хватит и пяти минут.

— Ну и ладненько. Сейчас мы вызовем «скорую».

— Что ты придумал?

— Сиди, помалкивай! Сейчас, сейчас...— Художник полистал записную книжку и взялся за телефон.

Фризе не любил выпускать инициативу из рук, но у него не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Не спускаться же на веревке с десятого этажа на виду у населения микрорайона?!

— Кайгородову, пожалуйста! — попросил художник, дождавшись ответа.— Это ты, Асенька? Лапочка ты моя, как здорово, что я на тебя сразу попал. Ты меня не выручишь? Дело на пятнадцать минут. Постоять у шестого подъезда. На «скорой», на «скорой»! Там на стоянке один противный тип на машине...— Михаил обернулся к Фризе, спросил, прикрыв ладонью мембрану: — Какая машина?

— «Москвич». Старенький, серый!

— «Москвич», лапушка, серый-серый, как серый волк. И старенький, как я. Загороди ему выезд. И подожди минут десять. В моторе покопайся. У твоей колымаги мотор ведь все время ломается. Правда? А потом ко мне поднимайся. Я пока закусочку приготовлю. Шампанское у меня в холодильнике. Хорошо, лапушка? Да не ворчи, Асенька, ты же знаешь, меня заказами завалили. А капиталисты, сволочи, требуют, чтоб все в срок, в срок! Неустойку берут. Договорились, лапушка? Ну, целую тебя.

Неволин положил трубку.

— Еле уговорил. Обижается, что давно не приглашал. Сейчас подъедет. Такая тетка хорошая! А габариты! — Чтобы обрисовать прелести фигуры своей приятельницы, художнику пришлось развести руки до упора.— Теперь пойдем вниз. Проследим, как Асенька с заданием справится.

Когда спускались на лифте, Фризе спросил:

— Она и правда на «скорой» работает?

— Точно. Такая нежная лапушка.— Чувствовалось, что Михаил доволен предоставившейся возможностью отвлечься от своего мольберта.

— А вдруг у нее вызов? На «скорой» же бригадой работают? Может, так и заявятся к тебе все вместе?

— Не волнуйся, Асенька свое дело знает,— умиротворенно улыбнулся художник.

«Интересно, пахнет от нее бензином в постели?»— подумал Фризе.

Старая, потрепанная «скорая» появилась перед домом минут через десять. При первом взгляде на машину возникала мысль о том, что она больше одного километра не проедет. Тронутая коррозией, помятая, с поцарапанной белой краской на окнах. Машине уже давно пора было украсить городскую свалку.

Несколько раз чихнув, «скорая» остановилась, наглухо перекрыв выезд со стоянки. Асенька ловко управлялась со своей развалиной. Она заставила пострелять глушитель, потом довела обороты двигателя до предела и только после всех этих манипуляций выключила его.

Когда обеспокоенный блондин выбрался из «Москвича» и двинулся к «скорой», Фризе подмигнул художнику и вышел из подъезда. Он даже не обернулся в ту сторону, где вот-вот должен был вспыхнуть скандал. Спокойно открыл дверцу, завел мотор и, только выезжая со стоянки, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Дверцы у «скорой» были открыты. Рядом, размахивая руками, блондин объяснялся с молодой стройной женщиной в джинсовом костюме. Габариты у Асеньки были в полном порядке.

В жилищной конторе энергичная деловая женщина лет тридцати восьми — сорока, смотритель РЭО, хорошо причесанная и ухоженная, с несколькими дорогими кольцами на красивых длинных пальцах, с золотым крестиком на массивной цепочке, долго и внимательно рассматривала удостоверение Фризе. Когда она наклонялась, выискивая предполагаемые изъяны в документах, крестик нырял в соблазнительную ложбинку декольте. Когда чиновница поднимала голову и вглядывалась в лицо необычного визитера, крестик быстро выныривал. Никакие святые чувства в этот момент он у Владимира не вызывал.

— Я, право, не знаю... Документ у вас официальный?

— Вполне. Вы же прочитали — выдан милицией. Хотите, дам телефон управления? Можете справиться.

— А, ладно! — махнула она рукой и взглянула на Фризе с интересом. И сразу из чиновницы превратилась в симпатичную женщину.— Значит, вас интересует гражданка Кушелева?

— Хотелось бы узнать, где она работает.

— А зачем?

— Военная тайна.

— Ну...— Женщина недовольно повела бровями и тут же обернулас: чиновницей.— Военных тайн и у нас хватает. Приносите официальный запрос от своей организации, может быть, я вам эти тайны раскрою.

— Ну, какие тайны! — улыбнулся Фризе.— Я пошутил. Вдова убитого Паршина, телевизионного начальника,— вы, конечно, знаете,— попросила меня побывать у Кушелевой и забрать кое-какие документы покойного мужа. А Кушелева уже несколько дней не появляется дома.— Владимир подумал: начни его собеседница выпытывать, что за документы, почему они оказались у Кушелевой, он совсем заврется. Но смотрительница, опять превращаясь в женщину, только фыркнула.

— Небось, любовница! — И, открыв ящик стола, достала из него пухлую домовую книгу. Золотой крестик надолго исчез в ложбинке.

— Кушелева, Кушелева...— листая страницы, бормотала женщина. И, как бы между делом, не поднимая головы, спросила: — Красивая?

— Я ее и в глаза не видел.

— Работник телевидения с дурнушкой не закрутит! У них такие пчелки на экране мелькают.

— Да и в ЖЭКах красивые попадаются.

— Не в ЖЕКах, а в РЭО, молодой человек,— поправила женщина, и ноздри ее маленького прямого носа дрогнули.

— Никак не расшифрую, что такое РЭО.

— Ремонтно-эксплуатационная контора. Даже странно, что вы не знаете.— Она вернулась к домовой книге, снова забормотала: — Кушелева, Кушелева... Кушелева Алла Ивановна, дом пять, квартира сорок шесть, год рождения... Да она уже в годах, ваша Алла. Вот уж не подумала бы!

Наверное, смотрительница твердо уверовала в свою гипотезу о том, что Кушелева была любовницей телевизионного босса. А теперь с удовлетворением узнала, что она не такая уж и молодая.

— А запись, где работает, есть?

— Есть. Объединение «Интерваз». Где-то я слышала — богатая фирма. Хотела даже вклад туда сделать.

— Кем работает?

— Экономист.

— Помогли вы мне здорово. Теперь я у вас в неоплатном долгу.

— На восьмое марта розу привезите.

— До марта долго ждать!

— А я терпеливая.

В ней ничего не осталось от чиновницы. Перед Фризе сидела очень милая, очень симпатичная женщина с добрыми, ласковыми глазами. Теперь он даже почувствовал пряный аромат ее хороших духов. А ведь пятнадцать минут назад казалось, что ничем, кроме как канцелярской пылью и сыростью, в этом полуподвальном помещении не пахнет.

— Как вас зовут?

— Лида.

— Лида, давайте выясним, куда же пропала наша Кушелева.

— Ваша.

Через полчаса Фризе знал, что Алла Ивановна неделю не появляется на работе. Начальство дважды посылало к ней домой курьера, но безрезультатно. Никто на звонки не отвечает. Сотрудники службы безопасности «Интерваза» обзвонили все больницы и морги, а завтра собираются сделать официальный запрос в милицию.

— Странная история,— прокомментировал Фризе, когда Лида подробно пересказала ему все, что услышала от сослуживцев Аллы Ивановны.

— Думаете, что-то случилось?

— Потеряться в наше время — дело нехитрое. Как вы поступаете в таких случаях?

— Заявляем в милицию.

Фризе подумал о том, что неплохо бы ему побывать в квартире Кушелевой первым, но риск был велик.

— А сами не вскрываете квартиры?

— Боже сохрани. Пропадет что-нибудь — хлопот не оберешься.

Делать здесь было больше нечего. Но Фризе не торопился уходить, лихорадочно пытался представить себе, какие еще существуют способы попасть в квартиру Аллы Ивановны.

Лида не торопила. Сидела, откинувшись на спинку кресла, и смотрела на него внимательным сочувственным взглядом. И, как показалось Фризе, была в ее взгляде затаенная, может быть, и не вполне осознанная надежда. Не до конца угасшая надежда сорокалетней женщины устроить личную жизнь. Таких женщин Владимир побаивался.

— Ничо не придумывается? — спросила Лида.

Короткое словечко, случайно выскочившее в ее вполне правильной московской речи, сказало Владимиру о многом: оргнабор на столичную стройку из Курской или Брянской области, лимитная прописка, шумное, малоудобное общежитие, поиски жениха с квартирой, работа дворником за крохотную комнату. И наконец, как вершина карьеры — смотритель РЭО. Вполне приличный доход. Конечно, помимо зарплаты.

— Не придумывается,— Фризе улыбнулся.— Пока не придумывается.

— Владимир Петрович, у нас бывают такие случаи... ЧП. Ну, труба где-то лопнула, кипятком нижних соседей залило, что-то с газом. Утечка.

— Так, так!

— А жильцов в аварийной квартире нет. В отпуске, за границей.

— Понял! Мы с вами в сорок шестую квартиру зайдем, посмотрим. А потом откроем кран.

— Да вы что?! Опасный человек! У меня здесь записан телефон.— Лида похлопала своей красивой рукой по домовой книге.— Карандашиком. И имя-отчество — Людмила Прокофьевна. Запись не моя. Я здесь недавно работаю. Но мы такие записульки устраиваем, когда в квартире ЧП случалось и пришлось замки взламывать. Хозяева потом, на всякий случай, дают телефон или адрес кого-то из родных или знакомых, кому оставляют ключи.

— Лида! Вы самая очаровательная женщина на свете! — Он наклонился и расцеловал ее в обе щеки.

— Полегче на поворотах, дядя! Я женщина добрая, могу и поверить.

— Я на это и рассчитываю.— Его слова прозвучали не слишком убедительно.— Давай позвоним Людмиле Прокофьевне.

— Опять мне звонить. Не расплатишься.

— Не сомневайся, звони.— Владимир пододвинул женщине телефон, а сам внимательно посмотрел на сделанную четким заостренным женским почерком запись в домовой книге.

Людмила Прокофьевна на звонок не отозвалась. Если это молодая женщина, она могла быть на службе или в отпуске. Если пенсионерка — стояла где-нибудь в очереди за дешевым маслом или проводила время с приятельницами, обсуждая последние новости на садовой скамейке.

— Что будем делать?

— Позвоню ей вечером.

Фризе взглянул в окно и чуть не выругался вслух. По противоположной стороне тихой улочки шел знакомый блондин. «Недолго же он ломал голову, где меня искать,— подумал Владимир с невольным уважением.— Неужели они все так точно просчитывают? Или парень засек меня по «Жигулям»?

Но «Жигули» Фризе оставил на Ломоносовском проспекте, среди многих других машин. Маловероятно, чтобы шпик успел прочесать все близлежащие стоянки. Он знал, куда ехать!

«Но он не уверен, здесь ли я! — решил Владимир.— А не заходит потому, что боится со мной столкнуться».

— Лида, я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Проси. Ты же слышал — я женщина добрая. Иногда.

— Мне необходимо встретиться с Людмилой Прокофьевной первым. Позарез! — Он провел ладонью по

горлу.— А у меня есть конкуренты. Не хотелось, чтобы они получили ее телефон.

— И не получат. Я запру домовую книгу в сейф.

— Это могут быть крутые мужики. На их стороне власть. Книгу им придется предъявить. У тебя есть ластик? Сотри карандашную запись.

— А ты сам-то не мафиози? — спросила Лида и достала из стаканчика с карандашами резинку.

— Я только учусь. А вы, гражданочка, должны разбираться в людях. Занимаете ответственный пост.

Лида стерла запись, тщательно сдула мусор. Внимательно изучила то место, где были записаны номер телефона и имя. Даже посмотрела страницу на просвет. Наверное, подчистки ей приходилось делать неоднократно.

— Все. Ажур.— Она осталась довольна работой.— Втянул ты меня, сыщик, в преступную деятельность. Да кто сейчас от нее в стороне?

Фризе улыбнулся.

— Можешь смыться со своего поста?

Лида посмотрела на часы.

— Могу.

— Тогда едем обедать. Кстати, из вашей конторы нет второго выхода? — Фризе поймал себя на мысли о том, что уже который раз ему приходится искать запасный выход.

— Есть.

МЕРТВЫЙ ПОПУГАЙ

В шесть часов Фризе и техник-смотритель Лида встретились на лестничной площадке у сорок шестой квартиры. С минуты на минуту должна была появиться приятельница Кушелевой. Владимир с трудом убедил ее приехать. Его красноречия явно не хватало, чтобы преодолеть подозрительность Людмилы Прокофьевны. И только обещание, что на встречу вместе с ним придет техник-смотритель из РЭО, оказалось решающим.

— А если я приглашу участкового? — поинтересовалась она.

— Ваше право,— согласился Фризе, надеясь в душе, что этого не случится. Судя по голосу, Людмила Прокофьевна была женщиной пожилой. А у него удачнее складывались отношения с особами молодыми. Вот и техник-смотритель Лида пришла вечером на встречу совсем преображенная — с красивой прической, с умело подобранным макияжем. И костюмчик на ней был типа «засветись» — что он есть, что его нету. Легкий облегающий трикотаж подчеркивал ее умеренные формы, как у манекенщицы на подиуме.

— Лида! — произнес Владимир с таким восхищением, что женщина покраснела.— Даже Пако Рабанна пришел бы в восторг!

— Мне хватит и Славы Зайцева,— довольная произведенным впечатлением, ответила Лида, показав тем самым, что перипетии мировой моды не ускользают от ее внимания.

Хлопнула дверца. Из лифта вышла маленькая пожилая женщина. Она посмотрела на Лиду. Потом на Фризе. С воинственным видом подошла к нему и, задрав голову, приготовилась его отчитать. А он, повинуясь внезапному порыву, изрек, чеканя каждое слово:

— Это кто же заставил меня тащиться через весь город?

Женщина обалдело взглянула на него, открыла и тут же закрыла рот и расхохоталась.

— Ох, молодой человек! Именно эти слова я и приготовила для вас. Только сказала бы вместо «тащиться» «мчаться». Я не такая уж и старая. Вожу машину довольно быстро. И что же случилось с Аллой?

Фризе повторил то, о чем уже рассказывал по телефону.

— Можно полюбопытствовать на ваши документы? — деловито осведомилась Людмила Прокофьевна. Она придирчиво изучила удостоверение и, вернув, спросила: — А эта красивая дама — техник-смотритель? — Наконец-то Людмила Прокофьевна удостоила своим вниманием Лиду.— И документы имеются?

Лида торопливо открыла сумочку, висевшую на плече, достала серую картонную книжицу. Фризе только сейчас обратил внимание на то, что на ее руке сегодня всего одно — маленькое и изящное — кольцо с изумрудом. От вчерашней безвкусной ювелирной выставки не осталось и следа.

— Полный порядок! — ознакомившись с ксивой, сказала женщина. Похоже, теперь она была удовлетворена.— Участковому я звонила. Занят. Ну что ж! С Богом.

Она открыла двумя заковыристыми ключами дверь и вошла в квартиру первой. Фризе отметил, что замки открылись легко и свободно, а на двери не было никаких следов взлома.

В просторных, залитых солнцем комнатах царил покой. Владимир, много лет странствуя по чужим квартирам, проводя обыски и допросы, убедился в том, что жилье отражает характер человека, так же как зеркало — его физический облик. И дело совсем не в том, что у нерях в квартире грязь и запустение, а у пьяницы один угол в кухне обязательно заставлен бутылками. Фризе казалось, что входя в незнакомую квартиру, он улавливал таинственные жизненные флюиды обитателей. Флюиды, которыми была пронизана атмосфера жилища. Это могли быть флюиды спокойствия и уравновешенности, нервозности, недоброжелательства или подозрительности. Однажды Владимир поделился своими наблюдениями с приятелем Костей Ранетом, специалистом по компьютерам, талантливым изобретателем. Но Костя обозвал Фризе спиритом и высмеял.

Наблюдая из прихожей, как Людмила Прокофьевна деловито осматривает комнаты, Владимир подумал о том, что отсутствующая хозяйка человек добрый и благожелательный. Наверное, даже веселый. Недаром мрачный Зигмунд светился, рассказывая о ней.

— Свет нигде не горит,— доложила Людмила Прокофьевна.— Вы, наверное, ошиблись. Не на то окно взглянули. В квартире полный порядок. Можете сами убедиться.— Она хозяйским жестом пригласила Фризе и Лиду войти в комнату.

Владимир не спеша прошелся по комнатам. Их было две — большая гостиная и спальня. Кровать застелена, на маленьком туалетном столике флаконы и баночки выстроены, словно солдаты на плацу. Только вот слой пыли показался Фризе чересчур густым.

В обеих комнатах стояла добротная, красивая мебель. Не кричащая о своей исключительности, а исправно несущая службу. Интерьер, в котором

одинокая женщина чувствует себя уютно и спокойно.

Только одна вещь выпадала здесь из общего стиля. Обращал на себя внимание большой, сработанный под старину глобус на тумбочке. Фризе уже видел такие глобусы-бары. И подумал о том, что, если заглянуть в него, можно узнать, какие напитки предпочитал Орест Михайлович Паршин. Наверное, в этой квартире он чувствовал себя комфортно.

Вместе с Людмилой Прокофьевной, ни на шаг не отстававшей от него, Фризе заглянул на кухню. Открыл холодильник. Да, хозяйка любила поесть! Пакеты, баночки, бутылки, овощи, фрукты были загружены сюда щедрой рукой. Владимир успел заметить, что кочан капусты уже завял, а половинку лимона тронула плесень. Он взял бутылку с кефиром — срок хранения истек еще на прошлой неделе.

— Как видите, у квартиры вполне жилой вид.— Людмила Прокофьевна даже не поинтересовалась, чего углядел сыщик, внимательно изучающий бутылку. Она сделала для себя выводы и, похоже, чужое мнение ее не интересовало.

— Наверное, Алла ночевала у кого-то из подруг. Засиделась допоздна. Вы же знаете — разгуливать нынче по вечерам опасно.— Она взглянула на часы. Наверное, прикинула, не пора ли ей трогаться в обратный путь.— Подруг я обзвоню. Но у меня такое предчувствие — Алла с минуты на минуту появится. Вот уж удивится! У вас есть вопросы?

— Есть.

— Ну, тогда присядем? — В ее широко расставленных голубых глазах Фризе прочитал осуждение.

Они снова вернулись в гостиную, и теперь Фризе обратил внимание на большую клетку на одном из окон. Клетка была накрыта цветастым платком. Владимир быстро пересек комнату и сдернул платок.

Он не сразу заметил желто-голубой комочек среди овсяной и просяной шелухи, засохших листьев и птичьего помета. Сдохший попугай скукожился и подсох в прокаленной жарким солнцем комнате.

— Ромка! Как я о нем забыла!

Людмила Прокофьевна с опаской приблизилась к клетке и застыла, прикусив большой палец.

— Неразлучник? — спросила Лида. Все это время она так тихо сидела на диване, что Фризе и забыл о ее присутствии.

— Да. Ромка. Какая жалость.

— Наверное, погиб от жажды,— сказал Фризе.— А вы говорите: «с минуты на минуту»!

Женщина горько всхлипнула, слезы потекли по щекам, закапали на белую блузку.

— Я сейчас.

Она вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь. Но все равно было слышно, как она всхлипывала и умывалась в ванной.

Фризе еще раз прошелся по квартире. Толстый, мягкий ковер пружинил под ногами. Казалось, что в комнатах ничего не трогали, не открывали дверцы шкафов. Но на книжном шкафу среди пыльного слоя темнел чистый прямоугольник. Здесь недавно что-то лежало. И на крышке пузатого бюро — ни дать ни взять современный буль — не было ни пылинки. Кто-то, оставив на полированной поверхности следы, не пожалел времени, чтобы их стереть.

Вернулась Людмила Прокофьевна. Молча села рядом с Лидой.

— Извините меня. Ромка...— Продолжить она не смогла. Только махнула рукой.

Фризе опустился в кресло, покрытое белоснежным козьим мехом. У него было много вопросов, но он не торопился. Ждал, пока она придет в себя.

Людмила Прокофьевна не выдержала молчания первая:

— Тут может быть только одно объяснение — Алла уехала к кому-то из друзей на дачу и заболела.

— Кушелева любила своего попугая?

— Любила! Не то слово! Недавно ездила отдыхать на Кипр, так не могла решить, у кого из подруг Ромке будет лучше!

— Вам отдала?

— Мне. Она в нем души не чаяла!

— И вы думаете, Алла Ивановна не нашла бы способа сообщить вам о своей болезни?

— Господи! Да она бы и сама приползла к Ромке с любой температурой! — не очень логично выпалила женщина.

— Платок на клетку она накидывает на ночь?

— Конечно. Ромке надо много спать. И чтобы утром не будил!

— Это значит, что Алла Ивановна ушла из квартиры вечером. Ушла ненадолго. Иначе сняла бы платок, поставила в клетку банку с водой. Или вам позвонила.

— Да куда же она ушла? К соседям? Нет у нее в этом доме друзей.

— А вы давно знакомы?

— Я? Да всю жизнь! Лет тридцать. Мы же из одного города в Москву приехали.

— Лет тридцать? — Владимир произнес фразу с таким удивлением, что Людмила Прокофьевна только пожала плечами. Словно хотела сказать: «Что здесь удивительного?»

— Сколько ей лет?

— Пятьдесят восемь. Мы одногодки.

«Вот тебе и на! — восхитился Фризе.— Любовь неподвластна возрасту! Прекрасная дама Зигмунда всего-навсего старушка. Пенсионерка Зиглинда!» И тут же подумал: «Каким же обаянием должна обладать эта пожилая женщина, чтобы псих Зигмунд говорил о ней с таким обожанием? И готов был на ней жениться».

— О, Господи! — вдруг прошептала Людмила Прокофьевна.— Неужели она из-за этого подонка, прости меня, грешную, что-то с собой сделала?!

Похоже, что эта догадка потрясла ее.

— Какого подонка?

— Того, которого застрелили у подъезда. Паршина.

— Алла Ивановна была с ним знакома?

— Что значит «знакома»?! Она его первая жена!

Фризе вдруг почувствовал себя участником фарса. Актером, которого выпустили на сцену и забыли сказать, какую роль он играет. Несколько секунд он сидел молча, пытаясь представить, как эта новость повлияет на его расследование. Самое трагичное — и смешное!— заключалось в том, что она была новостью только для него. Он не мог поверить, что Паршина, которой были известны даже адреса любовниц мужа, не знала, где живет его первая жена! А Юля! А бородатый помощник Грустилин, которому Фризе задал прямой вопрос о том, кто из знакомых шефа живет на улице Коперника.

— Для вас это сюрприз?

И как только удалось проклятой старушенции вло-

жить в одну фразу столько недоверия, сарказма, разочарования? Сыщику Фризе была выставлена оценка «плохо». А он и не собирался протестовать.

— Да еще какой сюрприз! — Владимир горько усмехнулся, вспомнив Анатолия Петровича.

И еще он подумал о сотрудниках уголовного розыска, занимавшихся розыском убийцы Паршина. Или не занимавшихся? Уже в первые часы после убийства они должны были выяснить, что председатель телерадиокомпании навещал свою бывшую жену. Тем более что навещал не впервые. Почему и Рамодин, и его шеф скрывали информацию? Не знали? В такой непрофессионализм Фризе поверить не мог. Вывод напрашивался один: уже в первые часы после убийства, оценив масштабы возмущения общества и получив возможность представить козла отпущения, власти опустили шлагбаум для дальнейшего расследования.

Чистосердечное признание Фризе нашло в душе Людмилы Прокофьевны живой отклик. Она моментально смягчилась.

— Может быть, вам это совершенно не интересно? Я ведь не знаю, зачем вы пришли к Алле.

Молчаливая Лида тоже почувствовала перемену в настроении Людмилы Прокофьевны и ободряюще улыбнулась Владимиру.

— Мне хотелось задать ей несколько вопросов.

Фризе понимал: любой намек, что он пришел по поручению вдовы, может испортить дело. Реакцию подруги бывшей жены предсказать нетрудно.

— Вопросы о бывшем муже? У Аллы нет от меня секретов. Я знаю об их отношениях все! Понимаете? Все! — В ее голосе сквозила гордость человека, облеченного особым доверием.— В их отношениях нет ничего предосудительного. Орест повзрослел и понял, что постель — это еще не весь свет в окошке. Постельные игры не могут заменить духовного общения.

Владимир увидел, как на Лидиных щеках медленно проступает румянец.

— Я постараюсь ответить на вопросы, если вы избавите от них Аллу. Не очень-то приятно ей будет вдаваться в интимные подробности.— По части логики у этой женщины имелись явные провалы.— Но не позвонить ли прежде в милицию?

— Лидия Евгеньевна, как представитель местной власти, с этим отлично справится. Позвонишь, Лида?

— В районное управление?

— Пригласи участкового.— Фризе решил, что пока приедет участковый, пока разберется что к чему, доложит начальству, пройдет немало времени. Он успеет кое-что перепроверить.

Лида ушла в спальню, где стоял телефонный аппарат.

— Давно Паршин стал бывать у вашей подруги? — спросил Владимир.

— Года три.

— Алла Ивановна живет здесь после развода?

— Да что вы! Переехала весной. Все ютилась в однокомнатной маломерке. Это он помог сюда перебраться.

— Купил?

— Исправил свою прошлую подлость. Когда разводились — отхапал у нее такую квартиру!

— Паршин помогал ей?

— Помогал.— Добрые слова в адрес бывшего супруга Купелевой давались Людмиле Прокофьевне с большим трудом.

— Ну, а что за отношения у них были? Паршин не хотел вернуться к старой жене?

Слово «старая» вырвалось у Фризе машинально. Он совсем не имел в виду возраст. Но собеседница не спустила ему этой бестактности.

— Вот именно, к старой! К старой он разговоры разговаривать приезжал. Душу отвести. А по приемам да заграницам новую таскал. Да уж какая она новая! Двадцать лет женаты.

— Когда вы видели Аллу Ивановну в последний раз?

— Две недели назад. Она с отдыха приехала. Всех приятельниц собрала.

— А по телефону общались?

— Да. Несколько раз. Дня за два до смерти Ореста разговаривали.

— Поточнее не вспомните?

Из спальни пришла Лида. Доложила, усаживаясь опять на диван:

— Через полчаса приедет.

— Ну, слава Богу,— сказала Людмила Прокофьевна, как будто с приходом участкового могли разрешиться все проблемы.— А с Аллой мы говорили в воскресенье. Это я точно вспомнила.

— Она ничем не была обеспокоена?

— Да нет, ничего особенного.— Женщина задумалась.— Всякие мелочи.

Фризе ждал.

— Право, не знаю... Это уж такие личные дела.

— Людмила Прокофьевна, Паршин убит. Ваша приятельница пропала. Оставим в стороне условности.

— Она моя подруга, а не просто приятельница. Это — во-первых! А во-вторых, сказала она мне, что Оресту потребуется много денег.— Она замолчала. Чувствовалось, никак не может решить, быть ли до конца откровенной с этим долговязым мужиком, частным детективом, лезущим в чужие дела. Наконец решилась: — Паршин открыл на ее имя валютный счет в «Кометабанке». На большую сумму. Наверное, не хотел на свое имя открывать из-за налогов. Или держал их в секрете от Полины. Ну так вот — ему потребовалась большая сумма. И Алла беспокоилась, успеет ли все оформить.— Людмила Прокофьевна вдруг ойкнула и опять закусила большой палец. Точно так, как она сделала, увидев мертвого попугая.— Да ведь в тот день Орест за деньгами и приходил! Точно!

Очевидные истины Людмила Прокофьевна постигала с трудом.

Фризе не стал дожидаться прихода участкового. Сослался на срочное дело, а когда Людмила Прокофьевна попыталась возразить, оставил ей свою визитную карточку.

— Понадоблюсь вам или участковому — позвоните.

Лида вышла проводить его к лифту. Спросила, пряча разочарование под напускной веселостью:

— В наши края теперь не скоро?

— А ты как думаешь?

В это время пришел лифт. Владимир наклонился и крепко поцеловал Лиду в губы. Ему показалось, что женщина приготовилась шагнуть вслед за ним в кабину, но двери захлопнулись.

Владимира так и подмывало снять телефонную трубку и позвонить вдове. Спросить: «Полина Викторовна, неужели вы не знали, что на улице Коперника живет бывшая жена Ореста Михайловича?»

Но ему хотелось преподнести сюрприз в подарочной упаковке. И не столько вдове, сколько ее дочери. А для этого оставалось выяснить главное: куда делись деньги? Поэтому он уселся на диван, поставил рядом телефон и, взяв записную книжку, открыл ее на букве «К». Козловский Николай Борисович возглавлял московский Энский банк. Некоторое время тому назад Фризе чуть не погиб, отыскивая по его поручению пропавший кейс с документами. Может быть, Николай Борисович замолвит за него словечко перед директором «Кометабанка»?

По служебному номеру ответил мелодичный женский голос:

— Приемная господина Козловского.

— Могу я поговорить с Николаем Борисовичем?

— Господин Козловский уехал домой обедать.

— На Цветной бульвар?

— Нет. На Дорогомиловскую.

Поблагодарив секретаршу, Фризе положил трубку. Он был разочарован. Козловский опять вернулся от симпатичной и умной любовницы к менее симпатичной, зато очень домовитой жене. Происходили такие переезды довольно часто, и Владимир жалел обеих женщин.

Он набрал другой номер, надеясь, что трубку возьмет сам Козловский. И, к своей радости, услышал его сухое: «Слушаю».

— Николай Борисович, здравствуйте. Вам больше не нужны частные сыщики?

— Владимир Петрович?! Вот не ожидал.— Он даже не удосужился ответить на приветствие.— Какими судьбами?

— Хочу просить у вас протекции.

Козловский многозначительно покашлял, но Фризе не думал отступать.

— Мне позарез нужна консультация директора «Кометабанка». Не замолвите словечко?

— Самого Тамбовцева? Замы не подойдут?

— Самого!

— Не знаю, в Москве ли он?

— Думаете, может совсем не вернуться?

— Куда он денется? — Козловский рассмеялся.— Хорошо, я поговорю с ним. Только, чур, без шалостей. Вы под него не копаете?

— Николай Борисович, банки я теперь обхожу стороной.

— Всегда считал вас умницей.— Козловский секунду помолчал и добавил весело: — Безрассудным умницей. Телефон у вас прежний?

— Так точно.

— Если Аркадий Семенович согласится вас принять, его секретарша позвонит и назовет время. Гуд бай, Володя.

Как только Фризе положил трубку, телефон моментально заверещал.

— Владимир Петрович! — сказал строго знакомый женский голос.— Нельзя обижать девушек и исчезать надолго.

— Юля!

Девушка оценила чувство, с которым Владимир произнес ее имя, и радостно засмеялась.

— Звоню, звоню... Телефон все молчит и молчит. С расстройства перестала ходить на лекции. Вы, Владимир Петрович, срываете мне учебный процесс.

— Хочешь узнать, как продвинулось дело?

— Если бы я не знала, что вы шутите, то обиделась бы. Когда мы увидимся?

— Завтра. Думаю, что завтра буду все знать.— Фризе понимал, что обижает Юлю, но не мог удержаться. Словно чертик нашептывал ему в ухо. Он и верил, и не верил в искренность ее слов.

— Владимир Петрович, я приеду вечером. В восемь. И от вас — в университет. Маме я сказала, что ночую у подруги. И ни слова о делах.

Он не успел сказать «жду», как Юля положила трубку.

Через полчаса опять заверещал телефон. Доброжелательный баритон спросил:

— Владимир Петрович Фризе?

— Да.

— Я звоню из приемной «Кометабанка». Аркадий Семенович Тамбовцев ждет вас в своем офисе в пятнадцать часов.

— Спасибо.

Баритон даже не поинтересовался, сможет ли приехать Фризе к этому времени в банк. Пригласил — и баста.

«Небось банк повыше разрядом, чем у Козловского,— подумал Владимир.— И секретарь усатый!»

Фризе вошел в приемную банка без пяти три. Одетый в свой лучший твидовый пиджак и модный галстук.

Насчет усатого секретаря он ошибся. В приемной за огромным, уставленным телефонами столом восседала крупная дама лет сорока — сорока пяти с прической, какие сооружали себе деловые женщины прошлых лет, собираясь на сессию Верховного Совета.

— Проходите. Аркадий Семенович вас ждет,— приветливо сказала дама и показала на красивую — белую с позолотой — дверь.

Банкир был одних лет с Владимиром. Крупный, с солидным животиком, он вышел из-за стола и, приветливо улыбаясь, крепко тряхнул протянутую руку.

— Козловский не поскупился на добрые слова в ваш адрес,— сказал Тамбовцев, чем удивил сыщика. Они расстались, не очень довольные друг другом.— Садитесь. Или это слово так же непопулярно среди юристов, как и среди зэков? — Он рассмеялся и сел напротив Владимира.— Один мой охранник из этих. На предложение садиться всегда отвечает: «Еще насижусь». Какие проблемы?

— Прежде всего убедитесь, что я не самозванец.— Фризе протянул банкиру удостоверение.

— Слово Козловского стоит дороже ксив.

— Я хотел бы получить информацию об одной вкладчице.

Заметив укоризненный взгляд Тамбовцева, Фризе улыбнулся:

— Знаю, знаю! Тайна вклада гарантируется законом. Меня не интересуют размеры вклада или другие тайны. Сейчас вы поймете, в чем интерес.

— А у нас с вами одинаковые пиджаки. Фирма «Валентино»?

— Да. Это дает мне какие-нибудь преимущества?

Банкир рассмеялся.

— Так вот: пятого сентября одна ваша вкладчица— вклад валютный— собиралась снять со счета большую сумму. В тот день она исчезла. Пропала. Это ведь теперь у нас в порядке вещей.

Тамбовцев внимательно слушал. Глаза у него стали серьезными. От веселости не осталось и следа.

— Я пытаюсь ее разыскать. Пока безуспешно.

— Как ее зовут?

— Я назову ее имя, если вы пообещаете ответить на вопрос: была ли она у вас в банке? И получала ли деньги?

— Вы знаете сумму?

— Нет. Знаю, что она велика.

— Хорошо. Имя?

— Алла Ивановна Кушелева.

— Да, она приходила в банк.— Тамбовцев заволновался.— И приходила ко мне. Сумма очень большая и сотрудники поставили меня в известность. Я вам скажу, Владимир Петрович,— Кушелева должна была снять со счета несколько сотен тысяч долларов!

— Должна была? Или сняла?

— Такая приятная женщина! Неужели с ней что-то случилось?

— Что-то случилось. Вы не ответили на мой вопрос. Сняла она деньги?

— И да, и нет. О том, что она будет снимать деньги, она предупредила за несколько дней. Как положено. Когда ее пригласили ко мне, мы поговорили. И я почувствовал, Алла Ивановна чем-то обеспокоена. Предложил ей охранника. Она согласилась. Вы не курите?

— Нет.

— Я тоже не курю, но подумал, что вы захотите. Значит, так... Через полчаса Кушелева снова пришла ко мне. Сказала, что деньги сняла, но хотела бы их забрать вечером, перед закрытием банка. Только что она раньше-то думала?! Звонила, заказывала. Ну, предупредила бы, что приедет к концу дня!

— И как же вы поступили?

— Вот сейф.— Аркадий Семенович показал рукой на приятный натюрморт, висящий на стене: кубок с вином, кусок окорока и несколько абрикосов. Имея весь день перед глазами такую картину, немудрено нарастить живот — постоянно возникает мысль о еде.— Да, да, не улыбайтесь. Мы пока ведем себя как обезьяны. Это я подсмотрел в одном голливудском боевике. Госпожа Кушелева вытряхнула свои баксы из сумки.— Он улыбнулся, по-видимому вспомнив, как это происходило.— Сумочка, скажу я вам!

Фризе подумал о том, что никакой такой сумочки в квартире Кушелевой он не видел.

— Моя жена никогда не научится покупать красивые вещи. Дорогие — да! Вы понимаете, что я имею в виду? Встречаются женщины, у которых вкус приобретается с молоком матери. Мне кажется, госпожа Кушелева принадлежит к их числу. Так вот! Вечером за деньгами она не приехала. И не позвонила.

— Ваши сотрудники не пытались ее разыскать?

— Еще как пытались! На службе сказали, что не знают, где она. А домашний телефон молчал.

— Милицию не ставили в известность?

— Владимир Петрович, Кушелева — наш вкладчик. Мы обязаны сохранять тайну вклада. Не только держать в секрете сумму, но и сам факт. А власти все время лезут в наши дела! Требуют, чтобы мы стучали на своих вкладчиков. Сообщали о крупных вкладах. Налоговая инспекция у меня в печенках сидит! И я буду обращаться к ментам? Похвалит меня госпожа Кушелева, если я подниму гвалт на всю Москву?

— Не похвалит,— согласился Фризе. Рассуждал Тамбовцев здраво.

— Хорошо, хоть вы это понимаете. Козловский знал, кого рекомендовал.— Банкир задумался.— Что мне теперь с этими баксами делать? Держать такую сумму в сейфе не имею права. Ревизия нагрянет — им не объяснишь, что вкладчица чего-то опасалась и попросила несколько часов подержать деньги в моем сейфе. Если до вечера Кушелева не придет, составим акт, вернем на ее счет.

Фризе подумал о том, что сделать это надо было несколько дней назад.

— В тот день Алла Ивановна от вас никому не звонила?

— Нет.

— Может быть, из приемной?

Тамбовцев нажал на клавишу аппарата внутренней связи:

— Анна, загляни.

Почти мгновенно появилась секретарша.

— Не стой на пороге. Закрой дверь,— сварливо, совсем по-домашнему, сказал банкир.

— У меня там никого нет,— Анна не сдвинулась с места.

— А где Наиль?

— Обедает. Кстати, скоро четыре.— Это был намек, что и шефу пора обедать.

Фризе предположил, что неизвестный ему Наиль, скорее всего, охранник. Или помощник Тамбовцева. Наверное, он и передал приглашение банкира приехать.

— Ты не помнишь, на прошлой неделе ко мне приходила клиентка...

— Кушелева? Хорошо помню. Приятная тетя.

— Без комментариев не можешь? Она не звонила с твоего телефона?

— Звонила.— Анна на мгновение отвернулась, посмотрела в открытую дверь приемной, проверила, в порядке ли ее хозяйство.

Банкир взглянул на Фризе, предоставляя ему продолжить разговор.

— Анна...

— Анна Юрьевна.

— Анна Юрьевна, а вы не помните, о чем говорила Кушелева?

Секретарша посмотрела на шефа.

— Говори все, что помнишь! Пропала дамочка.

— Я все помню.— Лицо у Анны сделалось озабоченным.— Кушелева, по-моему, звонила по двум номерам. Один набрала по памяти. Никто не ответил. Потом достала из сумки записную книжку и набрала другой номер. Здесь ответили сразу. Она представилась и спросила: где шеф? И очень удивилась, когда ей ответили. Так смешно сказала: «Да-а-а?!» Потом слушала и только твердила: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь!»

— Все?

— Нет. В конце разговора она сказала: «Хорошо. Буду ждать».

— А как она представилась?

Секретарша задумалась и Фризе огорчился, решив что таких деталей ей уже не вспомнить. Но память у Анны Юрьевны была отменная:

— Она сказала: «Это Алла».

— Браво!— похвалил Владимир.— А вы, случайно, не запомнили, как эта Алла обратилась к собеседнику?

— Запомнила! — Секретарша расплылась в улыбке.— Она его назвала Анатолием Петровичем.

— Я восхищен! Еще и еще раз браво!

— Не очень-то восхищайтесь,— притворно-строго проворчал Тамбовцев.— А то она потребует прибавки к зарплате.— Но чувствовалось, что он доволен.

— Еще вопросы?

— Один. Когда Кушелева звонила?

— Перед тем, как зайти к Аркадию Семеновичу.

— Она была у него дважды.

Анна подумала:

— Перед тем, как зайти во второй раз. По-моему, она и пошла после того, как кому-то не дозвонилась. Своему шефу, что ли?

— Все. Вы мне очень помогли.

Когда Анна ушла, осторожно затворив за собой дверь, банкир поинтересовался:

— Это вам пригодится?

— Может быть.

— Я понимаю, что у вас свои секреты. Интересы клиента и прочая мура. Но было бы интересно узнать: наследники у нее есть?

— Не знаю.

«Плакали денежки,— подумал Фризе.— И Юлин новый магазин уплывает в другие руки». Он непроизвольно посмотрел на картину, за которой скрывался сейф с деньгами. Но Тамбовцев понял его взгляд по-своему:

— Впечатляет? Может быть, закусим? Я еще не обедал.

— Считаю, что отказываться неприлично.

Он вышел из подъезда «Кометабанка» в начале шестого. Толстозадый автомобиль с темными стеклами стоял прямо на тротуаре, заставляя прохожих двигаться гуськом или выходить на проезжую часть.

Собираясь на встречу с Тамбовцевым, Владимир рассчитывал, что их беседа займет от силы минут пятнадцать. Банкиры народ занятой. А получилось больше двух часов. Времени хватало только для того, чтобы подготовиться к встрече с Юлей: съездить в «Прагу» за едой, купить хорошего вина, цветов. Ему обязательно хотелось подарить ей цветы. Непременно букет белых роз.

Серый потрепанный «Москвич» со знакомым номером расположился чуть поодаль. Водитель в нем отсутствовал, но Фризе не сомневался: наглый блондин где-то поблизости.

Дома Владимир еще успел позвонить по телефону, который дала ему Елена Сергеевна. Бывшая любовница Паршина была дома. Фризе узнал, что в тот роковой день ее шефа неожиданно вызвали на совещание в Дом правительства. Уезжал ли куда-нибудь днем Грустилин, она не знала. «Нужен мне он, козел вонючий!»— не удержалась Елена Сергеевна от едкого комментария.

Юля пришла точно в восемь. Несмотря на протесты Фризе, она, надев передник, перемыла на кухне посуду, приняла душ и только после этого села за стол.

— Каким вином нас угощали! — воскликнула она, увидев бутылку мозельского. А когда Владимир поставил рядом с нею вазу с белыми розами, на лепестках которых поблескивали капельки воды, девушка обняла Фризе и, уткнув лицо ему в грудь, заплакала.

— Ты что ревешь? Перестань! — уговаривал Владимир.— Залила слезами галстук. А вдруг полиняет?

— Папа всегда дарил мне на день рождения белые розы,— прошептала она, улыбаясь сквозь слезы.

Когда они пили кофе, Юля молчала и смотрела на Фризе так пристально, что ему сделалось не по себе. Он вспомнил пронзительный взгляд ее матери.

— Юлька, испортишь зрение!

— И жизнь.

Когда Фризе, набравшись смелости, собрался рассказать ей о том, как завершились поиски, девушка приложила к его губам ладонь.

— Владимир Петрович, потом. Только не сегодня.

— Когда ты перестанешь величать меня Владимиром Петровичем?

— Может быть, и никогда. У моей тети в январе была серебряная свадьба. Так она к мужу до сих пор обращается по имени-отчеству.

Уже под утро, крепко прижавшись к Владимиру и целуя, в каком-то необыкновенном приливе нежности, его лицо, Юля прошептала:

— Мне все в тебе нравится — и то, как ты говоришь, как смеешься, как обнимаешь. Нравится твоя деликатность, твое лицо. Твое тело. Я влюблена, да? — Она внезапно отстранилась и села.— Но как-то чудно! Ты мой первый мужчина, а у меня ощущение, что все это со мной уже было. Много, много раз. Наверное, оттого, что часто видела секс по телеку? Да?

— И теперь ты разочарована?

— Чудак! Посмотри на меня внимательнее.

КЛЮЧИ

Наверное, если бы Фризе был пониже ростом, ну хотя бы метр семьдесят пять, его уже не было бы в живых. Но нападавший не рассчитывал на встречу с таким долговязым, и удар доской пришелся Владимиру не по голове, а по плечу. Фризе не удержался на ногах и, падая, ударился головой об трубу. И отключился.

Пришел он в себя оттого, что его окропили водкой. Наверное, плохой водкой или даже самогоном. Сивушный запах нестерпимо бил в нос. Фризе закашлялся.

— Очухался, сука! — пробормотал человек, брызнувший ему в лицо водку из плоской, чуть закругленной фляжки. Фризе вспомнил, что один его приятель-финн называл почему-то такую фляжку «Святой Стефан».

Он хотел поднять руку и смахнуть с лица дурно пахнущую влагу, но руки оказались скованы наручниками.

— Не трепыхайся! — посоветовал мужик.— А то еще схлопочешь. — Он завинтил горлышко фляжки и спрятал ее в карман. Потом сел на трубу, пересекавшую чердак, и уставился на Фризе. Теперь Владимир смог разглядеть его лицо — одутловатое, с большим мясистым носом, лохматыми бровями, с тяжелым подбородком. Ни дать ни взять гангстер из телебоевика.

Мужик достал из кармана пиджака небольшую синюю книжицу, и Фризе узнал свое удостоверение. Он легонько, незаметно для мужика, прижал локоть к подмышечной кобуре и убедился, что кобура пуста.

— Фризе Владимир Петрович, частный детектив,— прочитал мужик.— Липа. От тебя за версту Лубянкой несет. Почему только старье таскаешь? Для понта?

Он вытащил из-под ремня пистолет «ТТ», который Фризе зарегистрировал в Управлении охраны.

— Молчишь?! — Он попытался ударить Фризе носком ботинка, но не сумел дотянуться. Сидел далеко, а вставать поленился. Владимир не сомневался — и встанет, и ударит. Он никак не мог определить — кто же перед ним? Бомж, обитающий на чердаке? Не похож. Прилично одет, здоровяк. Свалить с ног одним ударом тренированного молодого мужчину — такое не

каждому под силу. И самое главное, бомжи не агрессивны.

Если он из той же компании, что и блондин, приставленный следить за Фризе, чего ради тогда разыграл спектакль с удостоверением? Ему и без того известно, кого он попытался уложить доской. Сотруднику уголовного розыска задержанные, как правило, нужны живые. Вот только наручники? Не аргумент. Их нынче можно найти и у десятиклассника.

В одном Фризе был уверен — его противник в замешательстве. Первый удар не достиг цели и теперь мужик не знает, что делать.

— Какого черта ты сюда приперся?

Владимир молчал.

— Оглох?

— Оглохнешь! Так долбанул.

— Не в последний раз! — пообещал мужик и поднял с пола доску. Доска была, правда, не толстой. Тем не менее, от одного взгляда на нее у Фризе по телу побежали мурашки и мучительно заныло ушибленное плечо.

— Будешь колоться?

— Мне скрывать нечего.

Фризе наконец сообразил, что кто бы ни был перед ним — уголовник, сотрудник милиции, представитель какой-то другой службы,— ему незачем скрывать, ради чего он пришел на чердак.

— Несколько дней назад около дома напротив застрелили мужчину. Слышал?

— Говори, говори, пока тебя слушают.

— Его вдова попросила меня выяснить, что делал в том доме муж? К кому приходил?

— Делать ей нечего! Небось, не за бесплатно работаешь?

— За пять минут до того, как ее муж вышел из дома, здесь же, у подъезда, милиция повязала одного авторитета и его охрану. У Паршина просто хотели проверить документы, а он побежал...

— Ну, ну! Ты-то на какой ляд понадобился?

Фризе вздохнул.

— Пошли слухи, что убитый имел с арестованным авторитетом общее дело.

— То ли он украл шубу, то ли у него украли,— прокомментировал мужик.— А мертвому на все это теперь наплевать.

— Только не семье. Если я выясню, у кого он был и зачем,— всем слухам конец.

— Лепишь горбатого.— Фраза прозвучала уже не так зло.— Сюда ты зачем приблудил?

Это был самый трудный вопрос, но Владимир ответ заготовил заранее.

— К кому приходил Паршин, я выяснил. Но в квартире сейчас никого нет. На звонки не отвечают. Час назад я заметил, что в одной из комнат горит свет. Решил посмотреть.

— С чердака? Далековато.

— Зрение у меня хорошее.

— Не проще ли было с лестничного окна заглянуть?

— Не хотел привлекать внимание. А чердачная дверь была приоткрыта.

— Вот и получил по рогам.

— Чем я тебе помешал?

— Помешал. Раз говорю, помешал, значит, так и есть. Помешал! — Мужик задумался и решил сменить тему: — А кто телевизионщика застрелил?

— Откуда я знаю? — Фризе не удивила осведомленность собеседника. Он чувствовал, что напавший на него мужик неспроста оказался на чердаке.— Менты частных детективов на дух не терпят, языки при них не распускают.

— Так уж ничего и не слыхал? Вдова-то должна знать.

— Вдове сказали, что застрелил опер. При попытке к бегству.

— Суки! — злобно выплюнул ругательство мужик, и Фризе удивила его реакция. И вызвала смутную догадку, тут же переросшую в уверенность. Он едва удержался от того, чтобы не выпалить: «Так ты и есть тот самый опер Горбунов?!»

Но разве угадаешь, как среагирует на разоблачение озлобленный, загнанный в угол майор? Человек, по словам капитана Рамодина, грубый и скорый на расправу. В последнем Фризе убедился на собственном опыте.

А Горбунов и сам задумался. Он отбросил в сторону доску, которую держал в руках, и опять достал из кармана отобранное у Владимира удостоверение. Раскрыл. Долго разглядывал его, хмуря лоб. По его лицу можно было проследить за тем, как ворочаются в большой сивой голове неповоротливые мысли.

— Фризе, Фризе...— В голосе мужчины все еще сквозило сомнение.— Работал в прокуратуре. Ну?

— Баранки гну!

— На Николиной Горе банду за раз положил—ты?

Почему-то никто не вспоминал про то, как блестяще Фризе провел следствие. Обнаружил убийцу, покушавшегося на известного писателя. Разоблачил мафиозную группу, орудовавшую под крылом у мэрии. Всем запал в память только завершающий аккорд этого дела — когда он застрелил одного из главарей банды, ранил другого, а остальные погибли, свалившись в реку на украденной у него машине.

— Выходит, тебя за это не похвалили? Из прокуратуры выперли! — Горбунов весело рассмеялся.— А здесь, на чердаке, ты оплошал, герой! Оплошал! Простой опер тебя «на раз» уложил.

— Ты меня и на тот свет чуть не отправил,— проворчал Фризе.— Долго еще будешь в браслетах держать?

— Еще не решил.

Слова Горбунова прозвучали серьезно, а улыбки на лице как не бывало. Этот тугодум все еще колебался, как поступить со своим пленником, и Фризе опять охватило беспокойство. Что еще может взбрести ему в голову?

— Так вот, Фризе, никакой опер Паршина не убивал,— наконец сказал Горбунов.— Повесили на него мокрое дело. Чтобы успокоить общественность.— Последнее слово он произнес с великим презрением.

— Знаю.

— Знаешь?!

— Знаю, что ты дважды выстрелил вверх.— Фризе редко к кому обращался на «ты», но назвать на «вы» человека, только что ударившего его доской, он просто не мог.

— Ты... ты... Откуда ты знаешь?

— Пока не снимешь браслеты, не расскажу.

Горбунов вскочил, торопливо достал из кармана ключ, отомкнул замок. Владимир заметил, что руки у него дрожат. Опер помог Фризе подняться, посадил на трубу, на то место, где только что сидел, а сам остался стоять, прислонившись к стене.

— Ну?

— Кончай ты нукать, Горбунов.

— Ладно, ладно, не тяни. Для меня каждая точка в строчку.

— Я нашел парня, которому ты прострелил шапку. Он стоял на балконе и все видел.

— Правда, видел? Правда? И шапка у него сохранилась?

— Сохранилась. Я ее в руках держал.

— Почему не изъял?

— Горбунов, я всего лишь частный детектив.

— Верно. Но мог бы меня разыскать. Такого свидетеля откопал!

«Знал бы ты, что свидетель псих, сильно не радовался бы!» — подумал Фризе. Но рассказывать майору про Зигмунда не торопился. Горбунов мог броситься выколачивать из психа сведения и все испортить.

— Ты ведь тоже время не теряешь? Сюда, на чердак, не для прогулки залез?

— Что ты имеешь в виду? — насторожился майор.

— Решил, что в Паршина отсюда стреляли? Мне свидетель сказал, что стреляли с чердака, из слухового окна. Если не врет.

— Мне тоже показалось, что из этого дома стрельнули.

— Что значит «показалось»? Ты же при этом присутствовал?

— Выстрела я не слышал. Правда, винтовка могла быть с глушителем. Я тут все проверил. Каждый сантиметр. Точно тебе говорю. С этого чердака не стреляли.

— Ты ожидал гильзы найти? Или записку от киллера?

— Я здесь бомжа нашел. С весны живет. В день убийства вечером спал на чердаке. Услышал выстрелы, выглянул в слуховое окно на бульвар. Но никого не разглядел. Так... Суета. Общие очертания. Ты сам взгляни — тополя разрослись, как в джунглях.

Горбунов молча подошел к слуховому окну. Поднялся с трубы и Фризе. Встал рядом. Прямо перед ними светились немногочисленные пока огни большого дома. На улице было еще светло, но нижние этажи, затененные разросшимися тополями, уже окутывали сумерки. Здесь свет горел во многих окнах. Кое-где занавески еще не были задернуты и можно было рассмотреть, как хозяйничают на кухнях женщины. Мертвыми голубыми сполохами мерцали телевизоры— обыватели уже прилипли к экранам, стараясь не упустить ни одного вздоха «дикой Розы».

В одной из комнат последнего этажа свет то загорался, то гас. Во время коротких проблесков можно было рассмотреть, как на широкой постели двое занимаются любовью. Наверное, одному из них— кому, Фризе понять не мог, женщине или мужчине,— нравилось делать это при свете, другому в темноте. Большая красивая лампа на прикроватной тумбочке сигналила, как корабельный прожектор в руках опытного сигнальщика. Пока не погасла окончательно. То ли победил сторонник темноты, то ли любовники опрокинули лампу на пол.

Владимир посчитал этажи, отыскивая окна квартиры Кушелевой, и обомлел: в одном из них горел свет. Шторы в комнате кто-то плотно задернул и разглядеть, что в ней делается, было нельзя.

— Так где эта квартира, о которой ты говорил? — спросил Горбунов. Наверное, от него не укрылось волнение Владимира.

— Второе окно от угла и четвертое сверху.

— И правда, свет горит. А на звонки не отзываются?

— Нет.

— А на каком балконе свидетель стоял?

— Придет время, узнаешь. Нам с тобой, Горбунов, надо договориться. Помочь друг другу. А не подкараулить с доской.

— Да ладно, ты! — майор дружески ткнул Фризе ладонью в плечо. В то самое, по которому не так давно ударил.

— Черт! — вскрикнул Владимир.— Уж не сломал ли ты мне плечевую кость?!

— Да ладно! — повторил майор и достал из кармана фляжку, из которой недавно прыскал Владимиру на лицо.— Глотни, вот лучше. Сразу полегчает.

— Откуда у тебя эта сивуха? — спросил Фризе, отвинчивая пробку.— Накрыли подпольный заводик?— Он сделал большой глоток и чуть не задохнулся — напиток по крепости напоминал спирт. Настоящий первач.

— Хорош? Брат из деревни привез. Из картошки гонит. Глотни еще и давай сматываться. Чую — за этим местом приглядывают.

— Кто?

— А я знаю? Может, прокуратура? А скорее, кто-то посерьезнее.

— ФСБ? — Фризе еще раз глотнул из фляжки и почувствовал, как тепло разлилось по животу. И боль в плече отпустила.

— Нет, не ФСБ. Станут они в нашем дерьме копаться.

— А никого другого я и не придумаю,— слукавил Фризе.

— И живи спокойно.— Майор не стал вдаваться в подробности. Он забрал у Владимира фляжку и вылил остаток самогона себе в глотку. Фризе прикинул — не меньше стакана.

— Топай отсюда первым,— распорядился Горбунов.— И жди меня у детского театра. Там поговорим.

Фризе не привык, чтобы им командовали. Да к тому же хотел зайти в сорок шестую квартиру, где появились признаки жизни. Но он побоялся, что майор увяжется следом, и не стал спорить.

Он посмотрел на часы — начало девятого. Поговорив с Горбуновым, можно успеть и к Алле Ивановне. Правильнее было, конечно, послать майора подальше и заняться своими делами. Но Фризе пожалел его. Этот грубоватый, не слишком симпатичный мент попал в трудную ситуацию. И сведения, на которые Владимир наткнулся случайно, могут помочь ему выжить.

На бульваре и на улице Коперника не было ни души. Только в сквере у детского театра несколько «собачников» выгуливали своих псов. В последние годы москвичи перестали выходить на улицу после девяти. Боялись. Боялись хулиганов. Боялись случайных перестрелок между узколобыми мафиози. Боялись нападений в темных подъездах. Боялись иномарок, разъезжавших по тротуарам, как по шоссейным дорогам.

По недомыслию или сознательно газеты, радио и особенно телевидение подливали масла в огонь. Запугивали обывателя, представляя на всеобщее обозрение окровавленные трупы, горы оружия, портреты бесследно исчезнувших девочек и мальчиков, девушек и женщин. Насмерть перепуганным зрителям ежедневно предъявляли лихих стриженых молодцев в наручниках, взятых с поличным на крутом деле, с оружием в руках.

И тут же добавляли: к сожалению, лишь немногие из бандитов осуждены. Остальные отпущены на волю. Под залог. За взятку. Намекали, что взяточники — крупные милицейские чины, генералы.

Фризе подумал об убитом председателе телерадиокомпании Паршине. Вспоминал ли он о бедном, замордованном, задыхающемся без глотка чистой свежей информации телепотребителе? Может быть, презрительно кривил губы: так тебе и надо, ты все это заслужил!

Ты имеешь правителей, которых сам выбрал.

Ты отдаешь голоса тем, кто, сомневаясь в твоих умственных способностях, лжет тебе изо дня в день.

Тем, кто тебя ограбил, ты несешь последние деньги.

Идешь к тому, кто обворовывает тебя каждый день в ларьке, в магазинах с лихими, но непонятными названиями, торгующих красивыми ядовитыми товарами.

Понимал ли убитый председатель, каким опасным, обоюдоострым оружием он владеет? Или они были сами по себе — председатель и телерадиокомпания, во главе которой он стоял? Многоликая, самодостаточная, опутанная сетями спонсоров, рекламодателей, учредителей и потому неуправляемая, компания жила сама по себе. А председатель — сам по себе. Представительствовал, ездил за границу, подписывал документы, которые ничего не значили. Брал взятки. Нет, в этом Фризе уверен не был. Мало ли что наговорил помощник Паршина! Ведь он ненавидит даже мертвого шефа.

Если бы Фризе мог представить себе, что в наше время убивают просто из зависти и ненависти, в списке подозреваемых рядом с фамилией Анатолия Петровича он поставил бы цифру 1.

Фризе вспомнил латинскую пословицу: «mors omnia solvit» — «смерть решает все вопросы».

«И ставит новые»,— подумал он.

От улицы Коперника через сквер двигался Горбунов. Шел быстро, засунув левую руку в карман, а правой размахивал, как солдат на параде. Широкоплечий, массивный, он почему-то очень сутулился. Как будто хотел выглядеть понезаметнее.

Они нашли пустую скамейку и Фризе подробно рассказал о Зигмунде. Горбунов слушал молча, не переспрашивая, не перебивая. Только после того, как Владимир, вспомнив свою беседу с Рамодиным, сказал, что коллеги пытаются ему помочь, крепко выругался:

— Карьерист этот Рамодин! Готов подполковнику задницу лизать.— Он свел указательный и большой пальцы, почти не оставив просвета.— Вот настолечко ему не верю!

«Ты у меня, голубчик, тоже большого доверия не вызываешь,— хотел сказать ему Фризе.— А я вот пытаюсь тебе помочь».

Горбунов распрощался и двинулся к троллейбусной остановке. Крупный, сутулый, он вызывал у Владимира чувство жалости. Подъехал троллейбус, ярко освещенный внутри и почти пустой. Майор вошел в троллейбус, сел на первое попавшееся сиденье, посмотрел в окно. Заметив Фризе, помахал рукой.

Когда троллейбус скрылся в темноте, Владимир отправился на улицу Коперника. Попытаться еще раз дозвониться в сорок шестую квартиру.

Он пересек сквер и был уже напротив дома, когда из знакомого подъезда вышел Грустилин. Он секунду помедлил, оглянулся по сторонам и, перейдя улицу, двинулся по пустынному тротуару в сторону метро.

Владимир пошел следом. У него появилось желание догнать Анатолия Петровича, попытаться застать его врасплох, спросить, уж не к Алле ли Кушелевой приходил он в гости. И посмотреть на его реакцию. У Фризе не было сомнения, кто из жильцов интересовал Грустилина. Почему же вчера помощник готов был поклясться, что не имеет понятия, зачем сюда приезжал его покойный шеф?

Поравнявшись со служебными помещениями цирка, Грустилин замедлил шаг. Повинуясь внезапному порыву, Фризе спрятался за угол. Анатолий Петрович оглянулся, сунул руку в карман и, достав что-то, бросил в огромный мусорный бак, стоявший наискосок от служебного входа. И пошел дальше.

Он мог бросить все что угодно: пустую коробку от сигарет, смятый листок бумаги с адресом, обертку от жевательной резинки. В девяноста девяти случаях из ста выброшенный предмет мог оказаться для Фризе абсолютно бесполезным. Но Владимир был педант. Из ста возможных он всегда старался выяснить все сто.

Проводив взглядом Грустилина, слившегося с толпой на Ломоносовском проспекте, Фризе зашел в подъезд цирка. Ему не стоило большого труда уговорить пожилого охранника, и тот одолжил Владимиру мощный электрический фонарь. Правда, под залог паспорта.

Превозмогая чувство брезгливости и тошноту, Фризе долго копался в мусоре. Пока, наконец, не отыскал связку ключей на красивом брелоке. Ключи были явно от квартиры. И Владимир догадывался от какой. А брелок выглядел ценным раритетом — бронзовое кольцо, в котором заключался танцующий многорукий Шива.

СМЕРТЬ СНИМАЕТ ВСЕ ВОПРОСЫ?

Ровно в девять утра Горбунов приехал в прокуратуру. Кабинет Мишина был еще закрыт, но когда майор направился в туалет покурить, Вилен Тимофеевич окликнул его у лифта:

— Павел Федорович! Как хорошо, что вы уже здесь.

Спрятав приготовленную сигарету назад в пачку, майор пожал протянутую руку и поплелся вслед за начальством.

На этот раз Мишин усадил майора в удобное кресло перед журнальным столиком. Открыл сейф ьи долго перебирал в нем бумаги, пока, наконец, не нашел то, что надо,— тоненькую серую папочку, на обложке которой не было ничего написано. Только номер.

— Как жизнь, Павел Федорович? — спросил Мишин, усаживаясь в кресло напротив майора. Папочку он положил на стол рядом с собой. Лицевой стороной вниз.

— Хреново, Вилен Тимофеевич. Извините за грубость.

— Откуда такой пессимизм?

— Мало радости, когда на шее камень висит.

— Не надо лишнее вешать. Оснований нет. Расследование мы закончили.— Мишин перевернул папочку, раскрыл. Медленно перелистал подшитые в неё страницы. Выдернул одну, исписанную крупным корявым почерком. Майор узнал свою объяснительную записку.

Мишин положил страничку рядом с собой, а папку подвинул Горбунову.

— Прочтите все внимательно, а потом напишите новую объяснительную записку. Так, чтобы она не расходилась с выводами следствия. И мы закрываем дело. Сегодня же вам вернут удостоверение и оружие. А вы говорите — дела хреновые! Нормальные дела, майор.

Мишин поднялся с кресла, подошел к письменному столу. Взял несколько листков чистой бумаги. Положил перед Горбуновым.

— Читайте, читайте, майор. Не торопясь, внимательно. Потом возьметесь за объяснительную. Авторучка имеется?

— Есть.

— Отлично. А я пока тоже чтением займусь. Дел поднакопилось. И чайку сейчас попрошу нам принести.

Майор раскрыл папку. Первым был подшит листок по учету кадров. Горбунов прочитал его очень внимательно, испытывая при этом странное чувство, как будто все приведенные здесь данные относятся не к нему, а к какому-то другому человеку. Особенно внимательно он изучил графу «поощрения и взыскания». Горбунов уже забыл о том, сколько благодарностей и премий получил он за время службы в уголовном розыске. «Благодарность за проявленное мужество при задержании группы квартирных воров». Еще одна благодарность — за участие в освобождении заложников. Майор вспомнил — это было в прошлом году, зимой. Заложников, молоденькую мать с дочкой, похитители держали в холодном сарае. Опоздай тогда они с капитаном Рамодиным еще на несколько часов, заложники могли бы замерзнуть. В тот раз один из бандитов прострелил Горбунову новую пуховую куртку. Узнал он об этом только дома, когда, вернувшись с дежурства, снимал ее в прихожей. Увидел дырку и очень расстроился. Еще бы! Истратил на куртку половину зарплаты.

В анкете были записаны все взыскания. Ничего не забыли. «За нарушение устава внутренней службы, выразившееся в избиении задержанного...» Да он и сейчас бы отметелил тех прыщавых подонков с Кавказа, которые целый месяц держали на цепи в арендованной квартире семнадцатилетнюю девчонку и изо дня в день насиловали ее!

Он сердито перелистал страницы и принялся за чтение машинописного документа под названием: «Итоги служебного расследования по факту применения огнестрельного оружия старшим оперуполномоченным уголовного розыска майором Горбуновым Павлом Федоровичем».

«Ну нет,— подумал он.— Итоги подводить рановато. Не удастся все свалить на мента! Не я буду переписывать бумажки, а вы, гражданин прокурор. Как говорится, по вновь обнаруженным фактам».

Но по мере того, как он вчитывался в прокурорскую записку, решимость майора шла на убыль. Логичность и убедительность, с какой излагались факты, завораживала и подавляла.

«...Из подъезда, вслед за группой находившихся во всероссийском розыске участников преступной группировки «Ореха» (Семена Александровича Филатова, бывшего директора акционерного общества «Айсберг»), вышел неизвестный. На приказ подполковника Якушевского остановиться, неизвестный не отреагировал и бросился бежать. Подполковник приказал старшему оперуполномоченному майору Горбунову П. Ф. задержать гражданина. Несмотря на требование майора и на предупредительный выстрел из автомата вверх, неизвестный не остановился и попытался скрыться на автомашине «БМВ». Тогда Горбунов произвел выстрел на поражение — по ногам неизвестного. В этот момент неизвестный резко наклонился за оброненными ключами от автомашины, и пуля попала ему в сердце...»

«Вот, оказывается, как было дело! — восхитился Горбунов.— Ловко, ловко. Бумага — она все терпит. А слова объяснят любую небывальщину».

Он принялся читать дальше, но никак не мог сосредоточиться. Не врубался. Все время мысленно возвращался к только что прочитанному. У майора было такое ощущение, как будто он упустил что-то очень важное. Тогда он вернулся к началу документа и еще раз внимательно перечитал. Вот оно! «Несмотря на предупредительный выстрел из автомата вверх...» А они-то вчера с этим частным детективом Фризе решили, что свидетельство Зигмунда, а главное, его простреленная шапка снимут все обвинения! Как же, снимут! В документе все предусмотрено! Даже один выстрел — предупредительный — вверх. А раз так — никакого противоречия! И простреленная шапка ничего, кроме предупредительного выстрела, не доказывает. Свидетельство Зигмунда о том, что стреляли из дома напротив,— это лишь слова! Слова психически больного человека. Он, Горбунов, и сам убедился — с чердака не стреляли.

Майор шумно вздохнул и перевернул страницу.

— Что-нибудь не так? — спросил Мишин.

— Изучаю, изучаю.— Горбунов внезапно почувствовал такое напряжение, что у него зашумело в ушах. Он никак не мог решить, что делать.

Фризе — фамилия-то какая чудная! — вчера говорил убедительно. Да и самому майору не хотелось брать на себя убийство. Но можно ли этому Фризе довериться? Существует ли этот чертов свидетель с простреленной шапкой? Как поведет себя Фризе, если на него тоже надавит какой-нибудь Мишин?

Чтобы все это выяснить, требовалось время, а его не было. Надо решать сейчас, не сходя с этого места.

Нет уж, не будет он ввязываться в такую канитель! Мишин сейчас вот какой обходительный, а скажи что поперек? Можно прямо отсюда в следственный изолятор загреметь. Частному детективу хорошо, вольная птица, а старшему оперу еще служить и служить до пенсии.

Горбунов дочитал записку, расписался в графе «с настоящим ознакомлен». Потом быстро настрочил новую объяснительную записку. На этот раз у него получилось значительно короче и складнее. И почерк не выглядел таким корявым.

Вилен Тимофеевич внимательно прочитал записку и одобрил. Старую он скомкал и, положив в напольную бронзовую пепельницу, поджег.

Когда они пили чай, принесенный молодой стройной девицей, Горбунов отмяк душой, расслабился. Так нередко бывает, когда принимаешь решение, означающее конец неопределенности.

— А знаете, Вилен Тимофеевич, между нами говоря,— майор виновато улыбнулся.— Не для протокола. Нашелся свидетель, который утверждает, что видел настоящего убийцу.

— Да?

— Да. Стоял в тот момент на балконе. Я ему, оказывается, шапку прострелил. Я случайно узнал. От одного частного детектива.

— Ерунда. Вы сами хорошо это знаете. И кто же этот частный детектив?

— Фризе. Помните, в прошлом году на Николиной Горе бандитов пострелял?

— Не слыхал. Сейчас столько развелось доморощенных сыщиков! Только мешают.

— Это правда,— согласился Горбунов.— Хрен с ним. Как говорил Чапаев — забыть и наплевать.

Когда майор ушел, Мишин перечитал его объяснительную записку. Хотел исправить две грамматические ошибки — слово «увидел» старший оперуполномоченный писал с двумя «и»,— но удержался. Подумал: «Можно исправить ошибки в словах, а ошибки в поступках исправлению не подлежт.— И усмехнулся.— Начинаю мыслить афористично».

Потом он снял трубку местного телефона и набрал несколько цифр. Глуховатый, больной голос сказал:

— Подождите минутку.

Стукнула трубка, положенная на стол. Наверное, абонент заканчивал разговор по другому телефону. Мишин слышал, как он нетерпеливо бросал: «Да, да! Только так! Да!»

Наконец он закончил разговор и переключился на Мишина:

— Это ты, Вилен?

— Я, Валерий Тарасович. Только что закончили.

— Вы там в шахматы, что ли, играли? Полдня прошло.

— Да нет, за полтора часа управились. Вел он себя разумно, все подписал.

— Объяснительная записка?

— Переписал. Число поставил старое. Без подсказки.

— Толковый мужик. Значит, все без осложнений. Можно собирать пресс-конференцию?

— Осложнения есть. Он все-таки не утерпел, сунул нос куда не следует. И встретил одного нашего знакомого. Помните дело «Харона»?

— Еще бы!

— Этот голубок занимается нынче частным сыском. И якобы нашел свидетеля, разрушающего версию следствия.

— Бред! — прервал Мишина Валерий Тарасович.— Это не моя забота. Майор подписал — я сегодня в восемнадцать часов собираю пресс-конференцию. Хоть одно дело надо закрыть. А тебе спасибо. Хорошо поработал.

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

Днем Фризе позвонил по «секретному» телефону, оставленному Рамодиным. Судя по первым цифрам, приятельница капитана жила где-то недалеко. Женский, почти детский голосок отозвался сразу.

— Але!

— Здравствуйте. Это Вера?

— Это Вера.

— А это дядя Володя.

— Здрасьте, дядя Володя.— Похоже, знакомая капитана Рамодина не чуралась шутки.— Мне про вас говорили.

— Надеюсь, только хорошее?

— Хорошее. Хорошие люди стараются говорить только хорошие слова. Что передать?

— Передайте, что один хороший человек срочно ждет встречи с другим хорошим человеком.

— Будет исполнено. Привет! — Вера положила трубку.

Только закончив разговор, Фризе пожалел, что не позвонил Вере из автомата. Наверное, не зря Рамодин так увлекся конспирацией. Но, во-первых, у него не было жетона, во-вторых, он очень проголодался и устал, в-третьих, поток неожиданной информации, свалившейся на него за последние дни, притупил бдительность.

Чтобы поскорее утолить голод, Владимир приготовил спагетти, потер сыру, достал кетчуп.

Несколько секунд постоял в раздумье перед раскрытым холодильником, решая, доставать ли запотевший графинчик с водкой или ограничиться пивом. Поставил на стол и то, и другое.

В это время в дверь позвонили. Звонок был резкий, нервный. Заглянув в смотровой глазок, Фризе узнал Рамодина.

— А конспирация? А секретность? — поинтересовался Владимир, впуская капитана в прихожую. Ему показалось, что гость порядком на взводе.

— Почувствовал, что вас припекает, и поторопился.

— А у меня мелькнула мысль: уж не дежурите ли вы у подъезда? Не успел телефонную трубку положить — капитан тут как тут. Я пообедать собрался. Присоединитесь?

— Еще как присоединюсь. Если бы вы знали, от какого борща я ушел.

— У вашей Веры борщ — коронное блюдо?

— А вы откуда знаете?

— Сказал наугад. У каждой любовницы есть свое коронное блюдо.

— Ну, знаете! Провидец. Можно где-нибудь руки помыть?

Фризе отвел капитана в ванную, зажег свет. Покосившись на выложенные черным кафелем стены, Рамодин открыл кран, ухмыльнулся криво:

— Скажите, пожалуйста, у вас даже мыло есть.

Пока он мыл руки, Владимир подогрел спагетти, добавил еще сыра. Разыскал в холодильнике кусок старой копченой колбасы. Нарезал ее тонкими ломтиками, разложил веером на тарелке. Сверху украсил пучком укропа и кинзы. Но стол все равно выглядел бедновато. А Владимир не любил скудный стол, когда в дом приходили гости. Но все остальные продукты надо было варить или жарить. А сначала разморозить. Фризе достал несколько баночек с соусами. Потом по-братски разделил спагетти.

— Какой стол! — с порога восторженно воскликнул капитан. Но когда сел и пригляделся, его восторги поубавились.— Баночки, баночки... Все красивые, правда.

— Извините. В следующий раз приготовлю борщ.

— Да ладно! — Капитан, не дожидаясь приглашения, разлил пиво и водку.— Я уже и сам вас разыскивать стал. Вчера звонил несколько раз. Ну, приняли?

Он выпил сначала пиво, потом водку. Положил в рот веточку кинзы. Разжевал.

Фризе смотрел на капитана и удивлялся. Что это он себя так уродует, брея круглую, как шар, голову? Приятный малый, удлиненное, худощавое лицо, большие голубые глаза... и голова, как биллиардный шар! Ни дать, ни взять — молодой Юл Бриннер.

Уловив направление мыслей хозяина, Рамодин погладил ладонью голову и спросил:

— Удивляетесь? Поспорил с одним сослуживцем,

кто станет чемпионом. Я поставил на «Спартак» и третий месяц хожу бритый. К зиме отращу. Так какие новости?

— А у вас?

— Вы же меня от борща оторвали! Кстати, а не перейти ли на «ты»? По-моему, одна попытка была?

Фризе согласно кивнул.

— Подписано.

— Давай выкладывай.

— Ваш опер в Паршина не стрелял.

— Вот новость! — скривился капитан.— Я ж тебе говорил!

— Есть свидетель. И существует вещественное доказательство — простреленная шапка. Горбунов палил вверх. Свидетель говорит — стреляли с чердака. Но, похоже, врет. Что-то скрывает.

Владимира удивило, что Рамодин слушает его с каким-то отстраненным выражением лица.

— На чердаке мы с майором и познакомились. Плечо до сих пор болит.

— Вот дуролом! — Только сейчас в глазах капитана появился проблеск заинтересованности.— Поперся искать доказательства? И ты тоже! А все твердил — поручение вдовы! Поручение вдовы!

— Да. И я, как видишь, поперся. И встретил майора.

— Как он только тебя там не пристрелил?! Только потому, что табельный пистолет отобрали.

— Он у вас человек изобретательный. Умеет управляться и без пистолета.— Фризе пошевелил плечом и поморщился от боли.— Короче — расстались мы мирно. Я рассказал ему про свидетеля, про шапку. Пообещал представить письменные показания.

— Пустое дело!

— Почему?

— Сегодня утром Паша побывал в Генеральной прокуратуре. Написал подробный рапорт с признанием. Это совпало с выводами служебного расследования и самой прокуратуры. Вердикт — наш опер действовал по инструкции, в рамках закона. Признан невиновным. Допущен к дальнейшему прохождению службы. Удивлен?

Фризе промолчал.

— Сегодня вечером пресс-конференция. Журналистам и озабоченному населению все подробно доложат. Так, мол, и так. Неблагоприятное стечение обстоятельств. Неприятно, что милиционер застрелил известного теледеятеля, но действовал он по закону. И главное — неизвестный наемный убийца не гуляет по нашим слабоосвещенным улицам. Его не было!

— Но ведь это опасно...— Фризе хотел объяснить, что не сейчас, так в будущем майор может заговорить, но промолчал. Рамодин не дурак. Сам должен понимать. А вот на что надеется Горбунов?

— Да, милицейская служба — дело опасное,— отвечая на невысказанную мысль собеседника, невесело произнес капитан.— Статистику знаешь? Сколько за прошлый год милиционеров погибло? — Он снова разлил пиво и водку. А к спагетти так и не притронулся. На этот раз закусил ломтиком колбасы. У Владимира появилось подозрение, что борщ, приготовленный Верой, капитан все-таки успел съесть.

— Значит, ставите крест?

— На Горбунове?

— На деле! Стрелочник найден, убийца гуляет. Так?

— Правильно понимаешь. Сечешь! — Пиво и несколько рюмок водки сделали свое дело — Рамодин сильно захмелел и стал похож на буддийского монаха.— Ты знаешь, сколько убийств мы раскрываем? Вот то-то! Все знаешь! А заказных? Раскрываемость — ноль. Просекаешь? И не смотри на меня с укоризной. Ты и сам в прокуратуре горбатился. Да сбежал! Я все знаю! — Он погрозил Фризе пальцем.— Не поладил с прокурором! А где теперь этот прокурор? В Генеральной прокуратуре. Вот! Он что же, там честным стал? Что у нас за страна? Страна говорунов. О преступности все говорим, говорим. Создаем комиссии, комитеты, туалеты... Тьфу, не туалеты. Ну, неважно!

Капитан снова налил водки. Выпил, не дожидаясь хозяина. С неприязнью посмотрел на остывшее спагетти и взял ломтик колбасы.

— А как только кто-нибудь всерьез расшевелит преступный мир — его побоку. И остается капитан Рамодин один на один со всей этой хеврой! Ну, ну, не сердись! Еще и частный шпик господин Фризе. И подполковник товарищ Якушевский. Володя, я тебе говорил, сколько у нас стукачей? Говорил! Я к тебе с полным доверием! Стучат туда и сюда. Думаешь, в твоей прокуратуре нет стукачей? Побольше нашего. Недавно в Генпрокуратуре признались — кой-кого из аппарата пришлось загрести. Да ладно! Все мура! Вот Верка... Таких баб у тебя не было, хоть зарежься. Только каждый раз плачет. Не люблю!

Он выпил еще рюмку, уже не закусывая. Провел ладонью по лицу и взглянул на Фризе голубыми трезвыми глазами.

— Спасибо, Владимир Петрович. Пора в свою ментовку. Шеф, наверное, соскучился. Кстати, он меня и попросил с тобой еще раз встретиться. Как говорится, спасибо за понимание, но в связи с тем, что больной умер, помощи больше не требуется.

— А мне не поможешь?

— Спрашиваешь! Чего надо?

— Кто-то «хвоста» за мной пустил.

— Это бывает.

— Не вы?

— На фига ты нам сдался? Если только откуда повыше?

— Не мог бы ты узнать?

— Что за «хвост»?

Фризе «нарисовал» портрет блондина. Назвал номер «Москвича».

— Вас понял! — Рамодин поднялся.— Не теряй надежды, сыщик!

«Ну и ладно, хозяин — барин,— подумал Фризе, закрыв за капитаном дверь.— Не захотел Горбунов конфликтовать, взял на себя вину — ему виднее. А мне, по крайней мере, не надо к Зигмунду ехать. Уговаривать».

Рассказывать капитану о визите в квартиру Кушелевой Фризе не стал. Если бы участковый, которого вызвала Лида, серьезно отнесся к делу, Рамодин бы уже знал об этом. Но капитан промолчал. Помолчит и он. Молчание — золото.

Не надеялся Фризе и получить информацию о том, кому понадобилось за ним следить. Подвыпивший Рамодин даже не записал номер машины, на которой разъезжал блондин.

— Гражданин Фризе Владимир Петрович. Ученая степень — кандидат наук. Работал в прокуратуре Западного округа, холост...

Следователь бубнил, не отрывая глаз от лежащей перед ним бумажки. Он был маленький, плотный, с лицом красноватого оттенка и реденькими сивыми волосиками на голове, через которые просвечивала розовая кожа.

— Все верно? — Сощуренные глаза наконец-то оторвались от бумаги и нацелились на Фризе.

Владимир никак не мог избавиться от чувства неприязни, охватившего его, как только он увидел этого человека. Он не мог понять, откуда такое предубеждение. Влажная мягкая ладонь, которую Лилеев протянул при знакомстве? Глаза-щелочки, цвет которых Фризе так и не смог определить? Наверное и то, и другое. И главное — гримаса чуть оплывшего лица: то ли оно приветливое, то ли — насмешливое? А может быть даже презрительное?

«Это я недоспал и злобствую»,— решил Фризе. Лилеев позвонил ему в восемь утра и попросил к девяти быть в прокуратуре. А Фризе любил утром поспать.

— Все верно. Если вы еще скажете о том, для чего пригласили меня, будет совсем хорошо.

— Скажу, скажу. Какой нетерпеливый! Как будто сами не работали следователем, не знаете всех наших хитростей.

Фризе посчитал за благо помолчать. Если сегодня в меню хитрости, милости просим.

— Владимир Петрович, мне хотелось бы знать о том, как вы провели вчерашний день.

— Ни больше, ни меньше?

— Вспомните, пожалуйста, где были, с кем встречались.

— Вам все расписать по минутам? Или по часам?

— Ирония неуместна. Постарайтесь вспомнить все.

— И не надейтесь, Олег Андреевич. Ничего вспоминать не буду.

— Вот как?! Я надеялся на сотрудничество.

— Пока вы мне не скажете, в связи с чем меня пригласили, никакого сотрудничества не будет.

— Вам придется ответить. Речь идет о преступлении.

— Если рано утром следователь приглашает тебя в прокуратуру, об этом можно догадаться.

— Я могу вас задержать. Это вам понравится?

— На сутки?

— Вы забыли об указе Президента. Будете сидеть десять суток. И плакали ваши денежки — не закончите свое расследование в срок.

«Вот даже как! — удивился Фризе.— Он знает про мое расследование?!»

— Сидеть, так сидеть. А расследование я закончил.

— Я не имел в виду что-то конкретное.

Владимир уловил в голосе следователя легкое раздражение. Наверное, Лилеев подосадовал на то, что ненароком проявил свою осведомленность.

— Одно расследование закончили, другое начнете. Кстати, я чувствую себя виноватым перед вами — так рано позвонил!

— Я с вами готов сотрудничать,— сказал Владимир.— Мы сэкономим время, если вы скажете, какие часы вас интересуют.

Следователь долго молчал, уставившись в свои бумаги. Тонкие губы кривились, пока, наконец, не сложились в улыбку:

— Вы можете лишиться лицензии.

— А вы моих показаний.

— Ладно. Облегчу вашу участь. Меня интересует, где вы были с четырнадцати до восемнадцати.

Фризе вспомнил — в это время к нему домой приходил капитан Рамодин. Знать об этом Лилееву не следовало. А если за домом велось наблюдение? Блондин в сером «Москвиче» или какой-то другой шпик мог ошиваться недалеко от подъезда.

— В эти часы я находился дома. Обед, послеобеденный сон, составление отчета о последнем расследовании.

— Вы были один?

— Один.

— Кто-нибудь из соседей по дому видел вас в эти часы?

— Этого я не помню. Может быть, помнят соседи?

— Мы проверим.

— Все так серьезно?

— Очень серьезно. Кто-нибудь звонил вам в эти часы?

— Пожалуй, нет. Когда я ложусь после обеда поспать — телефон выключаю.

— Жаль. А какое дело вы ведете?

— Вдова Ореста Паршина поручила мне небольшое расследование.— У Фризе не было желания посвящать в свои дела следователя, но и терять время на препирательство он не хотел.— Я выяснял, у кого в гостях побывал ее муж.

— Выяснили?

— Да.

— И у кого же?

— Без разрешения клиентки сказать не могу. Да и зачем вам? Дело очень личное.

— Любовь? — глаза-щелочки хитро блеснули.

— Как говорят дипломаты, никаких комментариев.

— Вы побывали во многих квартирах?

— В тех, куда меня пускали. С некоторыми жильцами разговаривал через стальные двери.

— И люди идут на контакт с частными детективами?

— А почему бы и нет? Многие делают это из любопытства. Как-никак, новое явление в нашей жизни. И не так опасно, как со следователем прокуратуры.

— А вы философ. В каких квартирах вы побывали?

Наконец-то Владимир понял, чем вызван интерес прокуратуры к его персоне. Не исчезновение Аллы Ивановны их волнует! Гоша-Зигмунд!

— Вас интересует конкретная квартира?

— Отвечайте на вопрос! — Следователь начинал закипать.

— Значит, трагедия все-таки произошла,— задумчиво произнес Владимир.

— Произошла!

«Ну вот ты и попался»,— Фризе с трудом удалось погасить улыбку.

— В чем же я виноват? Алла Кушелева пропала в день убийства председателя телерадиокомпании. В то время я даже не знал о том, что существует улица Коперника. Вдова обратилась ко мне позже.

— Какая еще Кушелева?

— Из сорок шестой квартиры. Я позвонил в нее несколько раз. Никто не отвечал ни днем, ни вечером. А свет горел постоянно,— соврал Фризе.— Это вызывало тревогу. Я заглянул в ЖЭК.

— В РЭО,— автоматически поправил Лилеев. Он выглядел мрачно и неуверенно.

— Правильно, в РЭО. А какую трагедию вы имели в виду?

— Скворцов, психически больной мужчина, покончил жизнь самоубийством. Выбросился с балкона. На следующий день после того, как вы его допрашивали. Вам хорошо известно, что делать это можно только в присутствии психиатра. Мать Скворцова показала, что после вашего визита сын сделался очень неспокойным. Буйным! Вас ждут большие неприятности.

— Вы не дадите прочитать показания Скворцовой?

— В свое время. А сейчас прошу ответить на все мои вопросы. Вы были в этой квартире?

— Да.

— О чем вы расспрашивали Скворцова?

— Он не показался мне психом. Говорил вполне разумно.

— О чем вы его расспрашивали?!

— О том, не встречал ли он в своем доме Паршина?!

— Его ответ?

— Встречал. Несколько раз.

— Он видел, к кому приходил Паршин?

— Видел.

— К кому?

— Я же сказал — к Алле Кушелевой.

— Ничего вы мне не сказали! — Лилеев что-то записал.— О чем вы еще говорили со Скворцовым?

— У Скворцова большие претензии к милиции.

— Почему?

— Когда застрелили Паршина, ему тоже досталось. Наверное, оперативник сделал предупредительный выстрел вверх, а Скворцов стоял на балконе. Ему прострелили шапку.

— Вот видите! Молодой мужчина летом носит шапку, а вы утверждаете, что он не псих!

— Вас послушать — у нас каждый второй псих. Обращали внимание, сколько людей на улице разговаривают сами с собой? Одни бреют головы, другие носят косички, третьи напяливают шапки летом. Они все психи?

— Да хватит лекции читать! Вы просили сохранить простреленную шапку. Зачем она вам?

— Не мне. Вам. Это же вещественное доказательство! Свидетельство того, что оперативник действовал по уставу. Первый выстрел вверх! Предупредительный.— «Что же это за государство такое,— с горечью подумал Фризе,— в котором до истины приходится докапываться с помощью вранья? Второй час сидим мы тут и навешиваем друг другу на уши лапшу».

— Какие еще вопросы вы задавали Скворцову?

— Никаких.

— А беседа с матерью? О чем?

— Мы обсуждали третью авентюру «Песни о Нибелунгах». Скворцова — историк.

— И в результате довели мужика до нервного срыва. Не забыли статью 72 УПК. «Не может допрашиваться в качестве свидетеля лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков неспособно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания».

— Повторяю — он не показался мне душевнобольным. Об этом я узнал от его матери. Когда уходил.

— Вот видите?! Узнали все же!

Фризе промолчал.

— Хорошо, закончим на этом.— Лилеев посмотрел на часы, торопливо выключил магнитофон.— Хочу предупредить вас. Уголовное дело о самоубийстве Скворцова не закрыто. И если всплывут дополнительные обстоятельства, а вы опять откажетесь сотрудничать с нами — плакала ваша лицензия. Мы знаем о вас больше, чем вы думаете. И если бы товарищ Мишин не был уверен в вашей порядочности, сидели бы вы в КПЗ суток десять. А пока — прощайте.

Фризе шел по Пушкинской улице в плотной толпе прохожих. Несмотря на сентябрь, день был жаркий. На некоторых мужчинах были рубашки с короткими рукавами. Только крутые и подкрученные не расставались со своими широкими пиджаками. То ли держали фасон, то ли просто скрывали под одеждой оружие. Женщины, преобладавшие в толпе, придавали ей живописность и пестроту гигантского цветника. На Фризе накатывали волны дорогого французского парфюма, дешевого сингапурского макияжа и острого запаха пота. Каждая третья дама тащила за собой сумку на колесиках или объемистый пакет с только что купленным или предназначенным для продажи барахлом.

Фризе давно обратил внимание на то, как много появилось на улицах Москвы прекрасно одетых женщин. Большинство из них были совсем молоды. Но много попадалось и сорокалетних. И как бедно стали выглядеть на их фоне пожилые! Они несли на себе печать заброшенности. Владимиру казалось — доносят они однажды свою старую одежду и обувь и уже никогда не выйдут на улицу, останутся дома, у своих допотопных телевизоров. И умрут с голода, так и не поняв, чем же тампоны «Тампакс» лучше тампонов «Котекс».

Наверное, погибший председатель телерадиокомпании Паршин разбирался в этом хорошо. И главное— умел извлекать из рекламы тампонов пользу. Но с тех пор, как Владимир познакомился с Юлей, криминальная аура председателя поблекла, стушевалась в его глазах. Частички обаяния и чистоты, которые излучала дочка, попали и на отца. Фризе понимал, что это нелогично, беспринципно, но ничего с собой поделать не мог. Ведь он даже разыскал предназначавшиеся Юле деньги! Деньги, происхождение которых, по меньшей мере, было сомнительно. Он был рад, что деньги не достанутся девушке. И ее матери тоже.

Фризе шел в толпе, равнодушно отмечая с высоты своего роста бесчисленные плешки молодого поколения, и в который уже раз думал о том, что после смерти Паршина никто никогда не станет ворошить вопрос о том, как покойный «зарабатывал» эти сотни тысяч долларов.

Он шел и вспоминал эпизоды из своей следовательской жизни. Первые годы по наивности он списывал проступки кое-кого из коллег на непрофессионализм. На лень.

Исчез из морга труп неопознанного бандита? Бывает. Ошиблись.

Оборвалась ниточка к его главарям? Какая досада!

Стерли отпечатки пальцев с пистолета? Небрежность.

Прокурор берет взятки? Плата за консультации частной фирме.

«Чего это я нагнетаю?— остановил себя Фризе.— Еще чего доброго испугаюсь! И начну у себя на Николиной Горе розы выращивать. Для Юлиного магазина».

Он не видел выхода.

Задумавшись, он чуть было не проскочил мимо своей машины. А когда заметил, так резко повернул к ней, что налетел на тележку с овощами. Тугой кочан

капусты, свекла, морковь раскатились по пыльному асфальту.

— Ой! — вскрикнула крашенная хной старуха, катившая тележку. И в этом «ой» было столько растерянности и обиды, что Фризе стремительно присел на корточки и принялся сгребать раскатившиеся овощи в кучу.

И в это время услышал, даже не услышал, а почувствовал тугой щелчок. Так стреляет оружие с глушителем.

Большой кочан капусты подскочил и разлетелся по асфальту белыми перьями. Как будто угодил в могучую шинковку.

— Ты что же, зверюга, с моей капустой сотворил?!— взвизгнула бабка, и Фризе решил, что сейчас она вцепится в него, начнет волтузить.

— Извини, бабушка! — сказал он тихо и протянул пятитысячную купюру.

Никто из прохожих так и не понял, что же произошло. Шум моторов, гул толпы, бодрые ритмы «Любэ», доносившиеся из ларька, торгующего компакт-дисками,— все эти звуки улицы перекрылись в момент выстрела надрывными гудками противоугонной сигнализации, сработавшей на одном из автомобилей.

Фризе посмотрел на дом, из которого, как ему показалось, стреляли. Это было затянутое кусками зеленого холста здание Музыкального театра. В нем уже давно шел ремонт.

Машина — новая черная «Волга» — продолжала тревожно гудеть. Владимир постарался запомнить номер. И тут же подумал: это ничего не даст. Наверное, хозяин машины не подозревает о том, как ее использовали. Сообщник стрелявшего качнул «Волгу» или открыл замок, увидев, что Фризе приближается к своим «Жигулям».

Озираясь на задираемые ветром полотнища, Владимир открыл дверцу своих «Жигулей» и быстро, насколько позволял рост, юркнул на сиденье. Мотор завелся мгновенно. Бросив взгляд в зеркало заднего обзора, он нажал на газ.

Крашеная бабка все еще ползала на коленях по асфальту, собирала капустные листья покрупнее. Шумная и равнодушная толпа катила по тротуару, не обращая на нее никакого внимания.

Про свою затею «умыть» запуганных ментов и самому разобраться с убийством Паршина Фризе забыл, едва распрощался с капитаном Рамодиным в лесу под Раздорами. Мелькнула амбициозная мыслишка и угасла. Он не ожидал, что выполнение поручения вдовы займет так много времени.

И вот теперь, когда лишь чудо в лице старухи с тележкой спасло его от пули, Владимир вспомнил о своем внезапном порыве. Да, это была вспышка бахвальства. Бахвальства перед одним-единственным свидетелем—перед самим собой—и потому ненаказуемого строго. Прошло несколько дней, и та же мысль уже не казалась ему бахвальством. Теперь это был единственный способ выжить. Если серьезные люди начинают охоту, патронов они не жалеют.

Владимир пришел к твердому убеждению, что на него устроил покушение тот же человек, который убил Паршина. Почувствовал, что сыщик дышит ему в затылок и спустил курок. И будет продолжать охоту, если Фризе его не найдет. Киллер — и тот, который убил, и тот, который промахнулся,— необязательно один и тот же человек. Наемников может быть много. Заказчик один. Не будет заказчика — исчезнут, растворятся среди добропорядочных обывателей наемники. Как это ни противоестественно, у них, у убийц, нет зла к своим жертвам. Им платят — они выполняют работу.

Фризе достал из письменного стола свою любимую трубку, пачку «Амфоры».

Давно он не курил. Пожалуй, с весны. Наблюдая, как плывут по кабинету голубые колечки дыма, он еще и еще раз прокручивал в голове происшествие на Пушкинской. Пытался трезво оценить свои шансы.

Покушавшийся знал, что Фризе придет на допрос в Генеральную прокуратуру. Знал когда. Иначе трудно бы было за полтора часа выбрать удобное и безопасное место для стрельбы. Наверное, он был не один. Второй ждал, когда он появится из ворот прокуратуры. И сообщил об этом стрелку по радиотелефону. Потом устроил так, чтобы сработала сигнализация у заранее облюбованной машины. Наверное, этот человек и увез киллера с места покушения. Значит, где-то стояла и его машина. А может быть, в его «Волге» и сработала сигнализация? Ведь это куда проще, чем искать подходящую чужую тачку, выяснять, есть ли у нее сигнализация. И какая?

С чего же начать? Никогда в жизни Фризе не чувствовал себя таким беспомощным. Что он уже выяснил? Пока у него имелись одни подозрения. Едва заметные пунктиры.

В прежние времена, работая в прокуратуре, он пустил бы по каждому следу опытного сыщика. А сам, не жалея ни сил, ни времени, допрашивал бы десятки людей, проверял связи Паршина, изучал экономическую деятельность телерадиокомпании.

Сегодня у него не было даже права вести такое расследование. Никто не поручал ему искать убийцу Ореста Паршина. Оставалось только пускать по кабинету голубые колечки дыма и размышлять.

Почему Зигмунд обманул его, заявив, что стреляли из дома напротив? Уже не впервые приходила ему в голову мысль о том, что влюбленный в Аллу Ивановну Кушелеву Зигмунд мог и сам расправиться с «теледядькой». Он видел в нем соперника, а изобретательность и жестокость, с которыми он засадил Владимира в чулан, говорили о многом. Только как к сумасшедшему могла попасть винтовка с глушителем? Или пистолет? У самого Зигмунда об этом уже не спросишь. Расспросить его мать? Ведь Фризе неизвестно, жив ли отец Зигмунда. Кто он? Если умер, не оставалось ли в доме оружие?

Куда подевалась Алла Кушелева? Жива ли? Судя по тому, что слышала секретарша из приемной «Кометабанка», Кушелева разговаривала по телефону с Грустилиным. И он предложил ее встретить. Почему же в последнюю минуту Алла Ивановна решила оставить деньги в банке?

ФОТОГРАФИЯ

Он выбрал «одинокий» автомат и набрал номер «секретного» телефона Рамодина. Трубку долго не брали. Наконец мягкий женский голос произнес:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Вера. Вы сегодня приготовили борщ для капитана Рамодина?

Вера засмеялась.

— Мы приготовили для него кое-что повкуснее.— И сказала в сторону: — Женя, тебя.

И тут же капитанский баритон спросил строго:
— Это кто?
— Фризе. Не очень помешал?
— Я привык. Заскочил вот на пятнадцать минут, и ты тут как тут. Честно говоря, думал, что никогда тебя больше не увижу.
— Ты и не видишь. Можешь ответить на пару вопросов?
— Откуда говоришь?
— С «одинокого» автомата.
— В чем проблема?
— «БМВ» Паршина.
— Ну ты, фрайер! А все твердишь, что этой мокрухой не интересуешься!
— Кто-то должен за вас вкалывать!
— Отчаянный мужик. Излагай.
— Паршин сам водил машину?
— Редко. А в день убийства был за рулем.
— Противоугонная сигнализация?
— Я заглянул — лучше не бывает!
— Что еще ты там заметил?
— Замки не взломаны, не поцарапаны. В салоне полный ажур.
— Как же могли угнать с такой сигнализацией?
— Ты что, тупой? Нам запретили раскручивать это дело. Говорил тебе?
— Говорил.
— Но думать не запретили,— хохотнул Рамодин.— Так вот о чем я подумал — или Паршин забыл включить сигнализацию, или с ним в машине был кто-то еще. Не шофер, не охранник — он их с собой не взял. Этот кто-то, оставшийся в машине, увидел, что за Паршиным погоня со стрельбой, и решил, что напали бандиты. Горбунов же был в штатском!
— И этот кто-то смылся, бросив Паршина?
— После того, как увидел его мертвым.
— Логично. А где нашли машину?
— Рядом. На Ленинском проспекте, у Мосбизнесбанка. Там всегда приличные тачки запаркованы.
— А «пальчики»?
— Фризе! Какие «пальчики»! Тачку забрали на Петровку. Или в прокуратуру. Я даже не знаю точно.
— Не густо,— на всякий случай сказал Владимир, хотя и почувствовал, что капитан был с ним откровенен.
— Чем богаты. У тебя все?
— Чем же тебя сегодня Верунчик порадовала?
— Этот деликатес только для меня. Извини, не приглашаю.
— А про «хвоста» не удалось узнать?
— Удалось.
— Чего же молчишь?
— А ты не спрашиваешь.
— Вот, спрашиваю.
— Отвечаю. Твой блондин на «Москвиче» служит в охране председателя АО «Зебра». Знаешь такого?
— Знаю. Пытался нанять меня для розыска шантажистов.
— Чем ты ему не угодил?
— Наверное, тем, что отказался. Или ростом.
Капитан расхохотался:
— Ладно, темнила! Не забывай! И по сторонам поглядывай. Можешь на меня рассчитывать в случае чего. В свободное от службы время.
Фризе хотел сразу же позвонить Паршиной и взялся было уже снова за трубку, но передумал. Ему надоело торчать в телефонной будке, пропитанной острым запахом мочи и табака. «Вдове можно позвонить из дома,— подумал он.— Это у капитана мания секретности». И еще он надеялся втайне, что трубку возьмет Юля. Уже сутки прошли после их последней встречи, и Владимиру хотелось услышать ее голос.
Но к телефону подошла Полина Викторовна.
— Владимир Петрович! Наконец-то позвонили! Есть новости?
— Новости есть. Завтра представлю полный отчет. А сейчас, если не возражаете, несколько вопросов.
— Может быть, заедете?
— Времени в обрез. Скажите, машину Ореста Михайловича вам вернули?
— Нет. Обещают.
— Второй комплект ключей у вас?
— Владимир Петрович, ваши вопросы как-то связаны с делом, которое вам поручено? — В голосе вдовы Фризе почувствовал настороженность.
— Напрямую — нет. Вы мне сделаете большое одолжение, если ответите.
— Второго комплекта ключей дома нет. По-моему, муж держал их на службе. Он редко ездил на этой машине. У него была служебная.
— А у вас есть машина?
— Да. «Жигули».
— Никто из друзей не пользовался его «БМВ»?
— Нет.— Она чуть помедлила, вспоминая.— Раза два-три ездил его помощник. Когда сына женил.
— Анатолий Петрович?
— Да. Вы с ним познакомились?
— А вы не просили его принести со службы второй комплект ключей?
— Просила забрать все личные вещи мужа. Но ключей среди них не оказалось.
— Вы знаете, где живет Грустилин?
— Знаю. А почему вы спрашиваете?
— На всякий случай. Вдруг не застану его на службе.
— Я дам вам домашний телефон.— Она тут же продиктовала номер. Но адрес так и не дала. А Владимир не стал переспрашивать.
— Спасибо, Полина Викторовна. Завтра прибуду к вам с полным отчетом.
— Володя! — Паршина вздохнула.— Извините, может быть я вторгаюсь в запретную область... Юля еще совсем ребенок. Будьте благоразумны.
Выяснить адрес Анатолия Петровича, зная домашний телефон, для Фризе не составило большого труда. Старые связи с милицией иногда срабатывали.
Жил Грустилин на Кутузовском проспекте, в большом, сталинской постройки, кирпичном доме. Дом стоял в осадку, перпендикулярно проспекту. Под окнами был разбит небольшой сквер с чахлыми кустиками сирени и барбариса.
Фризе поставил свои «Жигули» чуть поодаль от той парадной, где находилась квартира помощника. Опустил стекло и стал ждать. Ждал он немного — всего минут двадцать пять, но почувствовал, что его «сидение» в машине перед домом раздражает людей. Не так уж и много жильцов прошло мимо, но почти каждый бросал на машину настороженные взгляды. А пожилой крупный мужчина, вышедший прогуляться с устрашающего вида кобелем — Фризе так и не вспомнил название этой редкой и кровожадной породы — демонстративно достал из кармана записную книжку и карандаш. Что-то записал. Наверное, номер машины.
Люди боялись. Нервничали.
Владимир уже собрался переместиться на другое

место — Грустилин тоже мог обратить внимание на машину и узнать его,— но в это время на старом, ржавом «Форде» подъехала молодая пара. «Форд» заслонил «Жигули». Молодые люди не обратили на Фризе никакого внимания. Они выгрузили из багажника огромного лимузина около дюжины фирменных пакетов с продовольствием и, с трудом подхватив, скрылись в подъезде.

«Уж не к свадьбе ли готовятся? — подумал Владимир.— Или просто любят поесть. Живот у парня, как у беременной бабы».

В это время подъехала еще одна машина. Белая «Волга». Открылась дверца и появился Анатолий Петрович. Он двигался вальяжно, как бы с ленцой. Вот о нем никому бы в голову не пришло сказать: вылез из машины. Выплыл — это слово точно соответствовало акту его появления.

Грустилин чуть повел плечами, распрямился. Огляделся по сторонам. В этот момент Фризе и нажал несколько раз на затвор фотоаппарата.

Владимир не слишком надеялся на то, что ему удастся переговорить с кем-то из охранников «Мосбизнесбанка». Было уже восемь вечера, банк наверняка закрыт и никто из служащих даже нос не высунет из подъезда. Но съездить на рекогносцировку на Ленинский проспект, к банку, он все-таки не поленился.

Двое мужчин: молодой — лет двадцати двух-двадцати пяти, и пожилой — лет пятидесяти, стоя на коленях, выкладывали площадку перед парадным подъездом банка бетонной плиткой. Делали они свою работу ни шатко ни валко, с ленцой. И Фризе подумал о том, что мужики вполне могли ошиваться здесь и в тот день, когда «БМВ» Паршина странным образом перекочевал с улицы Коперника на стоянку «Мосбизнесбанка».

— Банк, небось, баксами платит? — спросил Владимир, подойдя к рабочим.— За сверхурочную работенку.

— А ты место ищешь? — спросил молодой. Он поднялся с колен, тщательно отряхнул ладони и достал из кармана пачку сигарет «Винстон».

— Ищу. С одним условием — на работу не чаще двух раз в месяц ходить.

Молодой загоготал. А пожилой ворчливо одернул его.

— Валентин! У тебя опять перекур?

— Вы здесь пятого вечером работали?

— И четвертого тоже,— сообщил Валентин.— Видишь, сколько замостили? — Он показал на ту часть площадки, где плитки были уже уложены. Некоторые из них покосились, другие были расколоты.— Дожди подмывают,— спокойно прокомментировал парень.— А почему тебя пятое интересует?

— Тут один мужик «БМВ» вечером поставил...

— А! — обрадовался парень.— Было дело. Помнишь, Дмитрич? Менты нас спрашивали. Кто да что? Наверное, и сами из этих? — Валентин приложил ладонь козырьком ко лбу.

— Нет. Я частный детектив.

— Ого! Советский Пуаро? — Парень был явно заинтересован. А напарник опять одернул его:

— Работать совсем не хочешь, стервец! С каждым готов болтать по часу.

— Так вы видели того, кто оставил «БМВ»?

— Видели.

— Могли бы узнать?

— Могли! — сердито бросил Дмитрич, наконец-то включившись в разговор. Он тоже поднялся, покряхтел, разгибая спину.

Фризе достал из кармана несколько фотографий. И среди них — карточку Грустилина, которую полчаса назад сделал из своего «Полароида».

— Э-э! Не пойдет, дядя! — замотал головой Валентин.— Мы люди начитанные. Кино смотрим. У них как делается? — Он хитро улыбнулся.— Без зелененькой даже с копом население не беседует! А уж с частным сыщиком...— Он нагло потер перед Фризе большим и указательным пальцами.

Владимир всегда носил с собой немного долларов. На экстраординарные расходы. На случай поломки «Жигулей», например. Он вынул десятку. Парень посмотрел на Дмитрича. Тот кивнул и отвел глаза.

— Выкладывайте свои карточки! — скомандовал Валентин. Десятка исчезла в кармане старенькой джинсовой куртки.

Они долго перебирали фотографии. Молча разглядывали. Парень сказал:

— Нет! Не те ребята.

— Да, потратились вы напрасно,— подтвердил Дмитрич. Но фотографии возвращать медлил. Тасовал их снова и снова. Фризе уловил, что дольше всего он задерживает взгляд на фото Грустилина.

— Что-то есть общее. Но тот был без бороды.

— Точно,— подтвердил Валентин.— И очень бледный. Как будто его мукой посыпали. Вот, думаю, как бывает — есть у мужика шикарная тачка, наверное, и все остальное тип-топ, а больной! Без радости живет, дни считает.

— Ты, Валя, и подумал — вот бы мне его тачку! — подковырнул Дмитрич. И протянул Фризе фотографии: — Федот, да не тот!

— Дмитрич! — вдруг спохватился Валентин.— Да может он бороду приклеил? Для маскировки.

— Ну...— Дмитрич неуверенно взглянул на Фризе.— Коли так...

— Нет, мужики, не вытанцовывается.— Фризе убрал фото в карман.

КОМУ ОН НУЖЕН, ЭТОТ УБИЙЦА?

Фризе любил хорошо одеваться. Любил красивые галстуки, белые рубашки, модную удобную обувь. Но собираясь предстать перед Паршиной, Владимир оделся особенно тщательно. Он никак не мог заглушить поселившееся в глубине души беспокойство, мешавшее чувствовать себя уверенно и раскованно. Как бы заманчиво это ни звучало — «частный детектив», «сыщик», Фризе ощущал себя слугой. Человеком нанятым. Так и жил с легкой горчинкой в душе.

Покорно ожидая момента, когда поток автомашин на Садовом кольце сдвинется еще метров на сто вперед, Владимир подумал о том, что стал редко встречаться с друзьями, почти не бывает в ресторанах. Вот с Бертой...

Берту он тут же выкинул из головы. На ней лежало табу. Он поклялся не думать о ней и свою клятву выполнял.

Он вспомнил работу одного известного юриста о деформации личности следователей.

Ученый утверждал, что под влиянием некоторых особенностей профессиональной деятельности психика следователя искажается. Нарушаются старые дружеские связи. Человек выбирает себе друзей среди коллег–следователей или оперативников. Многие следователи одинаково проводят свободное время: пред-

почитают пассивный отдых, увлекаются кино- и фотосъемкой. И самое неприятное — у них нарушается самоконтроль, снижается самокритичность, обедняется духовный мир.

«Ну уж нет! На частных сыщиков эти бредовые выводы не распространяются! — оспорил Фризе утверждения ученого.— Мы другие! Самокритичные и коммуникабельные! У нас разносторонние интересы и богатый духовный мир!»

Но от этой попытки самоутверждения легче ему не стало. Он знал — облегчение принесла бы только езда с ветерком, но для этого следовало выехать за кольцевую автодорогу.

Паршина встретила Фризе радушно. Она уже не выглядела такой угнетенной, как при первой встрече. Ее голос словно отмяк, утратил резкость. И на серванте под портретом покойного супруга уже не стояли цветы.

— Кажется, вы предпочитаете кофе? — спросила она, усадив гостя в кресло.— Я запомнила.

Через пять минут на столике уже стоял поднос с кофейником, молочник и тарелка с пирожными.

— Итак? — спросила она.

Владимир достал из кейса отчет. Очень коротко — всего на полутора страницах — он напечатал сведения обо всем, что имело непосредственное отношение к заданию.

Если пару дней назад у Фризе и было желание уличить Паршину в неискренности, то теперь кураж его угас. Мало ли какие причины заставляли вдову скрытничать? И момент был неподходящий, чтобы ставить неудобные вопросы.

Полина Викторовна внимательно прочитала отчет. Потом пробежала еще раз. Уже бегло.

— Вы сделали даже больше, чем я ожидала. Никак не думала, что удастся выяснить, в каком банке лежат деньги. Простите, Владимир Петрович, в этом и был мой главный интерес. Я постеснялась об этом сказать.

— Эти деньги, наверное, опять зачислили на счет владельца.

— Владелец мог их забрать.— Она так многозначительно посмотрела на Фризе, что у него отпали все сомнения — Полина Викторовна знала, кто этот владелец.

— Я думаю, что Кушелевой нет в живых.

Краска ушла с ее лица. Как будто цветное изображение на экране неожиданно стало черно-белым. Перед Владимиром сидела совсем другая женщина. Она попыталась налить себе кофе, но рука так дрожала, что Полина Викторовна поставила кофейник на место.

Фризе наполнил ее чашку.

— То, что вы сказали, правда?

— Предположение. Одна из версий. Я побывал в ее квартире.— Он коротко рассказал о своем визите в сорок шестую квартиру.

— Милиция ищет?

— По-моему, нет. Участковый сказал в РЭО, что сначала положено суетиться родственникам.

— У Аллы Ивановны только сын. А он на зимовке в Антарктиде. Может быть, возьмете поиски на себя?

— Нет.

Наверное, между этими людьми — самим Орестом Паршиным и его женами, бывшей и настоящей, существовали какие-то особые отношения. И это позволяло Полине Викторовне надеяться, что после смерти мужа она получит деньги, которые хранились в банке на счету Кушелевой. Если не все деньги, то хотя бы их часть. Исчезновение первой жены ставило на деньгах крест. Фризе считал, что он не ошибается.

— Орест Михайлович оставил завещание?

— Нет. У него был панический страх перед этой процедурой. Ему казалось, что как только он составит завещание, так сразу умрет.

Несколько минут они молча пили кофе.

— Я и правда не знала, что Кушелева живет на улице Коперника,— нарушила молчание вдова.— Раньше она жила на Покровском бульваре.

Фризе промолчал.

— Вы мне не верите? Правда! Юля тоже не знала. Этот сын у Аллы от другого брака. С Паршиным у них детей не было. Господи, я даже не знаю, на какой станции он зимует! Фамилия, наверное, Кушелев. Вы уже сказали Юле?

— Нет.

— Может быть, она знает имя?

— А где сам Кушелев? Отец?

— Умер. После его смерти Орест и сблизился опять с Аллой.

— Понятно!

Паршина поняла его реплику по-своему.

— Нет, нет! Никаких сексуальных отношений! Ореста Михайловича это уже не интересовало. Вы, наверное, вспоминаете любовницу, которую я назвала? Одни разговоры! Среди людей его круга любовница входит в джентльменский набор. Болтовня. Болтовня!

«Вот тут вы, уважаемая, сильно ошибаетесь! — подумал Фризе, вспомнив слова Елены Сергеевны: «Орест Михайлович меня не за хороший почерк любил».

— Вы твердо отказываетесь взяться за поиски Кушелевой?

— Милиция сделает это быстрее. Объявят всероссийский розыск. Надо только нажать. А у меня есть к вам другое предложение.

— Какое?

— Хочу отыскать убийцу вашего мужа.

Выражение заинтересованности сменилось у Паршиной гримасой недовольства.

— Никаких расходов с вашей стороны! Только новое соглашение. Чтобы у меня имелись юридические основания...

— Какого еще убийцу вы хотите найти?! Он никуда не прятался. И уже оправдан! Мне сообщили из прокуратуры — дело закрыто.

— Я вышел на подлинного убийцу.

— Владимир Петрович! Что за донкихотство? Мужа не вернешь. Какая мне сейчас разница — кто убил? Не хочу! Не хочу! Я устала.

Она закрыла лицо руками и сидела так с минуту. А когда открыла, сказала:

— А вы бы взяли на себя заботу о Юле. Для нее наступили тяжелые времена. Смерть отца, фиаско с покупкой магазина. Она на грани нервного срыва. Бедной девочке такое свалилось на голову, а она ходит и поет. Это плохой симптом. Помогите ей! Кажется, она вами увлечена.

— Ну что вы, Полина Викторовна! — запротестовал Фризе.

— Да, да! Ума не приложу, когда она успела влюбиться.— Паршина внимательно посмотрела на Владимира.

Фризе показалось, что закончив осмотр, Полина

Викторовна скажет: «И что она в вас нашла, моя девочка?»

Но вдова сказала совсем другое:

— Юля очень любила Ореста. Боготворила. И когда его не стало, вы случайно оказались рядом. Серьезный, взрослый мужчина, на которого можно опереться.

— Чистый Фрейд! Но интересно. Только...

— Как вы относитесь к бизнесу? — перебила его Паршина. Похоже, что мнение Фризе по данному вопросу ее не интересовало.

— К бизнесу? К честному — хорошо. Ведь и у меня свой бизнес — сыскное бюро.

Полина Викторовна посмотрела на Владимира с подозрением. Похоже, сыскное дело не казалось ей серьезным бизнесом.

— А я решила, что это вы отговорили дочку заниматься делом. Заявила мне вчера: «Продам магазин. Я еще слишком молодая. Хочу пожить без забот».

— Я таких советов Юле не давал.

— Поберегите ее.— В голосе Паршиной была мольба.

«Ну вот, никто не хочет искать настоящего убийцу!— огорченно думал Фризе, с трудом втиснув свои «Жигули» в круговорот Садового кольца. Пока он беседовал с вдовой, поток автомашин стал еще более плотным.— Получается, что мне нужно больше всех!»

И это было правдой. Ему просто надо было спасать свою собственную голову.

ПРОСТРАНСТВО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Фризе узнал тележурналиста сразу. Раз в две недели он выходил со своей острой часовой программой в прямой эфир, заставляя даже рьяных поклонников телесериалов забывать о своих глуповатых кумирах. Он умел находить интересных людей. Его герои видели мир не статичным и двухцветным, а пребывающим в постоянном движении и очень пестрым. Фризе особенно подкупало то, что участники передачи и сам ведущий не имели готовых ответов на все вопросы. Не стеснялись произнести: «не знаю».

У ведущего была смешная фамилия. Чашечка. Павел Чашечка. Красивое удлиненное лицо, грустные глаза. На экране он представал перед зрителями всегда сидящим в большом уютном кресле, и судить о росте Чашечки было трудно, Фризе удивился, обнаружив, что Павел Чашечка лишь на десяток сантиметров пониже его самого.

Наверное словесный портрет, который одна знакомая Владимира нарисовала Чашечке, организовывая их встречу, был точным. Тележурналист, издалека завидев Фризе, махнул ему приветственно рукой и улыбнулся.

Они обменялись рукопожатиями.

— Пройдемся или посидим на скамейке? — спросил Владимир.

— На все согласен. Только очень хочу выпить пива.— Заметив, что Фризе оглянулся в поисках киоска, Чашечка добавил: — Не беспокойтесь. У меня в кейсе несколько бутылок темного «Гессера». Пока еще холодного. Вас устроит?

— Вполне. Люблю темное пиво. И светлое тоже.

— Отлично! Сейчас найдем пустую скамейку и отведем душу.— Смех у Чашечки звучал очень искренне и заразительно.

Первые бутылки выпили залпом. Открыв еще по бутылке, Чашечка сказал:

— Светлана мне шепнула — у вас сногсшибательная информация.

— Вас интересуют подробности убийства коллеги?

— Кого именно?

— Паршина.

— Кажется, это единственное убийство, которое прокуратура сумела раскрыть.— В голосе Чашечки чувствовался сарказм.— Да и то потому, что Ореста застрелил милиционер. И не скрывал этого.

— Все сложнее. Оперативник, взявший на себя вину, не убивал Паршина.

— Взявший на себя вину? Под пытками?

— Какие пытки? Даже если бы он действительно застрелил Ореста Михайловича, его оправдали бы. Он действовал в соответствии с законом: Первый выстрел вверх, второй по человеку, пытавшемуся скрыться при задержании группы бандитов.

— Паршин ведь не имел никакого отношения к «Ореху»?

— Не имел. Но майор, преследовавший его, об этом не знал.

— Убийца гуляет на свободе?

Фризе кивнул.

— И вы на него вышли?

— Да. Я проводил одно частное расследование и наткнулся на любопытные факты.

— Нет, нет! Подождите! — заволновался тележурналист.— Частный детектив вышел на убийцу и приходит на телевидение рассказать об этом! А милиция, прокуратура?

— Во-первых, я пришел не вообще на телевидение, а к ведущему телепрограммы «Парадоксы». Во-вторых, прокуратура и милиция уже «нашли» убийцу. И, в кои-то веки, моментально отчитались перед начальством и обществом. Они даже пригрозили мне лишением лицензии, если я не перестану совать нос в это дело.

— Ловко. И волки сыты, и овцы целы. Этому «козлу отпущения» не грозит тюрьма?

— Нет. Служебное расследование признало его действия законными. Майору вернули оружие и ксивы. Только..,

— Что «только»?

— Милицейская служба — опасная служба. Сами знаете, сколько их нынче гибнет.

— Понятно. Чего же вы хотите от меня?

— Приглашения в вашу передачу. А лучше бы — в специальный выпуск. Но обязательно в прямом эфире.

— И вы, конечно, назовете убийцу только во время передачи?

— Да.

— Но это же противоречит закону. Никто не имеет права назвать человека преступником, пока не вынесен приговор суда.

— И ваш брат журналист всегда этому правилу следует? — запальчиво сказал Фризе.— По-моему, происходит совсем наоборот.

— Владимир Петрович, я в своих передачах всегда выполняю эту заповедь.

— Простите.

— Еще по бутылочке? — спросил Чашечка, заметив, что Фризе опорожнил вторую бутылку.

— Спасибо. Прекрасное пиво. Кажется, это единственный конкретный результат нашей встречи.

— А вы колючий человек. У меня такое правило— сомневаться до передачи. Так что продолжим. У вас имеются неоспоримые доказательства, уличающие убийцу, и прокуратура не хочет принять их во внимание?

— Прокуратура дело закрыла. И если бы я пришел туда и выложил свои доказательства, они тут же перестали бы существовать.

— Даже так?!

— Горбунов, майор, взявший на себя вину, сослался в разговоре со следователем на одного очевидца. Назавтра этот свидетель упал с балкона. Теперь о моих доказательствах... У нас мог бы состояться подробный диалог. Интервью. Назовите, как вам захочется. Я расскажу о том, какие факты мне удалось раздобыть. Как шло накопление информации, как цеплялись факты один за другой и словно легкие пунктиры вели к неким людям. Я даже могу пообещать вам, что не назову конкретные фамилии. Но все поймут, о ком идет речь. И главное — поймет сам убийца. Если телевидение даст такую передачу, придется и властям предержащим сказать свое слово. И лопнет версия прокуратуры.

— Прекрасно, прекрасно! — Чашечка оценивающе смотрел на Фризе. Похоже, мыслями он был уже в студии. Примеривал, оценивал, взвешивал.— Прекрасно. Мы можем пригласить в студию и представителей правоохранительных органов. Дать высказаться им. Пространство телевидения...

— Потом,— прервал его Фризе.— Потом они пусть хоть на ушах стоят — опровергнуть ничего не смогут.

Тележурналист открыл кейс, достал бутылку пива. Молча протянул Владимиру. Тот отказался. Чашечка пил пиво и скользил рассеянным взглядом по идущим мимо прохожим. Несколько раз он улыбнулся каким-то своим потаенным мыслям и наконец спросил:

— А как вы поступите с нашим бывшим шефом?

Фризе подумал: «Не обманулся я в нем. Умный мужик».

— Термин «виктимность» вам знаком?

— Да. Поведение человека, делающего его жертвой. Так?

— Браво! Очень точно. Для того, чтобы понять, почему убили Паршина, следует сказать о его образе действий. О взятках, о финансовых нарушениях.

— О Боже! Так я и подумал. Копаться во всей этой грязи?

— Любое преступление — грязь. Следствие — это постоянное копание в грязи. Вы не догадывались?

— Все я знаю,— брезгливо произнес Чашечка.— Но вы хотите, чтобы я помог вам из своей студии полоскать на всю страну наше же грязное белье? Неужели вы не понимаете — в этой стране сейчас нет законов! Четких и недвусмысленных! Мы все делаем на ощупь, впервые. Эти вечные поиски средств! Дурацкая реклама! Каждый из нас, творческих работников, вынужден довериться бухгалтерам, менеджерам, специалистам по рекламе... Можете представить, что будет, если я сам начну заниматься финансовой канителью? Мы, как слепые кроты, постоянно нарушаем устаревшие, негодные законы.

— Пока не очиститесь, вас и будут убивать.

— Нет! Я не могу своими руками разрушать то, что у нас есть. Не могу. И дело совсем не в Паршине. Это зверь из прошлого. Хромой бес. Но я обязан думать о других. Товарищи мне не простят.

— Ну что ж! Нет, так нет,— Фризе постарался придать своему лицу выражение крайнего огорчения.— Я предполагал, что возникнут трудности. Но об одном одолжении я могу вас попросить?

— Валяйте,— поощрил Чашечка. В голосе у него чувствовалось облегчение.

— Сыграйте подготовку такой передачи. Вы же артист! Вам это не составит большого труда.

— Вы хотите сказать...— Вид у тележурналиста был озадаченный.

— Да, да! Скажите в своей творческой группе, что ведете подготовку интервью с одним частным сыщиком. Кому-то под большим секретом назовите мою фамилию. Лучше девушке. Или болтливому парню. Соберите группу на планерку, или как там у вас называются производственные совещания. Обсудите технические вопросы. Кого пригласить. Это я так, болтаю, что в голову пришло. Вам виднее, как поступить. Как заставить думать весь коллектив телерадиокомпании, что готовится передача с детективом Фризе.

— Но потом обман раскроется.

— Ничего не раскроется. Фризе нарушит данное вам слово и откажется от передачи.— «Или не сможет выступить, так как будет убит».— подумал Владимир.— Кто вас упрекнет? В конце концов, вы сможете последовать совету отдельных товарищей. Или господ?

— Товарищей. Все-таки приятнее для слуха.

— Ну вот, последуете их совету и сами отмените передачу. И заслужите аплодисменты. Лихо?

— Лихо. Вы все это на полном серьезе?

— Конечно. В здравом уме и твердой памяти.

— Авантюра. Но мне нравятся авантюры.

Фризе поклонился.

— Догадываюсь, зачем вам такая деза. Что ж — попробую. Только мне хоть какие-то конкретные факты нужны. Парочку подкиньте. Никто не поверит общему трепу.

Фризе усмехнулся.

— Действуете не мытьем, так катаньем. Скажите, что речь идет о больших деньгах. Об очень больших! Что у детектива есть вещественные доказательства. Да найдете, что сказать! Как нынче модно говорить — массаж фактов.

— Свидетели убийства?

— Намекните, что есть свидетели. Просто свидетели. Скажите, что Фризе знает, с какой целью хотел воспользоваться его услугами ваш новый член совета директоров господин Клян.

— По-моему, грядет колоссальный скандал,— пристально глядя на Владимира, тихо сказал тележурналист.— Света шепнула мне, что вы один из лучших сыщиков в Москве.

Чашечка опять открыл свой дипломат. Только на этот раз достал из него не пиво, а визитную карточку.

— Здесь все мои телефоны. Звоните. А как мне связаться с вами?

Владимир дал ему оба своих — городской и дачный.

— Придется срочно менять программу «Парадоксов»,— сказал Чашечка, пожимая руку Фризе.— Ближайший выход в эфир — на следующей неделе.

И он хитро подмигнул.

ШТОРМ НАЛЕТЕЛ

Первым дал о себе знать Рамодин. Он позвонил в три часа дня и Фризе подумал о том, что бритоголовый милиционер звонит от своей несравненной кулинарки Веры.

— Приключений на свою голову ищешь, сыщик?

— Хоть бы «здравствуй» сказал! — укорил капитана Фризе.

— Похоже, тебе больше нравится «прощай». Зачем

тебе это телешоу? Клиентов мало? Решил рекламу устроить?

— Ты мне звонишь «до» или «после»?

— После чего? — насторожился Рамодин.

— После борща, конечно. Верунчик твой на службу не ходит? Взял ее на содержание?

— Не смеши! Милицейской зарплаты на содержание кошки не хватит. Ты мне зубы не заговаривай! У тебя есть кандидат на место Горбунова?

— Смотри передачу «Парадоксы».

— Никто тебя не выпустит в прямой эфир.

— У нас теперь нет цензуры. Разве ты не знаешь?

— Ха-ха-ха! Зато есть начальство. Но даже если все состоится, ни прокуратура, ни наше начальство не отступятся от прежней версии. Тебя объявят дилетантом и клеветником...

— И отберут лицензию? Это я уже слышал.

— Да? А кто тебе погрозил пальчиком?

— Ты мне лучше скажи, откуда узнал о передаче.

— Земля слухами полнится!

— Одни прибаутки. Тебя свои собственные мысли посещают? Или только чужие пересказываешь?

— Я уже просвещал вас, господин,— сердито ответил капитан. Похоже, его задело замечание Фризе.— Прислушайся — стук идет отовсюду. Смотри не зевай.

Поздно вечером позвонил Чашечка. Он был явно взволнован:

— Я ожидал легкой зыби, а налетел приличный штормяга! Общественность проявляет неподдельный интерес.— Павел Антонович рассмеялся.— Я просто не знаю, что делать.

— Не понял? — Фризе испугался. Неужели не доведет дело до конца?

— Когда на меня давят, я сержусь. И действую в соответствии с законами физики.

— Действуйте. Да помогут вам хоть эти законы!

— Давят со всех сторон.

— И кто же?

— Многие. Начальство выразило пожелание сделать передачу в записи. Два члена совета директоров возражают. Звонили из прокуратуры.

— Кто?

— Следователь Лилеев. Облил вас грязью. И только подзадорил. Не знаю, не знаю... Честное слово, Владимир Петрович, если бы не одно обстоятельство, выпустил бы вас в прямой эфир! Не боюсь ни начальства, ни прокуратуры.

— За чем же дело?

— Некоторые из моих близких друзей тоже против. А я с ними начинал свою программу. Сколько лет идем бок о бок. И посерьезней бури пережили.

— Они-то почему возражают?

— Да не возражают! Советуют оценить последствия. Все «про и контра». А мотив тот же, о котором я вам говорил при встрече.

— Все понял,— бодро выпалил Фризе.— Только продержитесь до вторника. Передача ведь в среду?

— В среду. Попробую продержаться. Есть одна просьба — надо вам появиться в студии. Погляжу на вас в интерьере, познакомлю с группой. Лицедействовать, так уж на всю катушку! Завтра в двенадцать сможете?

— Заказывайте пропуск. Постараюсь не опоздать.

А рано утром Фризе разбудил звонок в дверь. Он недовольно посмотрел на часы. Семь. Владимир уже давно отвык от таких ранних посещений. Прежде, когда служил в прокуратуре, это было в порядке вещей— выезды на место происшествия не согласовывались с его пристрастием подольше поспать.

Заглядывание в смотровой глазок результатов не принесло. Пришлось открывать дверь на цепочку.

— Чего надо? — спросил Владимир, посчитав, что его грубость искупается нахальством позвонившего в такую рань гостя.

— Владимир Петрович, простите ради Бога за беспокойство! Это Клян. Вы, наверное, помните меня?

— Я еще сплю. Приходите к десяти.

— Не сердитесь. Я боялся, что вы уедете на дачу.

«Он и про дачу знает! — удивился Фризе. Это помогло ему преодолеть остатки сна.— Ну конечно, знает! Его шпик в потрепанных «Жигулях» болтается за мной повсюду».

— Нашли вымогателя?

— Владимир Петрович, дело очень серьезное. И не терпит отлагательства. Откройте, дорогой.

— И вы ворветесь вместе со всеми своими «солдатами»? — Владимир тут же попенял себе. У него не было видимых причин бояться председателя «Зебры». Сказав так, он раскрывался перед ним. Но Клян волновался и, похоже, не был в состоянии заниматься сопоставлениями. А может быть, находился не в ладах с логикой с детских лет.

— Какие «солдаты», дорогой?! Я приехал один. Даже жене не сказал, куда еду.

— Это серьезный аргумент.— Фризе снял цепочку и впустил Артема Александровича в прихожую. Повторилась процедура «вхождения», которую Владимир наблюдал при первом визите председателя: взгляд направо, взгляд налево, и только после этого молодой, крупный, полный сил, красивый мужчина входил в комнату. У Фризе сложилось впечатление, что имей господин Клян при себе тросточку, он пошарил бы за углом этой тросточкой.

— Страшно? — спросил Владимир.

— Привычка. На бизнесменов идет настоящая охота.

— Не только на бизнесменов.

Они прошли в кабинет, сели в кресла.

На этот раз гость даже не взглянул на картину Беклина, так поразившую его воображение во время первого посещения. Артем Александрович был очень встревожен и не старался это скрыть. А может быть, не умел. Недостаток для бизнесмена очень серьезный.

«Не буду ему даже кофе предлагать,— подумал Владимир.— Нечего шастать спозаранку!» А так как гость, набираясь решимости, молчал, спросил:

— А у вашей «полосатой» какой профиль?

Клян посмотрел на него с недоумением.

— Фирма же называется «Зебра»? Или переименовали?

— Ах, фирма. Акционерное общество! У нас есть и банк, и торговая фирма. Автомобили, компьютеры...

— Продажа недвижимости?

— Акционерное общество закрытого типа. Продаем квартиры.

— А нежилые помещения?

— Вы хотите приобрести помещение под офис? Правильно. Принимать клиентов дома неудобно и опасно.— Клян ушел от прямого ответа и это заинтересовало Фризе.

— Так вы продаете нежилые помещения?

— Могу порекомендовать вам квартиру под контору. Недалеко от вашего дома. Второй этаж, две большие комнаты...

— Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Да! Да! Мы занимаемся всем! Забот много.

— Но и доходы немалые?

— Есть доходы! — решительно сказал Клян.— О финансовой стороне дела я и хотел переговорить.— Он достал из кармана брюк толстую, очень толстую пачку долларов, перехваченную на этот раз черной резинкой, и положил на подлокотник кресла. Из другого кармана Артем Александрович достал точно такую же пачку. Вторая пачка заняла место рядом с первой.

— Сто тысяч.— Совершив операцию, гость сразу приободрился, перестал волноваться, как будто черпал уверенность, глядя на пачки баксов.

— А чего же вы не принесли их в красивой коробке из-под конфет?

— В коробке?

— Или в кейсе. В кино обычно делают так. Эстетичнее.

— Не надо смеяться. Главное — деньги, а не красивые обертки. Сто тысяч — и вы отказываетесь от участия в телепередаче.

— Не маловато?

— Я человек не бедный. И не люблю мелочиться. Но лишних денег у меня нет. Войдя в совет директоров телевидения, я стал туда вкладывать капитал. Без особой, кстати, надежды получить хорошие дивиденды.

— За тщеславие тоже надо платить.

— Вы принимаете мое предложение? — никак не отозвавшись на укол, спросил Клян. И в этот момент во внутреннем кармане его необъятного пиджака заверещал, как обиженный ребенок, радиотелефон.

— Извините.— Он достал совсем плоскую трубку— Фризе видел однажды такую на выставке ГУВД. Выдвинул антенну, задел лежащие на подлокотнике доллары и деньги упали на ковер. Клян не стал нагибаться и поднимать их. Минуты две он слушал с недовольным видом. Потом сказал:

— Галина, зачем ты говоришь об этом по телефону? Да еще по такому! Сама не маленькая. Да! Да! Приеду, расскажу.

Он задвинул антенну и спрятал трубку.

— Извините. Жена удивилась, что я так рано уехал. И один, без охраны. Так вы подумали? — Он посмотрел на деньги, с трудом наклонился — мешал большой живот — и водворил их на прежнее место.

— Артем Александрович, о чем мы торгуемся? — миролюбиво спросил Фризе. И подумал: «Как просто заработать сто тысяч зелененьких. Сказать «да» и отказаться от выступления, которое все равно не должно состояться. Ни при каких обстоятельствах».

— Мы не торгуемся. Я сделал предложение и жду ответа. Хорошее предложение.

— Вы вообще возражаете против передачи с моим участием или не хотите, чтобы я упоминал в этой передаче компрометирующие вас факты?

— Эта передача не должна состояться!

— Вы не ответили на вопрос.

— Вы тоже не ответили! — Гость начал сердиться.

— Я отвечу. Только выпьем сначала кофе?

— Нет.— Клян хотел еще что-то добавить. Наверное, объяснить свой отказ, но только махнул рукой и повторил: — Нет!

Он опять занервничал. И даже быстрые, непроизвольные взгляды, которые он бросал на увесистые пачки денег, теперь не помогали ему обрести уверенность.

— Хочу сделать предложение, которое сэкономит вам...— Фризе показал на пачки долларов.— Сколько здесь в рублях? Я не силен в арифметике.

— Полмиллиарда.

Фризе присвистнул:

— Даже жалко отказываться. Так вот, в чем суть моего предложения: я даю вам честное слово, что в своем интервью не скажу ничего, бросающего тень на ваше имя.

— Честное слово? — Клян произнес фразу с таким скепсисом, что Владимир расхохотался.

— Не котируется? Как акции МММ?

— Ну почему же? — Гость напряженно вглядывался в лицо Фризе.— А что взамен? Половину?

— Вы расскажете, какого ожидаете от меня подвоха. Только и всего.

— Это смешно! Полагаясь на ваше честное слово, я займусь стриптизом? А вы еще запишете все на магнитофон.

— Сегодня у вас будет только один зритель, а через пару дней меня услышат миллионы. Звучит немного патетически, но соответствует правде. Вы не верите честному слову? На Кавказе обычно клянутся детьми или родителями. У меня нет ни тех, ни других.

— Я не с Кавказа,— сказал Клян. Но Фризе почувствовал, что председатель «Зебры» поддается.— У вас есть дома выпивка?

— Чего изволите?

— Водки с апельсиновым соком. Это в ваших силах?

— Закуски?

— Нет.

Когда Фризе вернулся из кухни с подносом, на котором стояли запотевшая бутылка «Московской», сок, бутылка коньяка и бокалы, долларов на подлокотнике кресла уже не было, Это был хороший знак.

Владимир не помнил случая, когда бы ему приходилось пить коньяк в такую рань. Да еще до завтрака. Коньяк обжег горло, разлился теплом. Настроение сразу стало благодушным и созерцательным.

— Это только на ваш прокурорский взгляд могло показаться взяткой,— сказал глава «Зебры», приняв изрядную дозу водки с соком.— Обычная сделка. Таких совершается тысячи. Теперь — про мой интерес. О том, что я войду в совет директоров телекомпании, разговоры велись полгода. А купить второй магазин своей дочери он решил только месяц назад.

— Юле. У вашего акционерного общества,— уточнил Фризе. Выпитая на голодный желудок рюмка позволила ему ничем не выдать волнения.

— Естественно. АБО входит в наше АО.

— Да. Вполне естественно,— согласился Владимир, хотя не представлял себе, что такое АБО.— И вы...

— Я отдал магазин за триста тысяч.

— А стоит он миллион?

— Не знаю, кто вам сказал, что мой магазин стоит миллион. Год назад я взял его за триста тысяч. За эти же деньги и отдавал.

— Юле?

— Зачем имена?! Если уж вы такой педант — я имел дело только с ним.

— Но ведь с тех пор цены сильно поднялись! А ремонт?

Про ремонт Фризе сказал по наитию. Да и логика подсказывала — не стоял же магазин без ремонта?

— Если сделать такие акценты — несведущие, недалекие люди решат, что я дал взятку, чтобы войти

в совет директоров. Конечно, когда дело дойдет до суда, все обвинения снимут. Только зачем мне скандал на всю Россию? И телевидению тоже?

— Сделка-то не состоялась.

— Да, черт возьми! Но все документы уже месяц как на оформлении! Вы же знаете!

— Теперь знаю. Я не занимался вашими аферами, Артем Александрович! И не собирал на вас компромат. Вы напрасно подсылали ко мне шпиков. И хотели отвлечь меня от расследования.

— Каких шпиков?

— Блондина, разодетого, как попугай.

— Не понимаю, о чем вы говорите?!

— О «хвосте»! «Москвич», госномер «Б», четыре, три, семь, один, «ММ». Знаком вам?

— Господин Фризе, вы что-то путаете!

— Этот парень служит в вашей охране. Но в слежке— полный профан.

Клян скорчил физиономию, словно его поразил внезапный приступ головной боли.

— Ладно! Признаю. Я хотел знать, с кем вы встречаетесь. Не разобравшись, вы могли меня погубить. И мою фирму. Обвинить человека легко...

— Суду все ясно. Я слышал, что Паршин возражал против того, чтобы вводить вас в совет директоров. Это правда?

— Как это против?! Он же подписывал приказ! И все остальные бумаги.

— Вы вошли в совет после его смерти.

— Смеетесь? Слава Богу, он успел! После его смерти сделать это было бы в сто раз труднее.

— И дороже? — Фризе подумал о том, что секретарша-любовница, сказав, что шеф был против назначения Кляна, просто наводила глянец на портрет покойного.

— Владимир Петрович!

— Хорошо. Закрыли тему слежки.

— О чем же ваша передача? — Клян торопливо налил себе водки— Фризе показалось, целый фужер— и выпил, не разбавляя соком.

— О том, как я искал убийцу.

— И это все?

Похоже, по сравнению со своими трудностями все остальное выглядело в его глазах мелким и ничтожным.

— По-моему, немало. А?

— Зачем же было вводить меня в заблуждение? Пугать? Ах, ах! Честно скажу, нехорошо.

— Вы ведь историю с шантажом выдумали?

— Правда, правда! Выдумал. Мне сказали: гляди, опытный сыщик Фризе будет совать нос — извините, это не мои слова. Так сказали — и все раскопает, ославит тебя на весь мир. Надо его отвлечь. Перекупить. Вот я к вам и подкатился.

— Тут вы, Артем Александрович, промашку допустили. Только привлекли к себе внимание.

— Потом я узнал, что вы в прокуратуре были, допрашивали Юлю.

— И вы решили подослать убийцу?

— Убийцу? К Паршину? — Клян так возмутился, что первый раз назвал фамилию председателя.

— Ко мне.

— Владимир Петрович, я честный бизнесмен. Может быть, не все я делаю в полном соответствии с законами, но уж такие у нас законы! Только с уголовщиной не дружу. А вы — убийцу подослал! Да я боюсь этой мафии больше, чем налогового инспектора. Что-то вы напутали. Я считаю, что все вопросы можно решить с помощью денег.— Он посмотрел на Фризе проникновенно и добавил: — И доброго слова. Даете слово?

— Уже дал. А кто вам на ушко нашептывал?

— Владимир Петрович!

— Ладно, держите свои секреты при себе.

Клян допил водку. Поднялся.

— Я на вас очень надеюсь.

Перед картиной Беклина он остановился. Все-таки не забыл.

— Честное слово, очень мне нравится. Может быть, продадите? Прямо сейчас плачу сто тысяч.— Клян опять полез в карман необъятных штанов.

— Нет. Картины — залог моей обеспеченной старости. Да и стоит Беклин больше ста тысяч.

— А я дам двести,— пообещал гость, но уже больше по инерции. Без надежды на успех.

Прощаясь в прихожей, открыв входную дверь, Фризе шепнул:

— Привет Анатолию Петровичу. Пусть не волнуется.

— Передам обязательно. Как только с охоты вернется.

Наверное, Клян так и не понял, что проговорился. А может быть, сделал это намеренно — помощник председателя заметно осложнил его жизнь в последнее время. И выказывать благородство, когда тебя самым бессовестным образом подставили, не имело смысла. Не по форме, по существу.

ТОНКАЯ РАБОТА

Фризе стоял посреди кухни и раздумывал, выпить ли ему сначала кофе или принять душ, когда в дверь опять позвонили.

«Уж не обронил ли председатель «Зебры» где-нибудь в кабинете одну из своих пачек зелененьких?» — подумал Владимир, направляясь открывать.

Но это пришла Юля. У них была договоренность, что после визита на телевидение, к Чашечке, Фризе заберет девушку из дома и они поедут на Николину Гору.

— Что случилось? — спросил он обеспокоенно.

— Дома такая тоска.— Юля на мгновение прижалась к Владимиру.— Хочу кофе. Очень крепкого, очень горячего, очень сладкого.

— Прекрасно! Иди на кухню, свари. А я пока приму душ и побреюсь. Ты меня застала врасплох.

— Володя!

— Иди, иди. Осваивайся.

Юля опять на секунду прильнула к нему. Этот порыв был таким нежным и искренним, что Владимиру захотелось подхватить девушку на руки и целовать. Вместо этого он легонько шлепнул ее и подтолкнул в сторону кухни.

Когда они пили кофе, Юля спросила:

— Папин знакомый из «Зебры» не к тебе приходил? Я видела, как он садился в свой «джип».

— Мы выпили с ним по паре рюмок.

— В такую рань?

— Это облегчило ему чистосердечное признание.

— Володенька, ты уже выполнил мамино поручение! С лихвой!

— Я этого Зебриста не приглашал!

— И послал бы куда подальше. Это у него я хотела купить второй магазин.

— Жалеешь?

— Ничуть. Мы с мамой сегодня совсем не спали. Разговоры разговаривали. Я решила свой магазин отдать ей. В понедельник начну юридическое оформление.

— Во вторник.

— Почему во вторник?

— На понедельник мы останемся на даче. А может быть, и на всю жизнь.

— Знаешь, папа хотел, чтобы я была богатой и независимой. А мне хочется быть просто счастливой.

Чашечка встретил его как дорогого гостя. Фризе чувствовал, что журналиста просто распирает от множества новостей и вопросов, но рядом все время были люди — режиссер, операторы, помреж,— и Чашечка только поблескивал большими внимательными глазами и время от времени хитро улыбался. Его коллеги тоже смотрели на Фризе заинтересованно, но с расспросами не лезли. Наверное, Чашечка заранее попросил их не задавать сыщику никаких вопросов. Только один молодой мужчина, очень модно одетый — в брусничного цвета пиджак и фиолетовые брюки,— не выдержал. Когда Фризе посадили за стол напротив ведущего и накачивали сведениями о том, что надеть и куда смотреть, он провел ладонью по короткому ежику волос и тихо сказал:

— Эх, по-моему, мы сильно дунем в чайник!

На реплику никто не отозвался.

Прощаясь с Владимиром, Чашечка пообещал:

— Я вам позвоню. Есть любопытные наблюдения.

— Еду на дачу. Хотел заглянуть к Анатолию Петровичу, но мне сказали, что он на охоте.

— Точно. Он у нас чемпион по пуху и перу. Лучший стрелок студии. Кстати, идет на повышение. Десять лет был помощником, теперь станет зампредом. Что поделаешь, мы живем в эру помощников.

— А где же охотится чемпион?

— В Ярославской губернии. Однажды я с ним ездил— там такие леса! Тайга!

На минуту они оказались одни. Режиссер, принимавший участие в беседе, остановил идущую по коридору женщину. Фризе узнал популярного диктора. Чашечка, воспользовавшись моментом, шепнул:

— Грустилин оч-чень не советовал выпускать вас в эфир. Никогда не думал, что он такой бешеный. Но я держусь. Не проговорился.

Юлины «Жигули» оказались на стоянке в одиночестве. Недавно вымытые, ухоженные, они выглядели на серой железобетонной стоянке алым тревожным пятном. В салоне тихо, под сурдинку, играла музыка. А Юля спала, откинувшись на сидение. И, наверное, видела тревожный сон — брови у нее были нахмурены.

— Уже? — удивилась она, открывая Владимиру дверцу.— Все о'кей?

И опять больше ничего не спросила.

Теперь за руль сел Фризе. Юля никогда не бывала на Николиной Горе, не знала дорогу.

— Твоя дача представляется мне райским уголком. Заросший тенистый сад, в котором поселились кролики.

— Зарослей хватает, а вот с кроликами напряженка. Да и зачем тебе кролики?

— Они очень смешные.

— Смешные,— согласился Фризе.

В большом городе не так остро воспринимается естественное движение времени, смена сезонов. Неожиданно для себя можно, проснувшись однажды утром, взглянуть в окно и увидеть, что наступила осень. В лесу или в поле, на природе, первые сигналы осени вы почувствуете задолго до того, как пожелтеют и начнут облетать листья. Почувствуете по кликам журавлей высоко в небе, по стремительным стаям дроздов, объедающих ягоды в садах. Почувствуете по тенетам, протянувшимся от дерева к дереву.

Когда они вышли из машины, Фризе уловил в чистом, пьянящем воздухе, настоянном на сосне и липе, терпкий аромат опавших листьев. Для него это был главный аромат осени.

— Какая благодать! — Юля с восторгом глядела на сад.— Я так и думала, что увижу густые заросли!

— Вырубим,— пообещал Владимир.

— Ты что! Я напущу на тебя зеленый патруль!

— Какой патруль, солнышко! Все патрули — зеленые, красные, синие — давно канули в лету! Каждый рубит сколько совесть позволяет.

Фризе открыл калитку и они вошли в сад. Судя по восторженным репликам, Юле понравился и дом. А Владимир вдруг почувствовал тревогу. У него имелось много маленьких приметок, по которым он безошибочно определял, что в саду и в доме побывали посторонние. Крошечный прутик, воткнутый перед входом, тонкий волосок, прикрепленный двумя каплями смолы на дверях. Но сейчас главным было ощущение опасности.

Он отослал Юлю к машине, принести вещи. Открыл дверь. Замок сработал безукоризненно. Да и царапин на нем не было. Замок на второй двери тоже оказался в полном порядке.

А вот на веранде Фризе почувствовал запах газа. Он даже не стал напрягаться — вспоминать, закрыл ли газовый кран в свой последний приезд. Такого с ним никогда не бывало. Он понял, что кто-то устроил ему ловушку.

Фризе знал, по крайней мере, шестьдесят шесть способов отправить человека на тот свет с помощью взрыва. Его недруги знали, наверное, и того больше. Поэтому он не стал открывать дверь в дом, а вышел в сад.

Юля шла по дорожке, нагруженная сумками.

Увидев Владимира, остановилась, опустила сумки на траву.

— А где кролики?

— Прячутся. Им надо к тебе привыкнуть.

— В доме не холодно? Там есть камин?

— Все есть. И даже проблемы. В прошлый раз я, кажется, не завернул кран на газовой плите. В доме полно газа.

— Надо открыть все окна.

— Сейчас мы это сделаем.— Фризе хотел пойти в гараж за инструментами, но передумал. Взял у сарая длинный шест — осенью, в урожайный год, он поднимал такими шестами обремененные яблоками ветки — и подошел к одному из окон кухни. К тому, у которого была форточка. Расположившись так, чтобы не стоять напротив окна, Фризе поднял шест и уперся им в стекло форточки.

— Володя! — крикнула Юля, с изумлением следившая за его манипуляциями.— Не проще ли открыть дверь?

— Проще,— согласился Владимир и сильно надавил на стекло. Оно упало между рамами и даже не разбилось. Вторая форточка открылась от легкого прикосновения. Вылетел шуруп защелки. «Старенький домик! — с сожалением отметил Фризе.— Дерево уже подгнивает».

Ему казалось, что он слышит, как газ, накопивший-

ся в доме, с шумом вырывается из форточки. Но скорее всего это ему только почудилось.

Хорошо, что погода была ветреная. Тяжелый, с запахом нефти, газ ветер разносил по окрестностям, а он все валил и валил из форточки.

— А если бы ты не почувствовал и чиркнул спичку?— сказала с осуждением Юля.— Да хватило бы и выключателя.

— Опалило бы мои брови!

Это была тонкая работа — один из кранов открыли, а ручку на оси сдвинули и она находилась в положении «закрыто». Тот, кто орудовал на даче, хотел, чтобы все выглядело естественно. Но он забыл, что имеет дело с опытным следователем.

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Ночью Фризе проснулся от неясных шорохов на первом этаже. Он подумал, что на улице разгулялся ветер и в окно гостиной стучит ветка сирени. Так уже бывало не раз. Владимир давал себе слово обрезать кусты, но рука никак не поднималась — весной тяжелые сиреневые гроздья свисали прямо на подоконник, радуя глаз и сердце.

Ветра не было. Легкая белая занавеска над распахнутой балконной дверью висела без движения.

Фризе прислушался и различил осторожные шаги, скрип кухонной двери. Это была единственная в доме дверь «со скрипом».

По первому этажу разгуливал посторонний.

Осторожно, чтобы не разбудить Юлю, Владимир встал с постели, снял со стены карабин. Пока он босиком спускался по лестнице вниз, не скрипнула ни одна ступенька. В гостиной было темно и Фризе несколько минут постоял, пытаясь определить, где находится незваный гость. Может быть, тоже затаился и ждет, когда хозяин встанет под выстрел?

На этот раз шаги послышались из второй прихожей, где находился черный ход. Этим ходом Фризе никогда не пользовался, а в прихожей стоял старый холодильник, хранились велосипеды. Ему помнилось, что несколько лет тому назад он наглухо забил там дверь.

Бесшумно ступая по прохладному полу, Владимир пересек темную гостиную и кухню. Из раскрытой двери в прихожую падал луч света. Фризе поднял ствол, ногой распахнул дверь...

Мужчина стоял к нему спиной и, задрав голову, что-то пил из большой банки. Дверца холодильника была распахнута. Фризе уперся стволом в спину и тихо скомандовал:

— Руки вверх!

Гость вскинул руки. Банка тяжело грохнулась на пол. Во все стороны взметнулись темно-красные брызги. Владимир догадался, что в банке было вишневое варенье, сваренное Бертой прошлым летом.

— Поворачивайся потихоньку! — приказал он, понимая, что перед ним совсем не тот человек, которого он поджидал.

Мужчина повернулся. На первый взгляд это был типичный бомж. Бледный, небритый, с испитым, одутловатым лицом и выпученными от испуга глазами. Вокруг большого рта с припухшими губами пламенел круг от варенья. Совсем как у вампира после сытной трапезы. На голове у гостя красовалась бело-синяя каскетка, подаренная Владимиру несколько лет назад знакомой девушкой. Каскетка была мужику велика и съехала на ухо.

— Хозяин, не стреляй! — прошептал мужик севшим голосом.

— Зачем ты банку грохнул? Сейчас, сукин сын, будешь дом мыть.

Фризе подтолкнул гостя стволом и повел на кухню. Мужик шел, оставляя темные липкие следы на линолеуме. Отлипая от пола, подошвы пыльных штиблет потрескивали.

На кухне Владимир усадил мужика на стул и надел наручники.

Поняв, что бить его не будут, по крайней мере немедленно, гость быстро пришел в себя.

— Хозяин, дай Христа ради рюмаху. От варенья скулы сводит. Я ж не разобрался, думал, у тебя в банке «краснота» хранится.

— Говорить будешь?

— Буду, буду! Сколько хочешь, столько и буду!

Владимир налил ему полстакана водки, а так как гость сидел в наручниках, пришлось и поить ёго с рук. Он выпил не поморщившись. И даже не попросил закусить. Глубоко вздохнул и посмотрел на Фризе большими невинными глазами.

«А он когда-то был красавцем»,— подумал Владимир и стянул с мужика свою каскетку. Светлые взъерошенные волосы гостя придавали ему сходство с дикобразом.

— Хорошая кепочка,— вздохнул он, провожая каскетку грустным взглядом. Фризе брезгливо повертел ее в руках, посмотрел на подкладку. У него мелькнула мысль, что неплохо было бы изъять из обихода все, что напоминало ему о Берте. И эту каскетку тоже. Но тогда первыми в списке оказались бы золотые часы «Ролекс», царский подарок бывшей любовницы. Расставаться с «Ролексом» Владимиру не хотелось.

Он бросил каскетку на подоконник. Спросил:

— Как зовут?

— Степан Яковлевич Хомутов! — Гость назвал свое имя с некоторой важностью и вызовом.

— Документы есть?

Степан Яковлевич отвел глаза в сторону.

— Есть?

— Есть! Есть!

— Не ори! Разбудишь весь дом.

Фризе проверил его карманы. Урожай оказался невелик. Пачка «Беломора», спички, грязный платок, полузасохший бутерброд с брынзой и сезонный проездной железнодорожный билет на имя Степана Яковлевича. На фото владелец билета выглядел лет на десять моложе. И очень импозантно. А в нагрудном кармане пиджака лежали сложенные в несколько раз пятидесятитысячные купюры.

— Где работаешь?

— Так... В одном АО.— Степан Яковлевич улыбнулся и пропел, почти как в телерекламе: — АО-О-О-О!

— В каком?

— Да тебе, хозяин, зачем? Заплачу за банку. Как заработаю. И за стекло.

— За какое стекло?

— На веранде разбил. Когда лез.

— Ну что ж, года на три потянешь.

— Да ты что! Псих? Из-за варенья под суд? Принесу я тебе варенья. У жены возьму.

— У тебя и жена есть?

— Три недели назад была. Сейчас не уверен.— Говорил Хомутов складно, как настоящий горожанин, по крайней мере, со средним образованием.

— Где живешь?

— В Мичуринске. Улица Ленина, дом шесть.

Фризе никогда не бывал в Мичуринске и не знал, есть ли там улица Ленина. Вариант с такой улицей был беспроигрышный.

Он уже хотел отдать нехитрые пожитки Хомутова, когда ему пришла мысль еще раз проверить сезонный билет. На нем стояла цифра 13. Тринадцатая зона. А Мичуринск был совсем рядом с Москвой.

— Зачем врешь? — Фризе показал гостю на цифру. Тот недовольно крякнул и отвел глаза.— Не будешь говорить — начну жечь пятки паяльником.

— Ты изверг, что ли?

— Изверг.

— Я кричать буду! — пообещал гость.— Весь дом разбужу.

— Переживу.

Фризе сходил в кладовку, принес старый паяльник, похожий на крошечный топор-колун на толстой проволоке. Зажег газ и положил паяльник в пламя. Потом развернул стул — так, чтобы гость хорошо видел, как раскаляется докрасна носик паяльника. Теперь оставалось только ждать, когда у гостя сдадут нервы.

Сначала Хомутов отвернулся от плиты и стал с независимым видом напевать:

— «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкою я прощаюсь навсегда...»

Потом, взглянув на покрасневший носик паяльника, прекратил петь и уже не отводил от него взгляда. Наконец вздохнул тяжело:

— Встретил на Ярославском одного мужика. Старого. Покалякали за жизнь. У него бутылка была с «быком». Он про твой дом и сказал: «Сегодня ночью хата пустая! Жратвы, выпивки — до дури! Возьми с собой авоську — на неделю хватит». Наверное, твой бо-о-ольшой друг. Разыграть, сказал, тебя хочет, без выпивки оставить. И еще сказал — брать только жратву и бутылки.

— Узнаешь мужика?

— Еще бы! Вместе выпивали.

— Жаль, что ты так быстро раскололся! — сказал Фризе с притворным сожалением и загасил газ.— Люблю запах паленого.

— Ты и правда псих.

— Назови свой точный адрес.

— Сергиев Посад, улица Церковная, семь.

Фризе подумал о том, что следовало бы вызвать милицию и сдать им Хомутова. Но тут же представил себе всю процедуру: звонок по телефону, ожидание милиционеров, допросы, протоколы. Проснется Юля. А ему совсем не хотелось ее пугать. А еще он замерз, устал и смотреть на испитую физиономию гостя ему было просто противно.

Владимир отомкнул наручники, всунул в руки Хомутова недопитую бутылку водки.

— Иди. И чтобы я тебя около дома больше не видел.

— Стекло-то надо вставить!

— Без тебя вставлю!

Бомж переступил с ноги на ногу, бросил взгляд на каскетку.

— Кепарик-то старый! Все равно носить не будешь! Не жмоться.

Фризе выругался и напялил Степану Яковлевичу каскетку на лохматую голову. Потом вывел его на веранду. Одно из стекол и правда было выдавлено. На полу валялись осколки. Но дырка оказалась такой маленькой, что в голове у Владимира просто не укладывалось, как мог в нее пролезть взрослый мужчина. А спрашивать бомжа ему было лень. Ему нестерпимо захотелось наверх, в спальню. Залезть под одеяло и обнять Юлю — сонную, теплую, нежную.

Он открыл дверь и подтолкнул гостя на крыльцо. А тот, вместо того, чтобы шагнуть вперед, отпрянул и стал падать навзничь. Повернув голову к Фризе, Хомутов прошептал с обидой:

— Мужик, ты что? Мы же с тобой...

Слова застряли у него в горле. Он упал головой на плетеную циновку и Фризе увидел, что из груди у него торчит маленькая стальная арбалетная стрела.

Слова бомжа ошеломили Фризе. Он даже не среагировал на хлопок пистолетного выстрела, раздавшийся совсем рядом, за кустами. И только после того, как услышал тяжелые шаги бегущих людей и треск сучьев, поднял ружье и, отступив на веранду, встал за углом.

Рассветало. Легкий туман, а может быть, дым от костра, цеплялся за кусты. Где-то поблизости без устали горланил петух.

От калитки шел человек. Не переставая следить за кустами, где только что слышался топот бегущих людей, Фризе окликнул его:

— Стой! Еще шаг — стреляю.

Человек остановился и Фризе узнал его. Это был Рамодин.

— Фризе?! — крикнул он.— Не стреляй!

На какое-то мгновение Владимир засомневался. Уж не враг ли перед ним? Не ждет ли его судьба бомжа Хомутова? Но к Рамодину он испытывал симпатию и опустил ствол.

— Заходи!

Бросив взгляд на убитого, Рамодин спросил:

— Твой знакомый?

— Похоже, залетный воришка. Стреляли из кустов.

— Пойдем, глянем, кого там ребята задержали, — сказал капитан.— Думаю, покрупнее дичь попалась.— И, внимательно посмотрев на Фризе, добавил: — Да ты же гусиной кожей покрылся. Продрог, как цуцик.

ГЛАВНОЕ — ХОРОШО ПРИЦЕЛИТЬСЯ!

Анатолий Петрович Грустилин лежал в траве, широко раскинув руки. Никто не потрудился закрыть ему глаза и у Фризе возникло такое чувство, что Грустилин очень устал, лег отдохнуть и внимательно следит, как по небу медленно двигаются перистые облака, слегка подсвеченные встающим солнцем.

«Ловкий трюк он с бородой выкинул! — подумал Фризе, глядя, как по бритому лицу Грустилина бегают муравьи.— Кому придет в голову, что бородатый мужчина на часок-другой вдруг без бороды появится? И если через пару недель он бороду «сбреет», тоже ни у кого сомнений не возникнет».

Чуть поодаль на траве сидели два оперативника. Один такой же молодой, как и Рамодин,— его Фризе не знал, другой постарше. Майор Горбунов.

Увидев Владимира, майор хмуро кивнул и отвел взгляд.

— Один? — спросил Рамодин, кивнув на убитого.

— Тебе одного мало? — Горбунов встал, подошел к трупу, раздвинул густую траву. На земле лежал арбалет, выглядевший как забытая ребенком игрушка. Поодаль валялся пистолет с глушителем.

— Надо вызвать местных ребят,— сказал Рамодин и обратился к молодому оперативнику: — Поди, Игорек, к машине, позвони.

Парень ушел.

— Молодец, Павел! С первого выстрела мужика уложил.

Фризе не понял, осудил или похвалил Рамодин своего коллегу. Зато для Горбунова это не составило тайны.

— Опоздай я на секунду, господина сыщика уже не было бы в живых,— сказал он раздраженно.— Другие палят напропалую! А как Горбунов — так все не слава Богу!

Рамодин засмеялся.

— Ладно, Паша, не ворчи. Там, на крыльце, еще один труп. Эта сволочь засадила мужику стрелу из арбалета. А Фризе теперь будет тебя до конца жизни коньяком поить. Только...— Рамодин не договорил. Нахмурился.

— Ты чего? — спросил Горбунов.— Договаривай.

— Останься Грустилин живым, мы бы из него всю правду вытрясли.

— Да! Как же! Ты бы вытряс! Вам пальчиком погрозили, вы и крылышки сложили. Только это меня не колышет. Что было, то прошло. Я в правдоискатели рожей не вышел.

Фризе слушал вполуха эту перепалку и внимательно разглядывал арбалет. Он казался ему знакомым. Очень знакомым. И тут его осенило! Так это же его арбалет валялся в траве рядом с трупом Грустилина! И стрела, вонзившаяся в грудь Хомутова, принадлежала ему!

Вся цепочка событий выстроилась перед его мысленным взором...

— Арбалет-то мой!

— Твой? — удивился Рамодин.

— Грустилин уже побывал у меня на даче дня два назад. Напустил целый дом газа. Тогда, наверное, и взял арбалет.

— Пистолета ему мало показалось? — буркнул Горбунов.

— Когда с газом произошла осечка, подослал бомжа. Сказал ему — дача пустая. Спиртного и жратвы навалом. Дал сто тысяч. Не вмешайся вы — нашли бы через пару часов два трупа. У хозяина в руках арбалет, у бомжа — «макаров» с глушителем. А вы, голуби, откуда взялись?

Оперативники переглянулись. Горбунов усмехнулся. Глубокие морщины на его лице наконец разгладились.

— Ты что ж, нас совсем за олухов держишь? — спросил Рамодин.— Мы все-таки в уголовном розыске служим!

— Вам же запретили убийством Паршина заниматься?!

Горбунов зло сплюнул. А Рамодин улыбнулся.

— А кто тебе сказал, что мы им занимаемся? Начальство скомандовало — мы руки по швам! А потом этот псих с балкона сиганул. Зигмунд. Прокуратура уголовное дело завела. Стали мы раскручивать...

— Вот и раскрутили,— подал реплику Горбунов.

— Это все он. Стрелок Паша.— Рамодин покосился на майора.— Заладил: «Свидетели просто так с балконов не прыгают!» Следователь прокуратуры на тебя намеки делал. И мы тебя со счета не сбрасывали. Но прикинули — а кто еще мог знать про Скворцова?

— Та-а-ак...— Фризе кисло усмехнулся.— Я и не догадывался, что нахожусь на подозрении.

— Да брось ты! Лучше догадайся, как мы на Грустилина вышли.

— Чего ж тут догадываться? Я тебе и помог. Когда про «хвост» рассказал.

— Правда! — капитан посмотрел на Владимира с восхищением.— Я подумал — он же про каждый твой шаг своему шефу докладывал! Прижали мы с Пашей его. Потом — Кляна. Узнали, что Артем Александрович полученной информацией с Грустилиным делился. Остальное для хороших оперативников — дело техники.

С шоссе донесся всхлип сирены. В прохладном утреннем воздухе этот всхлип показался Владимиру нестерпимо громким. «Разбудит Юлю,— подумал он.— А на пороге дома — мертвец».

— Наверное, местные ребята. Сейчас работа начнется,— сказал Рамодин.— А ты так и будешь со своей берданкой ходить?

— Берданка! — хмыкнул Фризе.— Охотничий карабин! — Он только сейчас осознал, что уже полчаса не выпускает из рук оружие. И пошел к дому.

Тела убитого Хомутова на веранде не было. Фризе подозвал оперативников.

— Игорек, ты куда убитого дел? — спросил Рамодин у коллеги.

— Не притрагивался!

— Может, он не такой уж и убитый? Отполз в кусты? — высказал предположение Горбунов.

— Может, может...— Рамодин выглядел озадаченным.— Пойди к тому жмурику. А то они все расползутся.

Фризе отметил, что распоряжался Евгений, хоть и был на чин младше Горбунова.

Они прочесали все вокруг, но Хомутова не нашли. Ни живого, ни мертвого.

Юля спала. Владимир бесшумно прошел мимо кровати. Повесил на гвоздь карабин. Осторожно закрыл окно, задернул поплотнее занавески. Оделся. Уходя, он так же плотно затворил дверь.

Приехала следственная бригада и в саду шла рутинная работа: фотографировали труп, эксперт внимательно осматривал оружие. Знакомый следователь Васильков из областной прокуратуры, примостившись на балюстраде садовой беседки, внимательно слушал объяснения Рамодина. Увидев Фризе, приветственно взмахнул рукой.

— Володя! Это становится традицией! — Он показал на труп Анатолия Петровича.

Зимой прошлого года Васильков приезжал после того, как на дачу Фризе совершили налет боевики из акционерного общества «Харон».

Юля вышла из дома, когда следственная бригада заканчивала работу. Лицо у девушки было заспанное. Густые, едва причесанные волосы стянуты ленточкой. Надела она белую футболку и кремовые полотняные шорты. Юля выглядела так по-домашнему уютно, что у Фризе потеплело на душе.

— А это что за прелестное дитя? — удивился Рамодин. Он смотрел на Юлю, не скрывая восхищения.

— Наверное, еще один свидетель,— бросил следователь.

— Это моя жена, а не свидетель,— неожиданно для себя сказал Фризе.— У Юли крепкий сон. Она ничего не слышала.

Его слова удивили Юлю больше, чем неожиданное появление в саду десятка посторонних людей. Припух-

шие от сна веки раскрылись, она долго и пристально смотрела на Владимира, потом подошла и взяла за руку. Фризе почувствовал, что Юля дрожит.

— Володя, что случилось?

Васильков улыбнулся и безнадежно махнул рукой:

— Поехали, мужики! Если госпожа Фризе что-нибудь вспомнит, Владимир Петрович привезет ее к нам. Правда, сыщик?

— Привезу,— пообещал Фризе.

Уехали все, кроме Рамодина. Владимир слышал, как капитан шепнул Горбунову:

— У меня еще пара вопросов к хозяину. Не ждите.— А сам все время поглядывал на Юлю. Наконец решился и сказал:

— Мне Володя не сказал, что женат.

— А вы спрашивали?

— Да нет,— смутился Рамодин.— Не было случая.

Владимир принес на веранду кофе и сахар. И заметил, каким разочарованным взглядом Рамодин окинул стол. Наверное, капитан ожидал, что завершение операции будет отмечено шампанским. Или, по крайней мере, рюмкой водки. И обязательно с хорошей закуской.

— Вас как зовут? — спросила Юля.

— Евгений.

— Евгений Федорович,— поправил Фризе.— Старший оперуполномоченный уголовного розыска.— Он вспомнил, как при первом знакомстве Юля сказала капризным тоном: «Терпеть не могу ментов!» И улыбнулся.

— Вы, Женя, не торопитесь? Я приготовлю завтрак.— Похоже, что разочарование капитана не ускользнуло и от ее внимания.— Не сомневайтесь — я умею хорошо готовить.

— Детектив уже успел насплетничать? — Рамодин слегка порозовел.

— О чем вы?

— Да так!

— У капитана есть одна знакомая, которая готовит сногсшибательный борщ,— доложил Фризе.— Он решил, что я тебе о ней рассказал.

— Нет, Женя, Володя не рассказывал. Он мужчина скрытный. Я ведь до сих пор не знаю, что тут у вас случилось. Воры залезли? Смотрю — стекло разбито.

Рамодин взглянул на Владимира.

— Я тебе все расскажу, Юля,— пообещал Фризе. Он испугался, что капитан начнет выкладывать подробности, не догадываясь о том, что перед ним дочь Ореста Паршина.— Чуть позже расскажу, хорошо?

— Хорошо.— Тяжелый мохнатый шмель, сердито жужжа, облетел вокруг ее головы и на бреющем полете понесся дальше, в поле.

Юля все больше и больше удивляла Фризе. Спросив час назад: «Володя, что произошло?» — и не получив ответа, она не задавала никаких вопросов. Только время от времени бросала взгляд, от которого у Владимира теплело на душе. «Наверное, и отцу она не задавала никаких вопросов»,— подумал Фризе.

В ожидании обещанного завтрака Фризе пригласил Рамодина пройтись к реке. Но едва они вышли в поле, капитан снял пиджак и бросил на траву:

— Никуда не пойду.— Он лег на спину и раскинул руки.— Мало я побегал сегодня ночью?

Недели две спустя, когда Фризе и Юля поднялись после обеда в спальню, снизу, с первого этажа, опять послышались звуки шагов. Кто-то ходил по веранде, не заботясь о том, что его могут услышать.

Владимир приложил палец к губам, призывая Юлю к молчанию, а сам поднялся с постели и снял со стены карабин. Тот же самый.

Пока он спускался по лестнице, с веранды донесся стук. Фризе распахнул дверь.

Степан Яковлевич Хомутов, побритый, в дешевом, но чистеньком костюме, соскребал стамеской старую, засохшую замазку с оконного переплета. Фанера, которой Владимир забил окно в то памятное утро, стояла у стены.

— Хомутов, ты как сюда попал?!

Мужик обернулся:

— А, хозяин! Вот пришел стекло вставлять. Мы — люди с понятием. Раз обещал...

Фризе хотел спросить, чего же он не постучал, не крикнул. Но подумал, что это бесполезно.

— Я думал, тебя убили.

— Я тоже думал. Лежал, лежал... Потом вижу — жив. И от греха подальше, на электричку.

— А стрела?!

— Когда по кустам пробирался, потерял я эту железяку. Она, сука, мне ребро сломала! До сих пор болит. А раны на мне быстро заживают, как на собаке.

Хомутов поднял с пола стекло, примерил. Оно точно встало на место разбитого.

— Теперь подойдет! Я вчера приходил, вымерял. Тебя не стал беспокоить. Стаканчик-то поднесешь на дорогу?

До сих пор Алла Ивановна Кушелева числится среди сотен тысяч граждан России, пропавших без вести. На юридическом языке она — безвестно отсутствующая, и пока суд не признает ее умершей, никто не вправе наследовать ее имущество и деньги.

Сергей Александрович ВЫСОЦКИЙ

ПО ЧУЖОМУ СЦЕНАРИЮ

РОМАН

Ответственная за выпуск *О.Лексикова*
Редактор *Е.Рощина*
Технический редактор *Н.Кошелева*
Корректор *Л.Пономаренко*

Главный художник *Ю.Коннов*
© Оформление художника *В.Сафронова*
© Фото *Н.Кочнева*
Учредитель: *ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ «РОМАН-ГАЗЕТЫ»*

Сдано в набор 03.10.95. Подписано в печать 26.11.95. Формат 84x108 $^1/_{16}$. Бумага газетная. Гарнитура типа «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 48 000 экз. Заказ № 1446. Цена подписная.

Адрес издательства «Роман-газета»: 107078, Москва, Ново-Басманная, 19. Телефоны редакции для справок: 261-95-87; 267-22-73; 261-84-61. Отпечатано с редакционного оригинал-макета на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати (142300, г.Чехов Московской обл.)

В «Роман-газете» №18 за прошлый год было опубликовано Обращение Главного редактора журнала В. Н. Ганичева к читателям в связи с приближающимся Юбилеем нашего издания. Учитывая изменившийся состав подписчиков в этом году, мы вновь представляем Вашему вниманию Обращение к читателям, одновременно публикуя некоторые письма — отклики на него, полученные редакцией.

Дорогие наши друзья-читатели!

В 1997 году нашему журналу исполнится семьдесят лет.

Многие годы журнал — пристанище лучших литературных сил, место, где читатель встречался с известными писателями страны, очаг просвещения, эстетики, патриотизма и знания.

Шолохов и Леонов, Твардовский и Симонов, Распутин и Белов, Носов и Волков, Ахматова и Рубцов, Шмелев и Зайцев, Дудинцев и Солженицын, Поселянин и Балашов, Пикуль и Чивилихин, Алексеев и Бондарев, Гамзатов и Карим, Проскурин и Успенский, Астафьев и Лихоносов. Рассказ о великих полководцах, святых подвижниках Руси, земледельцах и космических запредельцах, вождях и простых людях прочитали миллионы людей. Они познали через «Роман-газету» «Тихий Дон» и «Русский лес», «Василия Теркина» и «Привычное дело», «Горячий снег» и «Прощание с Матерой», «Один день Ивана Денисовича» и «Мой Сталинград», «Мой Дагестан» и «Бремя власти».

Редколлегия, куда входят виднейшие писатели страны, обращается к мнению читателей. Именно наша редакция провела в 1986 году первый массовый опрос читателей. В некоторых опросах участвовало до сотни тысяч читателей. Мы и сегодня опираемся на мнение читателей.

У «Роман-газеты» много поклонников в различных слоях общества у нас в стране и за рубежом. В первую очередь мы благодарны нашим пенсионерам. Ведь это они выписывают или выписывали нас 10, 15, 25, а то и все 50 лет. Они выписывали нас, когда были молоды, здоровы, когда нормально зарабатывали и когда мы стоили дешевле. Но многие из них умудряются подписываться на «Роман-газету» и сегодня, объединившись двором, квартирами, попросив помощь у детей, получив благотворительную подписку на своих бывших предприятиях и в организациях.

Мы благодарны учителям, которые читают сами, приносят «Роман-газету» в класс, проводят обсуждения и читательские конференции.

Мы благодарны библиотекам, нашим чутким друзьям, выписывающим журнал в это нелегкое время, рассказывающим о нем своим читателям.

Мы благодарны связистам, почтальонам, полиграфистам, способствующим распространению журнала.

Мы благодарны военнослужащим и их женам, казакам и пограничникам, понимающим, что журнал — их опора в утверждении патриотического духа в тяжелую годину для Отечества.

Мы благодарны трудящимся города и деревни, рабочим и крестьянам, курсантам и студентам, инженерам и агрономам, всем, кто считает наш журнал своим.

Мы благодарны предпринимателям, финансистам, профсоюзным деятелям, администраторам, всем тем, кто подписывается на журнал сам и подписывает своих работников, друзей, ветеранов.

Мы благодарны нашим подписчикам в странах бывшего СССР. Спасибо вам за память!

Мы благодарны нашим пока немногочисленным зарубежным подписчикам, выписывающим нас в Китае, Болгарии, Словакии, США, ФРГ, Израиле, Монголии, Польше, Испании, Люксембурге... Мы надеемся, что и география, и количество подписчиков там увеличится.

Мы благодарим наших авторов, писателей России, всех, кто доверил нам свои выстраданные труды, свое высокое слово, и надеемся на дальнейшее сотрудничество с ними.

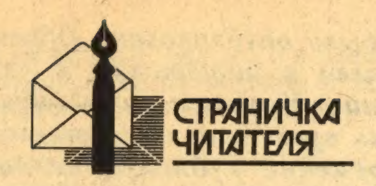
Мы хотели бы провести празднование семидесятилетия «Роман-газеты» как праздник Читающей России, праздник вдумчивого, внимательного, доброго читателя в Отечестве. Пока в России читают, думают, чувствуют, пока у нас есть Великая Литература, Россия не погибла и не растворилась в мире наживы и безнравственности.

Присылайте свои пожелания и предложения о том, как отметить юбилей нашего с Вами журнала, как организовать эстафету читателей с Дальнего Востока, через Сибирь, Урал, Север, Кавказ в Москву, как провести вечера и читательские конференции вместе с Вами.

Подумайте, что мы сможем вместе с Вами сделать для возрождения нашего Отечества, для укрепления духовных связей между народами России, для Великой нашей Литературы.

С уважением и любовью к Вам,

главный редактор «Роман-газеты» В. Н. ГАНИЧЕВ

«За последние 35 лет не пропустил ни одного номера «Роман-газеты». В основном ваш журнал проявлялся в своей первой ипостаси — как «Роман». Как «Газета» выступал редко. Недавно вышла «Лава», с интересом прочитал, а некоторые очерки и по второму разу. Спасибо редакции, спасибо авторам. Написано то, что надо, о том, о чем надо. О чем разговоры в магазинах, в транспорте, особенно в пригородных электричках.

Спасибо Геннадию Юрову за рассказ о русском самородке Анатолии Викентьевиче Дьякове. Как гриб пробивает асфальт, так и Дьяков ломал стену равнодушия, зависти, недоброжелательства и злобы, и оставался «Богом погоды». Анатолия Викентьевича нет, а я вот держу «Климатическую таблицу Дьякова для Европейской части СССР», рассчитанную с 1892 по 1999 год.

Спасибо А. Ольшанскому за его честную «Кузнецкую дугу», Г. Немченко за честный рассказ о бескровной шахтерской революции, о тех, кому достались плоды ее.

«Лава» подтверждает: народ жив, одурачить удалось не многих, да и они прозрели. Будет и на нашей улице праздник!

Как сельхознику с довоенным стажем, хотелось бы, чтобы «Роман-газета» сумела выпустить подобный «Лаве» сборник о сельской жизни. Положение в селе тяжелое. Разброд, шатание, разруха. Что же дальше-то? Глад и мор? Впрочем, мор уже наступает. Нас, россиян, становится с каждым годом все меньше. Воровство и бандитизм, обман и предательство. «В казне гуляет ветер — все упования на некий рыночный флогистон, который сам возникнет, обогатит и осчастливит, с треском провалились» («Лава», «Кузнецкая дуга»).

Прав Николай Алексеевич — «...бывали хуже времена, но не было подлей»». Есть просветы, как в Ульяновской области, где подобрались умные люди. Вот о них и им подобных и написать. И еще пожелание — подбирая к публикации произведения, думать не о сиюнутном, а о вечном— о своем народе, о своих читателях и подписчиках».

А. Поздняков, г. Москва

«В Обращении к читателям Вы написали, что благодарны пенсионерам, которые всегда были основными Вашими подписчиками. Но так, видимо, было, когда Ваш журнал был более доступным.

Теперь многим нам, пенсионарам, «Роман-газета» не по карману из-за высокой цены. В связи с предстоящим Вашим юбилеем нельзя ли хотя бы сохранить нынешнюю цену на «Роман-газету» и не поднимать ее каждые полгода».

Т. Ланцова, г. Пенза

«Помнится, лет двенадцать назад, а может, и больше, вы выпускали каталог изданного за все годы существования вашего журнала. Может быть, редакция сможет повторить выпуск такого каталога, включив пропущенные ранее произведения (ведь не секрет, что кое-что вы сознательно опустили в этом перечне) и дополнив последующими»

Л. Мишакова, г. Серпухов

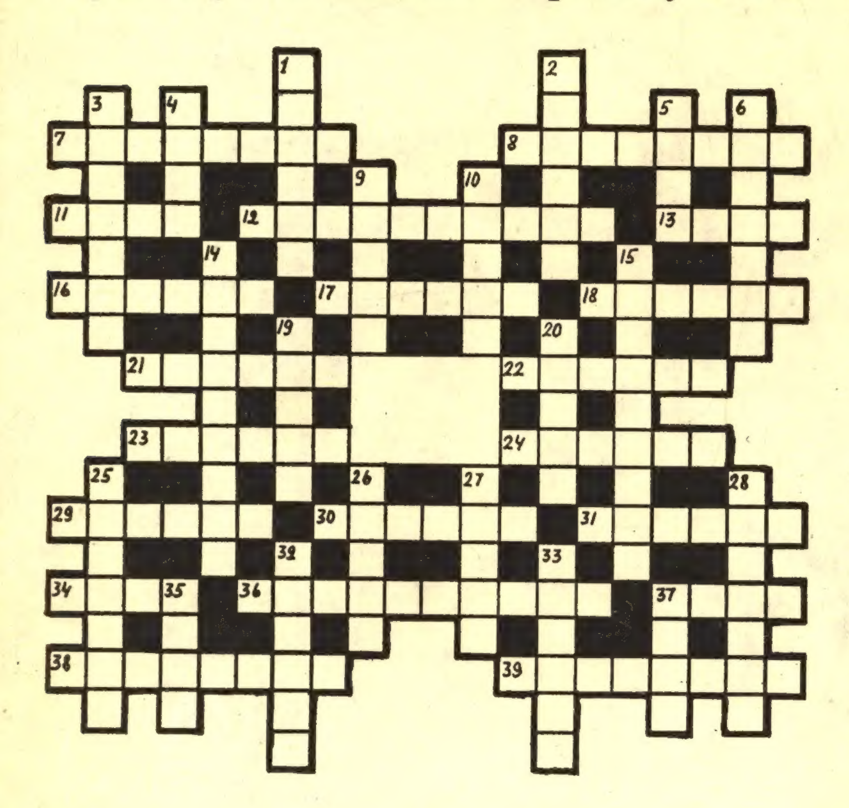
«Не знаем, как это сделать по вашим производственным планам, однако наша семья с удовольствием перечитала бы еще раз некоторые произведения, напечатанные много лет назад в вашей «Роман-газете». И очень молодежи это было бы полезно. У вас ведь была обширная почта, вам лучше знать, что нравилось вашим читателям. Так как у вас грядет юбилей, то почему бы по этой причине не переиздать что-нибудь особо любимое народом?»

Семья Сапрыкиных, г. Волгоград

«Вы объявляете, что у вас в журнале печатаются только лучшие произведения. Но в последние годы можно заметить, что вы стали часто публиковать малоизвестных авторов или не самые интересные романы и повести. Хотелось бы видеть на страницах «Роман-газеты» только самое-самое — и самое интересное и самое лучшее».

Н. Левашов, г. Архангельск

Кроссворд составлен по роману Олега Михайлова «Суворов»

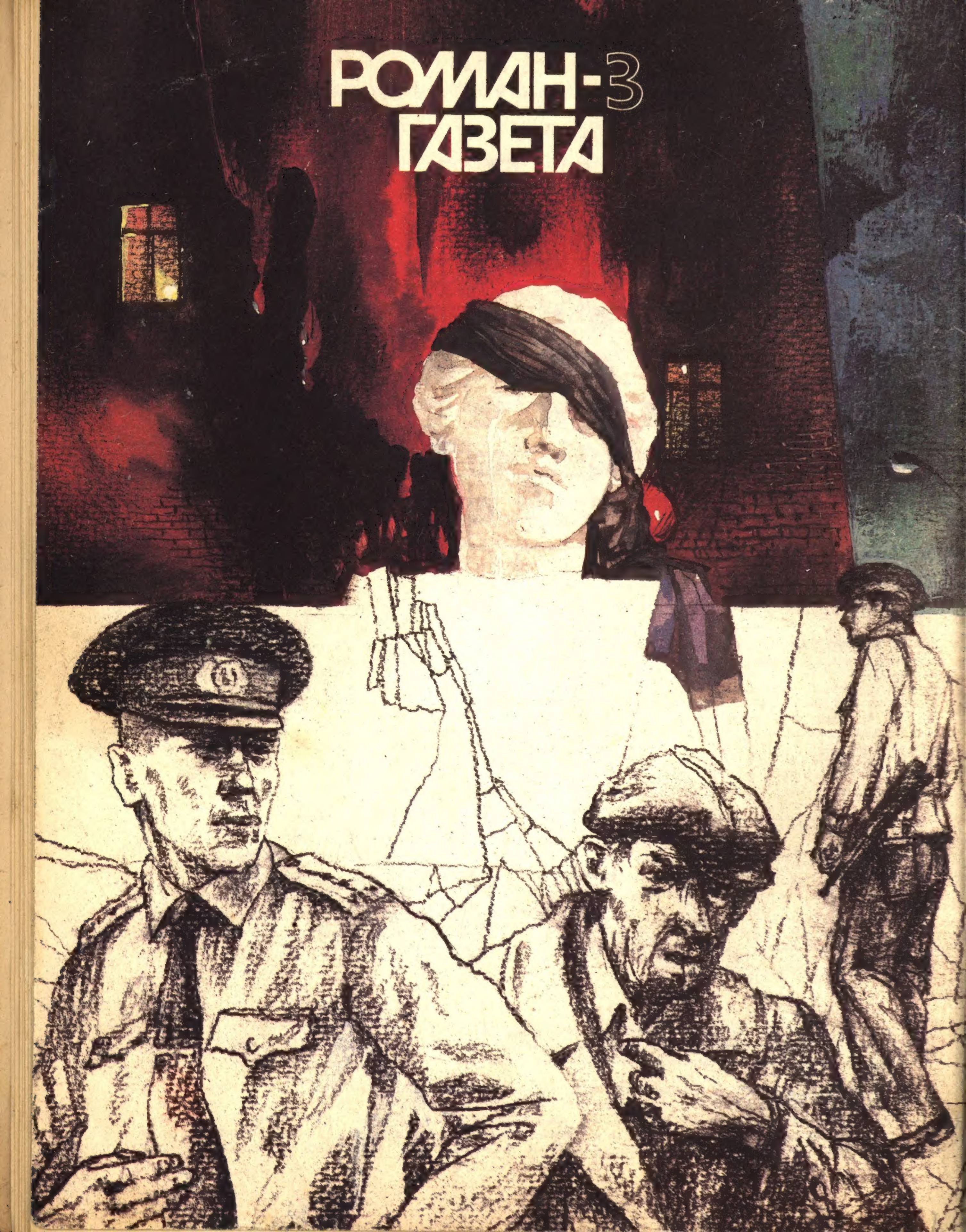

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **7.** Кинорежиссер, автор фильма "Суворов". **8.** Исполнитель роли Суворова в одноименном фильме. **11.** Возможная опасность. **12.** Имя адъютанта полководца. **13.** Колющее оружие. **16.** Офицерский чин в кавалерии. **17.** Древнерусский город, в котором служил полководец в 1762-1768 годах. **18.** Горный перевал, через который совершили переход суворовские войска в 1799 году. **21.** Крепость, которая взята штурмом под руководством полководца в 1790 году. **22.** Воинский чин, в звании которого начал действительную службу А. В. Суворов. **23.** Часть обмундирования. **24.** Генерал, сподвижник А. В. Суворова. **29.** Город в Белоруссии, где находится Военно-исторический музей им. А. В. Суворова. **30.** Имя камердинера, который служил до последних дней полководцу. **31.** Крупное войсковое соединение. **34.** Род копья. **36.** Село в Новгородской области, куда был выслан великий полководец на два года. **37.** Река в Северной Италии, которая служила суворовским войскам рубежом обороны. **38.** Польский военный деятель, современник А. В. Суворова. **39.** Русский поэт, автор строк: "Смотри, как в ясный день, как в буре, Суворов тверд, велик всегда. Ступай за ним - небес в лазури. Еще горит его звезда".

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Остановка в пути. **2.** Крепость в Италии, которая взята штурмом суворовскими войсками в 1799 году. **3.** Автор картины "Переход Суворова через Альпы". **4.** Воинская часть. **5.** Походное движение войск. **6.** Город в Польше, в районе которого суворовские войска нанесли поражение польским повстанцам в 1794 году. **9.** Свод правил и положений. **10.** Река в России, которую форсировал отряд Суворова, преследуя войска Пугачева. **14.** Населенный пункт на Кубани, где произошла битва русских с нагайцами в 1784 году. **15.** Русский полководец, ученик и сподвижник А. В. Суворова. **19.** Река в Польше, в которой был спасен одним из солдат полководец. **20.** Снаряжение кавалериста. **25.** Мушкетер, который спас А. В. Суворова в бою под Кинбурном. **26.** Крутой спуск. **27.** Разведовательная боевая операция. **28.** Город, в котором находилась штаб-квартира А. В. Суворова. **32.** Место рождения великого полководца. **33.** Автор картины "Бой у Чертова моста 14 сентября 1799 года". **35.** Город в Италии, в районе которого располагался суворовский лагерь в 1799 году. **37.** Открытая площадка для поддержания огня.

Кроссворд составил
А.В.Леонтьев (г.Псков)

Валерий ГАНИЧЕВ ▪ главный редактор, директор издательства,
Александр ЖУКОВ ▪ заместитель директора издательства,
Виктор МЕНЬШИКОВ ▪ заместитель главного редактора

РОМАН-ГАЗЕТА
3